

А. И. Алексеева

БОЯРСКОЕ ЦАРСТВО

ТАЙНА СМЕРТИ ПЕТРА II

*Тайны
Российской
Империи*

А.И. Алексеева

«Боярское царство»
ТАЙНА СМЕРТИ ПЕТРА II

Москва
ВЕЧЕ
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
А47

Алексеева, А.И.

А47 «Боярское царство». Тайна смерти Петра II / А.И. Алексеева. — М.: Вече, 2010. — 272 с. — (Тайны Российской империи).

ISBN 978-5-9533-4840-9

Среди белых пятен русской истории — 1725—1730 годы, когда за пять лет сменилось четыре императора. В их числе был отрок Петр II, при котором завязался тугой узел придворных интриг. Что будет с юным императором, чем кончится схватка Давида с Голиафом, каковы намерения Петра II и их завершение? Чего добивалось окружение царя и что из этого вышло? Обо всем этом пишет историк и писатель Адель Алексеева.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46**

ISBN 978-5-9533-4840-9

© Алексеева А.И., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

В русской истории были могучие личности, которые не только при жизни, но и после смерти притягивали к себе внимание и, подобно магнитным полям, на долгие годы определяли развитие страны. Это были Пётр I, Пушкин и Лев Толстой. Пушкин породил целую плеяду поэтов и осветил будущее всей нашей литературы. Пётр I, как демиург, создавал новый русский мир, и всё двигалось по его велению и законам.

Но если Пушкин и Толстой остались в вечности, то смерть Петра I стала катастрофой и породила разноречивые мнения. Что будет далее? Продолжит ли Россия избранный им европейский путь или вернётся к стародавним временам? Магнитное поле его ослабло, к тому же царь не оставил завещания. Корабль российский остался без капитана и был терзаем бурями, ветрами и шквалами.

Два года после него правила супруга Петра I Екатерина I, но и она вскоре ушла в иной мир. На троне оказался мальчик, внук Петра I, на плечи которого легла тяжкая ноша. Конечно, его окружили регенты, верховники, Меншиков, а радость, без которой не может быть здорового детства, исходила лишь от молодого князя Ивана Долгорукого. Окружение тянуло отрока в разные стороны:

одни — идти вслед за Петровыми подвигами, другие — вернуть старую Русь, не давать воли иностранцам. Пётр Великий умел соединять то и другое, иностранцев подчинял своей воле, а теперь...

Однако царь ещё жив и можно приблизиться к его смертному одру.

Часть первая

У ГРОБА ИМПЕРАТОРА

...Был конец 1724 года. Пётр I полулежал в креслах, сваленный внезапным недугом. Терпеливый и выносливый, привыкший к болям, он морщился, лицо его передёргивалось, а то вдруг успокаивался, обводя всех тёмными глазами.

Супруга его, рассеянно касаясь белокурых волос двух внуков царя — Петра и Наталии, — не сводила глаз с императора. Иногда он поднимал веки и ясным взором поводил вокруг. Вот они, его сподвижники! И коротко, с перерывами называл их имена, словно желая унести всех с собой...

— Благоднейший из всех — фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, царствие ему небесное!.. Хитрейший из хитрых — мин херц Меншиков... Долгорукие (Долгоруковы) Древняя фамилия, у них и ума, и злости — в избытке... Князь Черкасский — устроитель моего города Санкт-Петербурга. — Он перевёл взгляд на внука. — Запоминай их, Петруша... Шафиров, Толстой Пётр. А вон тот, каланча в чёрном парике, — учёнейший муж Яков Брюс.

Помолчав, обратился к Брюсу:

— Поспрошай: каково кумекает мой внук, — не ему ли придётся трон наследовать? Были у него два учителя, да только дурни, побил я их батогами и прогнал... Назначил учителем Остермана. Как смотришь на сие, Яков Вилимович?

Брюс кивнул, царь вновь перевёл взгляд на мальчика:

— Че хмуро глядишь на меня? Боишься? Зря! Ну-ка отойди, встань подале... Да ты дюже велик, отрок... Ну-ка скажи, сколько будет пятью семь?.. А ещё: коли ветер с востока дует, куда корабль надобно вести?

— Не ведаю, государь.

— Эх ты, «не ведаю»...

Пётр I прикрыл глаза и надолго замолк. А Петруша и сестра его Наталия — голубоглазые, белокурые, словно два ангела, на лицах — ни слёзки, ни печали, только недоумение и робость, а ещё, может, страх...

К Рождеству Петру стало легче, священники, простые люди молились за его здоровье. А миновали морозные рождественские дни, подули ветры — улучшения не случилось. Пётр I перебирал бумаги, но как-то вяло...

Слева от смертного одра, чуть поодаль, стоял у мольберта человек с кистями в руках — торопился запечатлеть великую минуту: не было ни единого явления, в которое бы не вникал и не вносил своего толкования сей император. Ради поддержания живописцев сделал выставку Артамона Матвеева, а вельможам и сенаторам, князьям и графам повелел покупать те «кортыны». Художник Таннауэр писал картину с особым тщанием, вдохновением, широкой

кистью — царь представлялся ему лежащим на плоту, который плывет через реку Стикс в царство Аида...

Нева в те дни стояла оледеневшая, горбатая, тёмная, словно тоже охваченная трауром. На домах колыхались печальные флаги, а по окраинам всё так же весело выглядывали раскрашенные голландские домики с цветными картинками, парусниками, букетами и даже женскими ликами.

В печаль погрузились стоящие вокруг. В то же время всех мучил вопрос: кто наследует трон? Отчего молчит государь и как его понять?

Но вот опять приоткрылись веки, блеснули живые тёмные глаза — и вновь помутились... Насовсем или нет?.. Впрочем, один глаз открыт, пугающе открыт... Петруша со страхом смотрит в него. Екатерина рыдает в голос. Меншиков в отчаянии теребит парик. А новгородский архиепископ, театрально воздев руки, восклицает:

— На кого ты нас оставляешь, благодетель?!.. Восстань со смертного одра!..

Кирилл Разумовский усмехается: «Восстанет ежели, поглядит, что мы творим, что скажет?»

Шум и гвалт стоят несообразные с часом... В ужасе, в горестном изумлении пребывают сановники, вельможи, генералы.

Тут же и дети, отроки — Голицыны, Шереметевы, Черкасские, недоросли и отроковицы. «Что станется теперь?» — думает Наташа Шереметева, вспоминая, как пять лет назад вот так же величаво умирал её отец, а потом царь первым шёл за гробом, и плач стоял по всей Невской перспективе.

Марья Меншикова неотрывно глядит в лицо царя — как темны его власы и усы, как бледен лоб, лицо страдающее подёргивается. Отец её любимец императора, но что ждёт их теперь?

Заплакали внуки Петра I — Наталия и Пётр.

Раздалась музыка, послышался тихий хор женских голосов, навевающий мысли о вечном. О вечном — и о завтрашнем дне: кто наследует царю-исполину? Окаменев, вслушиваются в последние его слова. Но услышаны лишь два слова: «Отдайте всё...» И Пётр I испустил дух. Кому отдать всё? На кого надежда?

Один глаз совсем закрылся, а второй — смотрит грозно и мертво. Неужто Всевышний, сам пославший сего великана на землю, отступился и перекрестил его в последний раз?..

И вот уже восьмёрки лошадей в чёрных епанчах, золотая с чёрным колесница, генералы, сановники, князья и графы двинулись по ровной стрельчатой дороге к Петропавловскому собору. Шествием, как и всей церемонией, распоряжается Яков Брюс. Учёный, изобретатель, знаток политеса, обожающий царя, он не отводит взгляда от мёртвого лица, словно заклинает, словно надеется на воскресение.

У него было написано тридцать листов и двадцать пунктов той церемонии, но вид его ужасен: худой как столб, в чёрном парике, камзол болтается. Бальзамировать царя — тоже его дело. Кому ещё сие по плечу? Он делал чучела, лечил кавалерию, занимался алхимией, говорили, что пришил собаке ногу и чуть ли не оживил женщину, подобно египетской царице Изиде, которая собрала по кускам убитого мужа и воскресила.

Лядащий (нехороший. — Ред.) был февраль 1725 года. Месяц царь лежал на морозе, в гробу, обитом золотым глазетом, серебряными позументами, в камзоле, шитом серебром, при шпаге и с Андреевской лентой. Свидетель тех дней Нащокин писал: «1725 год началом своим зело неблагополучие России оказал... Я не могу от неискусства пера описать, как видим был общий плач... О погребении его великое множество за гробом, и всяк хотел помнить. Везде неутешная печаль стояла. Но распространяться о толикой печали недостаток моего воображения прекращает...»

Похороны состоялись только 8 марта.

В траур погрузилась ошеломлённая страна. И при дворе не утихали сетования, споры и пересуды: чья теперь очередь? Какая партия возьмёт верх? Сторонники Екатерины, малого Петра или немецкая партия? Многие, воспользовавшись okazji, хотели удалиться «в свои усадьбы и дома». Честолюбцы же, напротив, жаждали укрепиться в новой столице.

Брюс шагал по мощёной дороге, размышляя, как разумно строил свой город император. Планировал вместе с архитектором Трезини и особую роль отводил этой дороге к Петропавловскому собору. На той стороне Невы — увеселения, дворцы, а на этой — тюрьма и Петропавловский собор, место упокоения, доказательство тщеты усилий человеческих. Теперь в этом соборе будет захоронен творец сего града.

Брюсу или, может быть, Остерману пришёл в голову рассказ Лефорта о древнем рыцарском ордене, который исповедовал веру в Чашу Грааля, в то, что Христос с Магдалиной ушли к северу, не к югу, и потому надобно

там искать Чашу Христову и Его кровь. Тайные люди предсказывали: там, среди белых ночей, под бледным солнцем, след Чаши Грааля, там не нужен свет, ибо там белая ночь. Не оттого ли Брюс, объехав Европу, изучив десятки языков, навсегда остался именно здесь, в царском граде белых ночей?.. А ещё тайные люди говорили, что гении, наделённые прозрением и волей, одержимые одной-единственной идеей, доживают лишь до полусотни лет, — так и Пётр I.

Брюс всматривался в помолодевшее лицо Петра. Смерть стёрла следы мучительного вопроса: победит ли он русскую косность, не свернёт ли страна после него на старую дорогу, не возьмут ли верх сторонники первой его супруги Евдокии Лопухиной да изменника-сына? И не выбросят ли дела его на свалку?

Ни о чём таком не догадывались ни Екатерина, ни другой наследник — десятилетний внук Петруша, хотя вокруг — нестроения, косые пересуды, взгляды...

Завтра соберётся Верховный совет и решит, кому наследовать трон. Члены его: Меншиков, Репнин, Апраксин, Толстой Пётр, Мусин-Пушкин, Василий Долгорукий, Яков Брюс, Дм. Голицын, Юсупов...

Размышления о наследии Петра I

Один великий грек дерзал утверждать, что если ему дадут точку опоры, то он перевернёт земной шар, — Архимед был гениальным теоретиком. А на практике, в политике? Россия породила двоих человек, которые одной своей

волей хотели перевернуть шестую часть суши. Петру это удалось при глухом недовольстве народа. В XX веке идея Ленина обрела силу, масштаб, но — вызвала гражданскую войну. Увы! На практике великие замыслы кончаются худо: и тот и другой не дожили до 55 лет — человеческие силы имеют предел.

Спор, начатый у гроба первого императора, шёл много лет, не кончился он и теперь. Одни историки считают Петра I жёстким диктатором, напрасно поколебавшим стародавние законы. Другие видят в нём титана, давшего разбег России и ничуть не изменившего традициям, Православию.

Философы говорят: воспитателями Петра были не тихие бояре, а сам Всевышний, который вложил в него одержимость и веру в могущество страны, в то, что Россия станет великой морской державой. Первую свою морскую поездку царь совершил в Архангельск. Потом разузнал о славном городе Амстердаме, богатом оттого, что в порты его пристают парусники и суда с торговыми людьми. А как любил увлекательные рассказы о заморских странах!..

Петра редко видели в Кремле, он, как «летучий голландец», носился по европейским городам. «Что за царь у нас? — говаривали в Москве. — Не царь, а дьявол какой-то». Действительно, по южным рубежам Европы отправил он Бориса Петровича Шереметева (был тот старше Петра на 20 лет, знал языки и политес, мог договориться и с поляками, и с римским папой, и с мальтийскими рыцарями) — в предстоящей войне Петру были нужны союзники. По северным рубежам Европы царь отправился

сам. Научился там мастерить, познал тайны судостроения, так что вернулся уже вооружённым знаниями мореходного дела.

Ещё раньше, пытаясь взять Азов с суши, потерпел поражение. Однако от поражений царь никогда не терялся, а просто делал выводы. В скором времени, построив корабли, подкрался к Азову с моря — и турки запросили мира.

После Амстердама и Венеции царь загорелся идеей построить город у впадения Невы в море, то бишь на болоте. Со всей страны свезли крепостных, работных людей — несть числа, сколько их трудилось и гибло. Город рос. И Пётр заставил Европу не просто считаться с ним, а уважать Россию. Теперь можно было померить силы и с молодым смельчаком, шведским королём Карлом XII.

Наводя новые, европейские порядки в России, царь повелел стричь бороды (или платить налог), обрезать длинные рукава, потому как они мешают работе...

Одержимый идеей поставить Россию вровень с Европой, он уже грезил увидеть подданных своих грамотными — ведь пока за Уралом только в монастырях умели читать-писать. Воеводам приказал открыть церковно-приходские школы. Якову Брюсу велел учить черчению, математике и навигацкому делу недорослей и способных отроков.

Народ ворчал, ругмя ругал втихую царя, однако солдаты его уже полюбили за характер, энергию, а сподвижники преданно служили (хотя и не без ворчания), и образовалась их целая когорта. Они-то и приводили в действие сложную петровскую машину управления. А челове-

ские качества его покоряли. Он ел и пил немного — и всё замечал сквозь содержимое бокала.

Умный государь брал себе умных министров. Яков Долгорукий — один из немногих, кто говорил царю в лицо правду, делал упрёки. Когда Долгорукий высказал ему несогласие, Пётр (пишет Ключевский) расцеловал его, сказав: «Благий рабе верный! В мале был еси мне верен, над многими ты поставлю».

Историк В.О. Ключевский пишет так:

«Несчастье Петра было в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не наполнялась... Недостаток суждений и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза...

С детства плохо направленный нравственно и рано испорченный физически, невероятно грубый по воспитанию и образу жизни и бесчеловечный по ужасным обстоятельствам молодости, он при этом был полон энергии, чуток и наблюдателен по природе. Этими природными качествами несколько сдерживались недостатки и пороки, навязанные ему средой и жизнью...

Он умел своё чувство царского долга развить до самоотверженного служения, но не мог уже отрешиться от своих привычек, и если несчастья молодости помогли ему оторваться от кремлёвского политического жеманства, то он не сумел очистить свою кровь от единствен-

ного крепкого направителя московской политики, от инстинкта произвола. До конца он не мог понять ни исторической логики, ни физиологии народной жизни. Впрочем, нельзя слишком винить его за это: с трудом понимал это и мудрый политик и советник Петра Лейбниц... Вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения; он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с её исторического русла и вогнать в новые берега. Потому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости.

Пётр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью...»

Мог Пётр кулаком ударить, а мог и крепко расцеловать за добрый поступок. Никогда ранее таких царей на Руси не было.

Церковь? За снятие колоколов, за неисполнение им всех церковных обрядов царя поругивали, однако уважали за молитвенное отношение к священной истории, к Евангелию, за верность православию (хотя боялись

латинства, протестантов, которые окружили царя в Лефортове, в Немецкой слободе):

...Миновали годы, уже не было на свете Петра, но споры о роли его в русской истории продолжались.

В XIX веке историк Погодин доказывал, что сын Петра, царевич Алексей, тоже был «великого ума и сильной воли». Увы! Царевич был слаб, шёл против отцовских новшеств, стоял за старую Русь, не спорил с теми, кто называл его отца «Антихристом». Нащокин написал книгу «О повреждении нравов в петровские времена», однако и он вынужден был признать: если бы Пётр не сделал такой рывок, Россия ещё 200 лет догоняла бы Европу.

Историк С.М. Соловьёв напоминал: не только простой народ и не только раскольники или вообще люди, не терпевшие преобразовательных идей, недовольны были Петром. Именитые дворяне тоже. Они не хотели отправлять своих детей в европейские школы, институты, это было не по нутру боярам-лежебокам. Пётр — не Архимед, но эту-то махину он сдвинул с мёртвой точки.

...И всё-таки, как бы ни изучали учёные-историки эпоху Петра Великого, что-то от них всегда ускользало, и что-то весьма важное. На наш взгляд, ускользало такое чувство, как страсть. Мысли можно прочесть в письмах и документах императора, но чувства!.. Царь жил чувствами, мечтой, страстями. Была у него жена, первая, были возлюбленные, но только в «Катеринушке» нашёл он то, без чего ему трудно было бы жить. Она могла унять его припадки (они начались оттого, что в пятилетнем возрасте на его глазах убивали его дядю), нервное подёрги-

вание лица, внезапную слабость в голове. Наверняка и в любовных утехх они были равны. И оба прощали друг другу увлечения, ибо действительно любили, и страстно любили.

Была и ещё одна замечательная вещь в биографии Петра: он не играл в детстве в игрушки, он сразу начал с настоящих ботинок, с настоящих собственных солдат — своих друзей, мальчишек. И так же играючи взялся за дела государственные: ботик спустить на воду — то же, что соорудить корабль по аглицкому примеру, а вести его мог хоть бомбардиром, хоть капитаном...

ИГРА и СТРАСТЬ — главные свойства Петра I...

Но отчего всё же не назвал он своего преемника? Неужто хотел оставить супругу-немку?.. Или из-за болезни не успел произнести имя?.. Так и осталось сие тайной...

***Ваше величество,
Екатерина Алексеевна, пожалуйте на трон!***

Такие или подобные слова произнёс Меншиков, когда Верховный тайный совет решил провозгласить её императрицей. Первым, впрочем, те слова проговорил глубокоуважаемый Андрей Иванович Остерман. Однако сразу стало очевидно, что в главного советника и фаворита императрицы метит Меншиков.

Вряд ли Екатерина жаждала власти — она была сильна рядом с Петром, а одна? Магнитное поле её уже не питало. Разве осилить ей этакую державу?

Екатерина приняла весть со вздохом, а день тот, вероятно, провела в своей комнате. С чего начинать, что делать? Может быть, вспоминала, как короновал её супруг. 15 ноября 1723 года он издал манифест, в котором написал, что во всех христианских государствах издавна существовал обычай короновать своих жён, отмечал её заслуги в только что закончившейся двадцатилетней войне. Пётр писал: «Она была нашей помощницей и с великим самоотвержением участвовала в походах и военных действиях, одобряла нас и войска мужеством и геройством, переносила все трудности солдатской службы... Того ради данную нам от Бога властью за такие супруги нашей труды решили мы короновать её императорским венцом».

Коронация совершалась в Москве, в Успенском соборе. От красного крыльца к Архангельскому собору были сделаны помосты, покрыты красным сукном... Великое торжество устроил великий её муж. Однако что теперь последует? Будет она царицей, долго ли? Или верх возьмёт другая партия, которая за внука, великого князя Петра?

В Грановитой палате в день коронации устроен был парадный обед, на площади — угощение для народа. Однако слышались недоброжелательные речи: к чему нам немка?

Историк Костомаров отмечал: «В истории всех человеческих обществ мало отыщется личностей с такою странною судьбою, какова была у Екатерины I, второй супруги Петра Великого».

О происхождении Екатерины Алексеевны написал в своих «Записках» Х.-Г. Манштейн:

«Кажется, что желавшие прикрыть низкость породы Екатерины I, производя оную от лифляндского или польского дворянца, не размыслили достаточно о том, что таковым вымышленным происхождением нимало не усугубляется слава чрезвычайного возвышения её, ибо оным обязана она единственно прелестям красоты и ума своего.

Екатерина родилась в Якобштадте, небольшом городке в Курляндии, принадлежавшем в прежние времена одному командору Тевтонского ордена. Отец её, бывший учителем при школе в Якобштадте, имея многочисленное семейство, нуждался в содержании его. Глюк, лютеранский пастор в Мариенбурге, с которым отец Екатерины находился в дружеских связях, изъявил желание взять к себе одну из дочерей последнего и пристроить её; жребий пал на Екатерину. Пастор принял девицу сию в дом свой, имел попечение о воспитании её и в 1702 году помолвил её за одного шведского унтер-офицера, служившего в квартировавшем в Мариенбурге полку.

Чрез несколько дней по сговоре Екатерины россияне приблизились к Мариенбургу, осадили, покорили оный приступом и всех жителей пленили. По существовавшему тогда обычаю, таковые пленные отсылались внутрь России, как для умножения народонаселения, так и для распространения ремёсл и художеств.

Русские вельможи, возымев отличное мнение о дарованиях лифляндок и шведок, старались помещать их в домоводки и наставницы к детям своим. По покорении Мариенбурга Екатерина досталась в удел генерал-поручику Бауру, но недолго оставалась у него; князь Меншиков уви-

дел её, пожелал иметь у себя и получил согласие г. Баура. Вскоре после сего Пётр Великий, посетив любимца своего, нечаянно встретился с юною, прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями её, немедленно спросил: кто сия девица? Князь Меншиков, рассказав о состоянии Екатерины, превознёс похвалами способности ума и кротость нрава её. Император, пылкий в страстях своих, тотчас решился соединиться с Екатериною. С сего дня разделяла она с государем ложе, хотя чрез долгое время потом не была ещё объявлена супругою императора...»

Итак, Екатерина Алексеевна стала первой русской императрицей. При ней неотлучно находился Меншиков, а указы утверждал Верховный тайный совет. Одним из первых её указов был указ о бородах, а вернее — «Указ императрицы Екатерины I о содержании себя в чистоте и о бритии бород отставным военным чинам».

Меншиков льстиво ввёл такое обращение к Екатерине: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская».

В указе о бородах упоминалось и ношение платья: «Штаб- и обер- и унтер-офицерам, капралам и рядовым, которые от полковой службы отставлены и отпущены в дома, вовсе и на время, и кои определены к делам, всем носить немецкие платья и шпаги и брить бороды... А ежели кто по тому указу исполнять не будет... того наказывать, урядников и рядовых батогами, а с офицером править штраф...»

Женщина есть женщина! Пётр I уже совершил такую «операцию», а Екатерина могла лишь повторить своего мужа.

Похоже, она была подавлена свалившейся на неё властью и передоверяла всё Меншикову, а чисто по-женски хотела лишь то поменять моды, то показать важность соблюдения семейных традиций.

Каждый день императрице поступали письма и жалобы. Но каким неприятным делом было разбирать их, вникать, наказывать! От этого голова болела. Чему порадуешься, коли жалобы идут и идут? К примеру, жалоба на распутного помещика.

«Бьёт челом Зубцовского уезду Отрубского стану бывшего ротмистра Петра Васильева, сына Бахтеярова, дворовой его человек Фёдор Тиханов на означенного своего господина, а о чём моё челобитие, тому явствуют пункты:

1. Оный господин мой женат третьим браком и, забыв страх Божий и не памятуя о смертном часе... как от прежних своих жён, так и нынешней своей жены Марфы, Васильевой дочери, со иными чинит незаконное прелюбодеяние, а именно: дворовою своею девкою Нефилою, Афанасьевую дочью...

2. С другою своею дворовою девкою, Прасковьею, Константиною дочерью, насильно преблудодейничает, которая от того беззакония обременела, и оную выдал замуж за дворового своего человека Логвина, Архипова сына, поневоле, а он, Логвин, сговорил прежде за себя иную дворовую же ево, Бахтеярова, жёнку, Марфу, Лазареву дочь, которая за то, что за него, Логвина, замуж не выдана, означенную Прасковью отравила мышьяком.

3. Он же, Бахтеяров, крестьянскую жёнку, имя не упомяну, в доме своём запытал и замучил до смерти.

4. Дворовым своим людям и крестьянам он, Бахтеяров, когда кто в хоромы придёт, святым иконам поклониться не велит, да и сам он, чаю что будет близко двадцати лет, к церкви Божией никогда не ходит и на исповеди у священника не бывает и таин Божественных не приобщается...»

В беседке Летнего сада

Граф Яков Брюс, поглядев на новое правление, подал в отставку. Екатерина подписала его бумагу о выходе из Верховного совета, наградила орденом — и он уже собирался в путь-дорогу.

Осень была ясная, лёгкая. Брюс прохаживался по дорогим местам, прощаясь с Санкт-Петербургом. Потеплевшими глазами смотрел на летний домик царя. Забрёл в Летний сад, сделанный в европейском виде, там боскеты перемежались с деревьями, кусты — со скульптурами. Античные фигуры — с мужскими торсами и женскими «штуками» грудными. Так их называл непривыкший и стыдившийся обнажённых фигур работный люд. Да и вельможные дамы ворчали на сие Петрово новшество.

В саду было малоллюдно — уж не протестуют ли обыватели из-за этих «грудных штук»? Такие скульптуры, пожалуй, опаснее стриженных бород и обрезанных рукавов. Да, великий Пётр, куда бы ни бросил взгляд, во всё вносил своё. В Сенате приказывал говорить «не по писаному, а своими словами, дабы дурость каждого видна была». Сад украсил обнажёнными «бабами» и амурами. Екатерина велела насадить тут поболее цветов, и это смирило обитателей «умышленного града».

Сидя в беседке, Брюс наблюдал, как цветы и листья перекликаются с нарядами дам, одетых в немецком духе. Как не покрасоваться на виду у важных вельмож и сановников, у моряков на судах, бороздивших Неву? Недурно и посидеть в беседке, посплетничать.

Девочки, а скорее отроковицы лет 12—13, шептались на аллее Летнего сада, скрывшись от гувернанток, их сопровождавших. Две из них — именитые, без которых сие повествование было бы неполным. Это Наталья Шереметева и Катерина Долгорукая. Да и третья, Марья Меншикова, тоже.

Заметив в беседке Якова Вилимовича Брюса, одна шепнула:

— Пойдёмте к нему, пусть погадает. — Долгорукая, подхватив подруг, потащила их к беседке.

Брюс сидел, вытянув длинные ноги, уложив одну на другую, прикрыв немного глаза, словно прислушиваясь к чему-то, одному ему ведомому. Скорбел по любимому императору или чуял в воздухе худые времена? Ещё недавно он чувствовал себя почти вровень с императором, они ценили и уважали друг друга. Брюсовы знания ни с чем не сравнимы, никого в России нет знатнее его в языках и науках, в астрологии и в алхимии. Он — потомок шотландских и ирландских королей. С Лефортом, Остерманом тайно говаривали про старинную легенду о Чаше Грааля, о крови Христа, о том, что искать её след надобно не в Европе, а в северных землях.

Однажды провели прямую линию от Шлиссельбургской крепости к месту Петропавловского собора, царю понравилась та идея, и Пётр сам заложил первый камень.

Вознёсся шпиль золотым крестом, а крест тот опирался на яблоко, которое есть тайный знак... В Европе они узнали о масонах. Царь, однако, был тем и велик, что не поддавался чужим словесам, брал лишь то, что полезно, любопытно для российского человека. «Знать — не значит подчиняться или исповедовать чужие обряды и законы», — говорил он. Ничем не могли свратить Петра с его православной точки опоры.

«Уж не космогонического ли происхождения сей человек?» — думал Брюс. Он был звездочётом и все земные явления связывал с небесными, знал о Луне и звездах столько, сколько неведомо никому... В нём было нечто загадочное.

И юные княжны — Долгорукая, Меншикова, Черкасская, Шереметева — предстали перед его беседкой. Катерина, приседая и жеманясь, поклонилась:

— Яков Вилимович, вы знаете тайны земли и неба. Погадайте нам! Что вам стоит? Соболаговолите... Как погадать? Да вы ж по-всякому умеете... По Луне, на ладошках, по звёздам... Уже меркнется... Вы ж чудесник, всезнательный человек!

Брюс повёл глазами от одной к другой девице, помолчал, и в глазах его мелькнуло озорство, смешанное с напускной важностью. Ещё глубже, кажется, стали морщины, они как шрамы пересекали его лицо во всех направлениях.

— Ай-яй-яй! Вас ист дас, медхен?.. И вы, никак, желаете, чтоб я сразу всем гадал? Так не бывает. По одной, только по одной. — Он оглянулся вокруг. — Прочие вон с глаз моих, за кусты, за боскеты!.. Ах, медхен, медхен!

Девыцы, вступившыя в пору амурных дел и стыдных мыслей! Сами от себя вы держите в тайне чувствования свои, оттого и решились выведать что-нибудь. Зер шлехт, медхен! Своя голова — царица, а вы... чего ждёте от меня? Света много, Луны не видно, как буду гадать?

— А вы по ладошке, Яков Вилимович, — шепнула Марья Меншикова, лицом совсем не схожая с отцом, ни хитрости в глазах, ни силы, волосы — белым облачком, личико — как пасхальное яичко. Отец хотел её сосватать с юным Петром, а у неё совсем иной человек поселился в сердце. Ничего не поделаешь, надобно отойти, — Катерина уже ручку протянула, и Марья с Натальей и Варей отошли за боскеты.

У Катерины лицо бледное, а глаза тёмные, блестящие, Брюс раскрыл её ладонь, поводил по ней жёстким своим пальцем, перевернул, вбок поглядел — долго молчал и, наконец, промолвил:

— Кровь долгоруковская так и кипит, так и играет в тебе... Только не всё судьба делает так, как кому хочется... Амур? Глубокая линия любви... Только к чему — или к кому?.. Ветры танцуют посредине... Многие бедствия ожидают тебя, храбрая княжна. Однако и силы твои великие...

— А ещё? Что ещё там? Чего ждать?

— Разве мало я тебе сказал? Прочее — сама уразумеешь... И иди. Ежели дождёшься — покой получишь, — закончил он.

У Катерины горели глаза, она уже знала толк в амурных делах, её «петиметр» — кавалер из австрийского посольства и очень хорош собой. А Брюс уже вынес

заклучение, что девица сия нравная, привередливая, капризная.

— Высоко взлететь — тяжело падать, — добавил он. — Власть и роскошь убивают чувства... На твоей голове может быть либо корона, либо — железный крест: берегись, красавица, власти, да и себя самой...

— Да почему, почему? — вспыхнула Катерина.

— Дас ист фатум, судьба. Иди, — скривив губы, бесстрастно заметил Брюс, отвернулся и произнёс сам для себя: — Чего ждать, чего гадать, коли не стало Петра Алексеевича? Он владел всеми основами знаний, стремился учиться, знал альфу и омегу всякой науки...

Между тем темнело, и на светлом небе обозначился бледный краешек Луны. Брюс поднял подзорную трубу, которую всегда носил с собой. Перед ним стояла Марья Меншикова. Долго молчал, глядел в небо, а сказал коротко:

— Знак твой в Плутонии, а у любезного тебе человека — в Меркурии, и озабочен он практическими делами... Весьма озабочен, кабы не повредило сие тебе. Хаос, хаос!.. Сосна и берёза не растут рядом — знаешь? Любить друг друга — не значит сковать другого... Суженый твой будет далеко...

Брюс знал «любезного» сердцу Марьи человека, даже учил его персидскому языку, и того должны послать в Персию. Звездочёт опустил подзорную трубу.

— А что потом? — вспыхнула Марья.

— Не ведаю. Иди!

Робея, предстала перед Брюсом Наташа Шереметева. Слышала, что учёному ведомы всякие тайны, даже то, что

под землёй, — по травам, камням, расположению угадывает он, где железо, а где медь, серсбро, и называют его «рудознатцем». Тот начал неожиданно:

— Вот бы кого мне в ученики! — Глядя в её нежное лицо, твёрдым пальцем провёл по ладони. — Среди человек тоже есть золотые жилы... Таков был твой фатер Борис Петрович Шереметев... Умница, благоразумница, но... ждут тебя испытания. Только всех ближе ты к Небу, к Богу... Ах, медхен... Золото огнём закаляется, а человек — напастями... Но рано или поздно — вы вместе... когда белые птицы поднимут белые крылья... Чем глубже горе — тем больше вместится радости... тем громче звонят колокола.

Яков Вилимович на секунду прижал Наташу к груди и тут же оттолкнул:

— Дай Боже тебе справиться... mit Fatum! — и поднял вверх палец.

Стайку отроковиц позвали гувернантки, и они исчезли. А Брюс остался ждать, когда стемнеет петербургское небо...

Однако скоро заметил знакомый силуэт — высокую, тонкую фигуру в белом парике: неужто внук Петра I, будущий наследник Пётр? У юного отрока был хороший знак рождения — Весы, только не похоже, чтобы жил он в равновесии, покое. Ах, Питер, Питер! А кто это быстрым шагом догоняет его? Да то ж Меншиков! Он поселил у себя царевича и следит за ним...

* * *

Не знал Брюс, что Меншиков и на следующий день опять искал царевича.

Остерман советовал отроку подружиться с Петром Шереметевым — и юного Петра приглашали в его Фонтанный дом. Только похоже, что более, нежели к Петру Шереметеву, благоволил он к сестре его Наталье. Как-то она сказала: мол, оба мы без отца, без матери, сироты, и это ему понравилось. А ещё пахнуло чем-то давним от её бабушки Марьи Ивановны. Она вспоминала зятя своего фельдмаршала Бориса Петровича, дружбу его с царём Петром I.

И в тот день, завидев карету наследника на Фонтанке, Наташа выбежала к воротам и летала как ласточка, показывая графские хоромы. А потом они уселись в бабушкиной комнате и слушали её рассказы.

Не выпуская из рук пяльцы, та рассказывала о знатном путешествии Бориса Петровича по заграничным краям. Какие необычайные приключения совершились в той поездке! Обоз был великий, несчётно подвод — там лежало всё, что надобно для долгой дороги, а ещё дары иностранных королям. Польскому Августу, венскому Леопольду, папе римскому и многим, многим... А в Польше случился «рокош» — с мятежами и убийствами. И только знание польского языка да галантность Шереметева спасли от злодейства. А ездил он под именем ротмистра Романова и своей фамилии не называл. В Вене его с почтением принимал королевский двор, и очаровал он всех любезным обращением с дамами и учтивостью...

Пётр I велел искать союзников на юге Европы — оттого пришлось проявить религиозное свободомыслие. «Ротмистр Романов» ради того посетил католический собор. Очень нужна была встреча с римским папой, чтобы,

как велел Пётр I, заручиться и его поддержкой в будущих войнах. За Борисом Петровичем в той поездке следили секретные агенты и писали: мол, подозрение вызывает сей москвит, желает он посетить остров Мальту, а что думает — неведомо, разгадать его мысли трудно, похвалы его сомнительны... На обратном пути с Мальты — тоже приключения: море так разбушевалось, что они еле живы остались... А всё же дело царское сделано: число наших сторонников прибавилось...

— И государь сказывал, когда они встретились: «Зело благодарен я тебе, ротмистр Романов, то бишь генерал Шереметев!» Вот каков мой зять Борис Петрович, — горделиво повернув голову, сказала бабушка. — Вот и ты, Петруша, да и сестрица твоя, вы сидите близ трона — так про этакое-то запоминайте, авось пригодится.

— Думаете, служить царю и Отечеству легко? — продолжала она. — Царь-то молод, скор, словно молния летает. С ним мешкаться — ни-ни. «Не мешкай! Не чини отговорки!» — любимые его словечки... Дал царь приказ: «Взять крепость Мариенбург! Паки и паки!» И всё!..

Взятие Мариенбурга было действительно большой победой Шереметева. Крепость окружена была морем, неприступна, как её взять? Сын фельдмаршала Михаил предложил: пробить брешь в стене и туда устремиться войску. Но на чём плыть? Как доставить снаряды? Пришлось разорить соседнее селение, поломать дома — из брёвен сделали плоты... Осада была долгой. Когда открылись ворота, Шереметев въехал на белом коне, его встречал пастор Глюк, а генерал удивлялся: «Почто так долго не пускали нас? Зачем столько людей погубили?»

— Но была и великая прибыль, — заметила бабушка. — в доме пастора Глюка Шереметев увидел служанку, которая подавала ему кофе, — хороша, услужлива, говорит по-немецки. И Шереметевы (был там и сын Михаил) взяли её к себе: мол, будет «портомоей», солдатские порты стирать... А вот поди ж ты — из портомой-то вышла царю жена, ныне — императрица...

Марья Ивановна не пропускала случая похвалить свой род, поучить уму-разуму будущего наследника и поворчать на выскочку Меншикова.

И тут, словно отзываясь на её мысли, у ворот раздались лошадиное ржание, гвалт и грубые голоса. Она выглянула из окна. Господи, сам Меншиков!

— Где великий князь? Кто разрешил покинуть мой дворец, ехать в Фонтанный дом?

Пётр Шереметев съезжился, сестра его перепугалась, но бабушка поднялась во весь рост — лицо её стало высокомерным — и промолвила хозяйским голосом:

— Что стряслось, Александр Данилович? Отчего такая хлопотня?

— Да вот, — гость снизил тон, — Остерман дожидается Петра Алексеевича, а его нет и нет. Учиться надобно.

— Учиться? — усмехнулась бабушка. — А ты знаешь, что твой Остерман учит только арифметике да греческому, а я — про жизнь истинную рассказываю.

Меншикова словно приструнили — притих и ласковым голосом пригласил царевича в экипаж. Камердинер усадил всех, и лошади понеслись на Васильевский остров, к Меншиковскому дворцу...

***Хитроумный Меншиков
и благодушная императрица***

Как разглядеть наследника великого Петра, его внука? Жил он недолго, воспоминания разноречивы, окружение — тем более. Художники писали его, но как далеки те портреты от истинного, ещё не сформировавшегося отрока! Лицо правильное, продолговатое, как у отца; большие грустные глаза — в мать; а от деда — ничего. На некоторых портретах проглядывает редкое сочетание мрачности и ангельского выражения. Но нет ни единой приметы бурной энергии титана. И всё же был один портрет, на котором отрок, более похожий на юношу, весь в движении. Только написан тот портрет не современником, а Валентином Серовым в начале XX века: это настоящий Пётр в самую, быть может, лучшую свою минуту! Весь — порыв и страсть. Не оттого ли, что изобразил его Серов рядом с милой ему принцессой Елизаветой, дочерью Петра I, к тому же во время охоты? В жизни же он пока оставался робким, порой капризным отроком.

А каков на портретах Меншиков, который поселил царевича в своём дворце и простёр на него свою власть? Это и хитрый лис, и могучий лев: смелый, отчаянный, мужественный. Подбородок выступает вперёд, на нём глубокая ямка — признак властности. Сын пирожника, мужик из народа, друг царя, светлейший князь Римской империи, он поднялся из низов на самую высокую ступень лестницы.

Мало того, фаворит Петра стал фаворитом Екатерины I. Когда-то она была его подругой, и теперь перед

Александром Даниловичем открывались заманчивые перспективы. Редко кто из неродовитых выдерживает такой взлёт.

Историк Костомаров вообще считает, что воцарением на трон Екатерина обязана Меншикову. Дело в том, что после смерти императора образовался заговор и участники его задумали отправить Екатерину в монастырь. Они делали ставку на армию, находившуюся на Украине под командованием Михаила Голицына. Светлейший князь случайно узнал об этом и предотвратил заговор. Но благодушная Екатерина не стала преследовать заговорщиков. Мало того, ради Меншикова Екатерина понизила несколько знатных семейств. Могла ли императрица не выказать благодарности Меншикову?

Костомаров писал: «У Репнина отнял власть Меншиков; канцлер Головкин, при избрании Екатерины заявивший, что не худо было бы услышать об этом голос народа, должен был замолчать, Василий Лукич Долгоруков удален был в Варшаву послом, а Остерман, постоянно державшийся стороны великого князя, вовремя успел притвориться больным и через то впоследствии поставил себя так, что во всё царствование Екатерины продолжал оставаться у дел. Сделавшись самодержавной государыней, Екатерина постоянно оказывала знаки любви и внимания великому князю, и это помогло тому, что её короткое царствование прошло без важных потрясений».

Хитроумный князь возымел целью обручить свою дочь Марью с царевичем Петром. Шёл он к своей цели ловко и ласково и добился своего. Екатерина уже болела (без Петра I она быстро теряла силы, к тому же образ

жизни, излишки в еде и питье делали своё дело) — она не процарствовала и полных двух лет. И тогда Меншиков, словно шахматист, сделал хитрый ход: он вдруг стал сторонником царевича Петра, как большинство старинных фамилий.

Ослабевшая Екатерина благословила Петрушу с Марьей Меншиковой, и отец еле скрывал переполнявший его восторг. Теперь надо было учить, воспитывать царевича, но, как пишут современники, светлейший едва выводил своё имя (правда, верится в это с трудом), и тогда в учителя он взял Андрея Ивановича Остермана.

Математика, история России, история Европы, войны Римской империи, галлов, русские летописи — это лишь часть предметов, которыми Остерман жаждал напитать юного царя. Вместе с тем Меншиков боялся влияния сторонников царевича Алексея. Они были живы, они ненавидели Петра I и могли внушить Петруше зловредные мысли!

Остерман знал языки, науки (стоит взглянуть на его портрет работы Таннауэра). У Меншикова ничего этого не было, но он был столь хитёр и внимателен, что, слушая сановников, усваивал, ловил удачные слова и выражения и питался ими, как пчела нектаром с цветков. И умел легко вернуть удачное выражение в беседе: «Мысль — как птица, любит простор, в клетке из слов не может расправить крылья, потому не надо держать их в себе», «Так делал великий Пётр», «Учение — свет, неученье — темнота. Знания — пример для народа, от Балтии до Сибири», «Любите семью свою, но не делайте оков из неё».

Мальчик, будущий император, молча слушал, кивал, однако приходила ночь, и в голове его теснились сомне-

ния. Мог ли не вспоминать несчастного отца? Бабушку Лопухину, которая бедствовала в Суздале по воле деда? Народ вспоминал их по-доброму.

Обычно такие ночные видения одерживали к утру победу, а утром отрок делился со своим властителем:

— Александр Данилович, ведь царь может всё? Он самодержец? Так желал бы я, когда стану царём, освободить свою бабушку из наказания...

— Можно, Пётр Алексеевич, отчего же нет? Всё в вашей власти.

Освободить Лопухину — значит выпустить на волю из клетки тех, кто называл деда антихристом. Но Меншиков не перечил. Он не догадывался, что под ангельским ликом скрываются опасные мысли. К счастью, отрок — пока! — не выказывал желания быть главным человеком в стране.

Александр Данилович между тем не догадывался, что отроку в его дворце становится скучно. Даже Брюс отмечал природные способности наследника, однако учился он без рвения. К тому же рядом была Марья, с которой он уже помолвлен, а ему любя совсем другая, дочь Петра и Екатерины — Лиза.

Привелось как-то Петруше наблюдать сцену между Марьей и Катериной Долгорукой (тоже видная девица). «Ах, покажите мне царское кольцо (которое подарено Марье в день помолвки)!» — протянула руку и надела кольцо на свой палец. Марья стояла, словно столб, а лицо у неё было как у куклы. Катерина топнула ножкой, отвела палец, любуясь бриллиантами. Не с того ли дня стал он всё холоднее с Марьей, и поселилась в нём мысль, чтобы отменить помолвку.

Замечала всё это Дарья Михайловна, жена Меншикова, и горевала, и плакала втихомолку. Утешала её только сестра Варвара: «Погоди, Дарья, что ещё станется со всеми нами. Твой-то ума лишается от власти... А коли императрицы не станет? Ведь худое её здоровье, худое... Светлейшему-то нашему пора бы подумать про то да и ослабить вожжи».

Однако кто быстро по лестнице вверх поднимается, тот не может остановиться. Уверенный, что станет в родстве с царским родом, Меншиков даже заказал портреты своего семейства для царского альбома...

Белые майские ночи — не лучшее время

Чем больше Яков Вилимович Брюс наблюдал картину жизни верхов без Петра I, тем менее испытывал желания окунаться в сие общество. В первых числах мая белой ночью он бродил по граду Петрову. Не стучался к знатым, а наблюдал...

Меншиковский дворец (всем дворцам дворец!) сиял тысячами свечей. Левый берег Невы застроен от Смольного до Новой Голландии, видны ветряные мельницы. Земля от Мойки до Фонтанки ещё не осушена, грязно, болотисто... Вымощена только набережная вдоль Невы — ещё при государе. Стоят частные дома-мазанки с пристроенными наверху мезонинами, на многих нарисованы диковинные птицы, вырезанные из дерева фигурки, всё больше амуры красного цвета.

Огибая дом Ягужинского, Брюс, как и следовало ожидать, услышал развесёлую музыку. Хозяин был мастер по

части новых затей. Видимо, в зале было холодно. Генерал, распоряжавшийся балом и одушевлявший общество, затеял такой танец, что даже дамы с оголёнными плечами скоро сбросили свои душегрейки. Танец тот представлял забавную смесь англеза, польского и штирийского танцев. Красуясь с Головкиной в первой паре, Ягужинский выдумывал разные фигуры, а остальные повторяли.

При дворе появилась новая мода: перемежать танцы с выдумками-выкрутасами. К примеру, кавалеры становились на одно колено и целовали подол платья своей дамы, те делали глубокие реверансы, а вместе они щёлкали в воздухе пальцами. Распорядитель, похоже, объявил «табачную паузу», и все потянулись за табакерками с нюхательным табаком. Головкиной пришлось в голову стянуть с кавалера парик — и мужчины вынуждены были обнаружить дурные причёски или, хуже того, голые лысины... Когда же был поднят тост за танцующих дам, всё с особой охотой устремилось к столикам, уставленным серебряными чарками.

Приближаясь к Долгоруковским хоромам, Брюс увидел высоченную сероватую фигуру в треуголке — и вздрогнул. Фигуру обрисовывала голубая линия. Неужто призрак Петра? Брюс устремился к удивительной фигуре, но не сделал и десяти шагов, как призрак растаял в свете белой ночи.

...А что делается в доме Долгоруких? Там не так многолюдно, семейство, готовое горой встать друг за друга, о чём-то судачит. Им, конечно, поперёк горла Меншиков. Да и Остерман, и он, Брюс, тоже... Для них он иноземец, чужой учёный, да ещё прорицатель, любимец Петра I.

Брюс был человек с любопытством и велел ехать за город: решил заглянуть в какую-нибудь корчму, послушать, о чём там судачат.

...В корчме было жарко и душно, запах табака мешался с сивухой. Работные люди расселись вокруг деревянного выскобленного стола. Явилась хозяйка, принесла жбан с квасом, штофы с водкой, пироги и брюкву, и начались разговоры.

— Сам стоял на карауле, сам видал... идёт это она, еле ноги переставляет... то ль пьянёхонькая, то ль лихоманка её схватила... Баба она и есть баба, хоть и царица...

— У, с-сатана заморская, жёнка антихристово!.. Какой сам был, такую и нам оставил.

— Лукавой бабы чёрт в ступе не утолчёт... Да ещё и немка.

— На столбе бумагу повесили про болезнь её, может, приберёт Бог... Ляксандра Данилыча — вот кого надоть...

— Э-э-э, на че нам Меншиков? Пусть царевич Пётр правит, сынок блаженного царевича Алексеюшки-и, и-э-х! Нам старые порядки надобны, православные!

— А верховники тайные — их-то к чему выдумали? Дело это тоже нечистое, антихристово!

Гудела шумная компания, горячилась, воздух стал сизым от табачного дыма, несло сивухой и рыбным варевом.

Хозяйка ловко носила тарелки, кружки, проворно бегала на кухню и обратно и при этом успевала прислушиваться к разговорам, которые вели гости, а за дверью

шепталась о чём-то со своим мужем. Никому не приходило в голову, что то, о чём говорили гости, записывал корчмарь, а потом передавал в Тайную канцелярию.

На прощание хозяйка весело улыбнулась Брюсу, открыла дверь и напутствовала: «Гость — гости, а пошёл — прости!» А он подумал: небось через день-два схватят кого из случайных путников, и невдогад им, кто донёс...

«Эх, болтуны, болтуны! И наверху, и внизу... Чего только не говорят про Брюса, как не называют! Волшебником, звездочётом, гадателем... Зер шлехт, доннерветтер! Знали бы вы, в чём моя сила... Владею я тайной характера, а характер и есть судьба! Живу долго, гляжу зорко, знаю всех не понаслышке, и верховников, вельмож, князей и отроковиц — вижу, куда нрав сей поведёт... Юный Пётр? Петруша... В нём живёт мечта, да только не знает, как ею распорядиться. Упрям, что его отец, да только сможет ли соединить мечту свою с упорством, как дед?..

Меншиков? Он хотел бы продлить петровские новшества, да ведь честолюбие пожирает, не справиться ему с верховной властью. Да и покажет ещё себя пленённый им Петруша... Катерина Долгорукая — вот у кого нрав сильный, может и победить в дворцовых интригах... Нет, надобно ехать в Москву!»

Отчего всё же император не назвал имя преемника? От болезни ли или оттого ли, что потерял дар речи? А что, если за этим молчанием скрывается его воля? Не зря при жизни короновал любимую Катеринушку. В ней чувствовал продолжение своей линии? Ошибся царь — разве может она сравниться с цезарем?! Мыслимое

ли дело, повелела отмечать праздник «первое апреля», введённый супругом, то есть разыгрывать обывателей, устраивать фейерверки, шутить! Ещё года не прошло, ещё не отряхнула пыль со своих ног. С Меншиковым в дружбе, а его, Брюса, боится, — говорят, называла даже нечистой силой.

Боже правый! Государь ценил его вещий дар, способность предсказывать, угадывать судьбы по звёздам и луне. Шутливо просил на ассамблеях: «Я хочу, чтобы в моем окружении не осталось мздоимцев и казнокрадов, Брюс! Погляди на свои звёздочки да передвинь их так, чтобы сбылось моё желание!» — и хохотал во всё горло.

Скоро не станет ослабевшей императрицы, посадят на трон мальчика — вот когда начнутся интриги, распри. Ни один из верховников не захочет отдать и кончика своего мизинца. Меншиков — не худший из всех, однако с характером его, высокомерным тоном не смирятся другие.

Какая злость и беспомощность, какая безобразная сцена разыгралась на последнем заседании совета! Все обрушились на Брюса, они хотят удалить его из Верховного совета. Хм! Он сам напишет бумагу об отставке.

Нападают даже на его латинскую веру. «Как ты был, так и остался нерусским!» Знали бы вы, дурни, как ценил знающих людей Пётр! Брюс исполняет православные обряды — что же ещё?.. Но верит в астрологию, и государь его не осуждал за то, ценил его Лунный календарь, алхимические опыты, а предсказания умел обратить в нужную сторону...

Не успел Брюс додумать свою мысль, как на дороге показался бегущий человек, объятый пламенем. Пожар?!

Действительно, невдалеке занялся пламенем деревянный дом... В Москве все дома деревянные, потому и еженощные пожары, но здесь, в Петровом граде, на болоте? Небось по своей дурости или по пьянке уронил свечу, загорелся и бежит мужик, объятый пламенем. Что думать-гадать? Брюс схватил горящего мужика, бросил на землю и стал посыпать песком, из кареты выхватил аптечку и принялся поливать из склянки раны... Крикнул кучеру, веля мчаться к дому — там были у него особые снадобья. В Москве возле его Сухаревой башни то и дело горели дома, и «шотландский Парацельс» то тушил пожары, то лечил пострадавших.

Завтрашним днём весть о Брюсе, о сгоревшем и спасённом им мужике дошла до Верховного совета. Не умея придумать ничего более дельного, обвинили его в чернокнижии, в колдовстве, а Брюс, разозлившись, тут же написал бумагу об отставке...

Стоял май, город бредил в белых ночах, головы сенаторов пухли от неразрешимых вопросов.

...А в Кускове в те самые майские дни ранним утром послышался звон колоколов — медленные, печальные звуки перепугали жителей. Бабушка Марья Ивановна и Наташа вскочили, прислушались: звонили у Черкасских и в Перове, да так печально! Что стряслось? Беги, Наташа, к Черкасским!

Догадка бабушки оправдалась: звон был особенный. Оказалось: скончалась государыня Екатерина I. В Петербурге и в Москве, во всех прочих городах зазвонили печальные колокола. Всюду читали манифест: «Шестого

мая 1727 года около девяти часов пополудни Екатерины Алексеевны не стало».

Неумолчно трезвонили колокола, в растерянности пребывала страна.

И что же? Великий князь Пётр Алексеевич двенадцати неполных лет был провозглашён императором. Значит, править будет «полудержавный властелин» Меншиков?..

Василий Ключевский так охарактеризовал царствование Екатерины:

«Во всё короткое царствование Екатерины правительство заботливо ласкало гвардию... Императрица из собственных рук в своей палатке угощала вином гвардейских офицеров. Под таким прикрытием она царствовала с лишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала... Между тем недовольные за кулисами на тайных сборищах пили за здоровье обойдённого великого князя, а тайная полиция каждый день вешала неосторожных болтунов».

Более подробно осветил события XVIII века историк Сергей Шереметев, знавший всё по семейным документам и пересказам. Он писал:

«Между страшным розыском 1718 года и воцарением Петра II всего 9 лет. Ещё живо всё в памяти, и даже не сняты с Красной площади орудия казни. Современники переживали перелом, чреватый неисчислимыми последствиями... Можно себе представить, что произошло, когда на престол вступил сын царевича Алексея. С Екатериною отходило прошлое, для многих смутительное, и прекратился соблазн, небывалый после великого князя Василия

Ивановича: наличие двух жён! Как тогда — Сабурова Соломония в Покровском монастыре Суздальском, а на престоле Елена Глинская, так и теперь Евдокия Лопухина в том же Покровском монастыре, когда на престоле её соперница; с Запада пришли как Елена (Глинская), так и теперь Екатерина. Пётр II являлся примирительным звеном между двух течений, прочно уже установившихся. С одной стороны, как последний Романов по мужской линии, он примыкал по крови Лопухиных к древней Руси и преданиям её. С другой, как внук герцога Брауншвейг-Люнебургского, он не был чужим князьям имперским Германии и тем олицетворял то, к чему стремился Пётр I, всегда искавший брачных сближений с царственными домами Европы».

Российский царский трон переходил к внуку — Петру Алексеевичу Романову.

Царевич Алексей и принцесса Брауншвейгская

Так звали отца и мать юного Петра II. С давних пор русские цари искали союза с европейскими монархами, а самый краткий тут путь — браки с именитыми наследниками. Так же поступил и Пётр I: в невесты своему сыну выбрал немецкую принцессу Шарлотту.

Как правило, браки те не были счастливыми, дети несли печать родителей на своей судьбе. Брак Алексея и Шарлотты был следствием дипломатических переговоров Петра I, польского короля Августа II и австрийского императора Карла VI, причём каждый из них хотел получить свою выгоду из семейного союза династии Романовых

и древнего германского рода Вельфов — он был связан множеством родственных нитей с правившими тогда в Европе королевскими домами.

Принцесса Шарлотта надеялась, что её брак с «варварским москвитом» не состоится. Но он состоялся, и с первых же дней возникло непонимание. Несогласие дошло до того, что царевич стал советовать ей уехать от него в Германию. «Если б я не была беременна, — писала Шарлотта своей матери, — то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...»

Историк Костомаров писал, что «царевич жил в Петербурге с женою, а принцесса имела свой двор», окружена исключительно немцами; между нею и Русью не образовалось ни малейшей связи. При ней постоянно была её подруга, вооружавшая принцессу и против русских, и против мужа. Невыносимыми казались для немок грубые приёмы жизни и обращения. Жизнь Шарлотты отравлялась разными огорчениями и лишениями. Принцесса постоянно нуждалась, не могла правильно платить своей немецкой прислуге и брала в долг у купцов.

Она рано умерла, и Пётр I после её смерти объявил публично, что сын его дурно обращался с женою. Царевич, убегая сообщества немилой жены, проводил время со своими русскими приятелями и особенно любил общество духовных, беседовал с ними о религиозных предметах, о разных видениях, которым от души верил, а также пьянствовал с ними, быть может, с горя, как

русский человек. В минуты откровенности, вызываемой излишним вином, царевич высказывал чувства. «Вот, — говорил он, — чертовку мне жену навязали! Как к ней приду, всё сердитует, не хочет со мной говорить! Всё этот Головкин с детьми!.. Коли буду у власти, то быть голове его на коле, и Трубецкому... они к батюшке писали, чтоб на ней мне жениться».

«Для чего, — замечали ему, — ты так говоришь? Подслушают». — «Я плюю на всех, — говорил пьяный царевич, — была бы мне чернь здорова; когда время будет без батюшки, я шепну архиереям, архиереи священникам, священники прихожанам, — так они нехотя меня властителем учинят!»

Когда его звали на какой-нибудь парадный обед у государя или у князя Меншикова или на спуск корабля, он говаривал: «Лучше бы мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем туда идти!»

В 1714 году царевича отпустили в Карлсбад для лечения. Он оставил в Петербурге беременную супругу, уехал в Германию, лечился в Карлсбаде, занимался там чтением церковной истории и делал из неё выписки. Всё это касалось обрядов, церковной дисциплины, спорных пунктов между Восточной и Западной церковью.

Немецкая родня невесты Алексея хорошо знала, что его женили насильно, что Алексей, как русский человек, поддерживаемый соотечественниками, отказывался от брака с немкою. Однако брак этот был совершён 14 октября 1711 года по воле царя и в его присутствии.

После брачных пиршеств Пётр послал царевича для собрания провианта в Польшу; там молодая чета прожила

вместе с полгода, нуждаясь в деньгах, а потом, в 1712 году, Пётр велел ехать в Петербург. Кронпринцесса пришла в ужас. «Моё положение, — писала она родителям, — гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит ещё менее, чем когда-либо... царь ко мне милостив; его жена под рукой вредит мне всевозможным образом, ибо она ненавидит меня столько же, сколько мне приходится её опасаться, т. е. более, чем можно себе вообразить».

О русском народе, среди которого ей предстояло жить, она составила себе самое невыгодное мнение. Не нравились ей русские нравы, нечистоплотность. «Не говорю уже о том, — писала она, — что лютеране в их глазах не много лучше самого дьявола — они столько их ненавидят и считают себя осквернёнными их прикосновением...» К такому взгляду на круг, в который бросила судьба Шарлотту, присоединилось ещё то обстоятельство, что служившие при её дворе распустили слухи о двусмысленных отношениях кронпринцессы к одному молодому придворному, эти слухи внушали подозрения даже родным Шарлотты. Всё это было причиною, что вместо поездки в Петербург она под предлогом неимения денег уехала к отцу...

12 октября 1715 года Шарлотта родила сына Петра, а через десять дней скончалась.

Ещё до своего разрешения от бремени принцесса предсказывала свой конец, а после разрешения, которое совершилось довольно легко, с досадой слушала поздравления, говоря, что лучше было бы, если бы вместо пожеланий они молились Богу о кончине её. Кронпринцесса перед

смертью написала царю Петру I письмо, исполненное благодарности, а своему гофмаршалу Левенвольду поручила донести её родным, что она, пребывая в России, всегда была довольна, что со стороны государя не только всё было исполнено по брачному контракту, но ещё и сверх того оказаны были ей различные милости.

Шарлотту похоронили в Петропавловском соборе через шесть дней после смерти.

В доме царевича, где должно было происходить поминовение по усопшей, царь вручил царевичу публично письмо.

Свекровью Шарлотте приходилась первая жена Петра I Евдокия Лопухина. Царь её не любил за некие провинности и сопротивление его реформам и оттого отправил в монастырь. Однако она имела смелость называть себя императрицею. И когда наследником престола объявили Петра II, она писала письма своему царственному внуку. Вот одно из этих писем:

«Державнейший император, любезнейший внук! Хотя давно желание моё было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но по несчастию моему по сие число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допустя до вашего величества, послал меня за караулом к Москве. А ныне уведомилась, что за свои противности к вашему величеству отлучён от вас; и тако приемлю смелость к вам писать и поздравить. Притом прошу, если ваше величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы мне повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внучку, прежде кончины моей. *Евдокия Лопухина*».

Отцом юного императора (которого вскоре должны короновать) был, как уже сказано, сын Петра I, царевич Алексей. Личность сложная, неоднозначная, упрямый противник петровских реформ. О судьбе его и кончине написано много, а мы приведём редкие документы из шереметевского архива. Однако прежде вообразим, какой диалог мог бы состояться у царя с его самым уважаемым сподвижником фельдмаршалом Шереметевым как раз перед обсуждением в Сенате вопроса о судьбе сбежавшего за рубеж царевича.

Ш.: Дело царевичево не только в том, что он бежал, а в том, что старая Русь поддерживает его, не готова она на европейские новшества. Боятся люди потерять облик свой.

П.: В чем облик тот? Сидеть неподвижно, словно брюква в земле?

Ш.: Брюква-то брюква, но из неё морковь не вырастет, да и время для роста своё, быстрее не вызреет.

П.: Хочу я, чтоб европейское, лучшее у нас распространилось, чтобы фабрики, заводишки, искусства развивались, чтобы грамоте учился народ.

Ш.: Справедливое то дело, и учиться, и строить корабли, фабрики надобно, да только и дух народный не след забывать. Дух его да вера — основа могущества государства... И насчёт наследования престола царского закон есть: сынов своих жалеть, готовить к власти.

П.: Закон — не стенка, за которую слепой держится! Надобно думать, что после себя оставить. Умри я —

кто поведёт корабль российский и куда? Знаете, скольким болезням подвержен ваш царь... Останется Алексей — вы первые моему делу измените, за ним назад побежите.

Ш.: Время надобно и мера, скоро ничто у нас не делается, дух народный, его свычаи-обычаи, песни, сказки, предания нельзя забывать, они питают людей. Вспомни времена самозванцев: уже Москва пала, присягнули Лжедмитрию, и Шуйский умный не сладил дело, а как князь Пожарский поднял народный дух — так и выгнали супостатов.

П.: Я ли не делал чего для народного духа? Одна Полтава чего стоила! Однако не одно воинское достоинство надобно поднимать, надо, чтоб культура, науки, знания были, чтоб не обжирались на чужих поминках русские гости, а историю не только свою — древнюю знали.

Ш.: Однако Венеры да Марсы не заменят Троицу и Дом Пресвятой Богородицы — так говорят царевичевы сторонники, и есть в их словах правда.

П.: Да вы что, не знаете, что и Лопухин и Глебов со-
знались, покаялись? А какие письма привёз Скорняков из Суздаля!

Ш.: Эх, Пётр Алексеевич! Какие показывали, а какие и не показывали тебе письма... Что рыщут за твоей спиной — передадут ли допросчики?.. Вон ходят слухи, что Щербатов сказал правду, — так ему язык велют отрезать...

П.: Слухи, слухи... Над слабыми умами они власть имеют. В детстве моём пустили по Кремлю слух, что Иван, брат мой, убит, и ударили в набат, поднялись стрельцы; вышла матушка с сынами на руках — и стихло, но снова

кто-то слух пустил, что Иван Нарышкин изменник, и убили его. Вот от какой малости власть зависит.

Ш.: Веришь ли, государь, что Глебов к трону хочет пробраться? Веришь ли, что царевич хотел против тебя с чужеземцами идти?.. Да и был ли заговор-то? Подумай: ежели прольётся напрасная кровь, грех на душу возмёшь, и падёт та кровь на все поколения Романовых.

П.: Что же, оставить то дело злодейское, не судить? Не бывать этому! Царевича, сына своего, я простил за чистосердечное признание, но Кикина — никогда! И суздальский розыск не оставлю. Вот мой указ — подписуйся!

...Тяжело было гусиное перо, которым подписывали господа сенаторы тот указ.

Царевича Алексея из-за границы привёз Толстой. Алексей оказался в Москве, в Преображенском. Всё перепуталось у него в голове: ночь — день, утро — вечер, сон — явь, видения — предметы... То уснёт не ко времени, на закате, то ломает глаза о чёрные стены и замрёт в тишине, задрожит... Не находил себе покоя, почти не вставал с постели, лежал, забившись в угол, подтянув тощие колени к подбородку, сжимая костяшки пальцев... А то вскакивал, бросался в угол, к иконам, бился головой об пол, чуть не на крик повторяя молитвы... Матушку свою — слава богу! — ничем не выдал: не посылала, мол, его в чужеземные страны, не желала смерти государю, не имела мечтания сесть на троне. Иное дело — Кикин, Лопухин, Афанасьев...

Если засыпал, то совсем ненадолго, и снилось что-то страшное, а иной раз — крылья ангельские за спинами

страдальцев. Или наплывали сцены из Неаполя и Вены, и в красотах тех городов являлись чудища.

Единым спасением от кошмаров казалась Ефросинья, мысль о ней только и утешала. Милая его отрада! Ни глаз больших, ни бровей насурьмлённых, ни реверансов томных, никакой особой красы, голова гладкая, как яйцо, но как улыбнётся толстыми своими губами, взблеснут глазки, захохочет (зубы — точно вложенные в кокошник жемчуга), так и расцветает душа Алексея.

Горьким был день, когда расставались в Риме: он поехал через Инсбрук, она — по более спокойной дороге, сам настоял, ведь была она на четвёртом месяце, тяжёлая. Писал ей с дороги: «Матушка моя, маменька, друг мой сердешный Афросиньюшка... береги себя, ехай неспешно, Тирольские горы каменисты, и чтоб отдыхала где захочется, и денег не жалела, а купила коляску покойную».

Привезли его в Москву. Допрашивали в Кремле.

Сенаторов своих Пётр сам через занавеску наблюдал: что сказывают, каково держатся?..

Пётр Андреевич Толстой — умная голова, верная рука — извлёк-таки царевича из иноземных стран...

Вот непринуждённо, легко ступил на порог Ягужинский, незнатный, но умный поляк, первый кавалер на ассамблеях, прокурор. Вот Меншиков, мин херц, ненавистник Алексея. Как-то ему, замешанному в казнокрадстве, Пётр пригрозил низвести «в прежнее состояние», тот не растерялся: надел фартук, явился с коробом пирогов, вот, мол, я в прежнем состоянии, — и Пётр простил его.

Склонив голову под притолокой, вошёл Головкин — «коломенская верста», сел, достав неизменные чётки (успокаивает нервическую свою натуру), скуповат, даже жаден, однако знает царскую службу...

Долгорукий — честен, прям, но горяч, как всё его семейство...

Шафиров Пётр Павлович — вице-канцлер, хитёр, умён, любезен, только ростом маловат да растолстел в последнее время, — этот непременно поддержит царя.

Склонясь у притолоки, еле передвигая ноги, выплывает Борис Петрович, граф — он себе на уме и гордец! — в последние недели не показывается, бегаёт от Петра, яко Нарцисс от Эха... Знатен! Здравый разум имеет, золотой середины держится. Однако в политике золотой середины не бывает...

Наконец все собрались. Пётр покинул своё укрытие и, быстрым шагом подойдя к столу, заговорил короткими, рублеными фразами:

— Ведомо вам, господа министры, что признались — Иван Афанасьев, Никифор Вяземский, Александр Кикин, Глебов Степан, отец Досифей — в своих крамолах. Ведомо вам, что задумали супротив царской власти... Ежели не вырвем злодейский корень — все дела наши прахом пойдут...

Царевича содержали в Преображенской тюрьме. Потом повезли в Петербург — там должно быть главное судилище.

* * *

В архиве С.Д. Шереметева обнаруживаем такой документ:

«По поводу отречения Царевича Алексея де Бие говорит: “Позволю себе почти положительно утверждать, что все русские, к какому бы сословию они ни принадлежали, разделяют эти чувства, нет ни малейшего сомнения, что, пока жив Царь, всё будет иметь вид покорный и послушный, но если Царевич Алексей будет жив в то время, когда Царевич Пётр не достигнет ещё известного возраста (малолетний сын Петра I), можно предвидеть, что Россия будет подвергнута большим волнениям. Страшнее всего, что здоровье Царя шатко и что наследник престола Царевич Пётр весьма слабого сложения, и нельзя рассчитывать на продолжительность его жизни. Ему теперь 1 год, но он ещё не говорит и не ходит и постоянно болен...”

(Окончательный приговор по делу Царевича Алексея произнесён был в Петербурге 24 июня 1718 г. Первая подпись на нём: «Александр Меншиков».)

Когда все члены суда заняли свои места и все двери и окна были отворены, дабы все могли приблизиться, видеть и слышать, Царевич был введён в сопровождении четырёх унтер-офицеров и поставлен насупротив Царя, который, несмотря на душевное волнение, резко упрекал его в преступных замыслах. Тогда Царевич с твёрдостью, которой в нём не предполагали, сознался, что не только хотел возбудить восстание во всей России, но что если Царь захотел бы уничтожить соучастников его, то ему пришлось бы истребить всё население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, так же как и веры, и этим самым привлёк к себе сочувствие и любовь народа.

В эту минуту Царь, обратясь к духовенству, сказал: “Смотрите, как зачерствело его сердце, и обратите внимание на то, что он говорит. Соберитесь после моего ухода, спросите свою совесть!”

Царевич, оставшийся во всё это время спокойным и являвший вид большой решимости, был после всего отвезён обратно в крепость...

В донесении де Лави французскому министерству говорится: “Царевич Алексей, сын Петра, о котором много говорили, заключён два дня тому назад в крепость, уверяют, что со времени его возвращения между бумагами государственных преступников нашлись письма, из которых оказалось, что он замышлял против жизни своего отца; мне передали, что в прошлую субботу Царь позвал его в сенат и там, обнимая его, сказал: “Я тебе отец, а ты мне сын: как же ты, несчастный, хотел меня убить? Вот, — прибавлял он, — доказательства”, — и показал ему бумаги. Царь не мог удержаться от слёз и, после того как сын просил у него прощения, предал его епископам и прочим духовным лицам, чтобы судить его преступления как можно умереннее”».

Первая речь Петра II в Верховном совете

Да, тяжёлая наследственность досталась Петру II. Судьбы матери он не помнил, об отце знал мало. Но всё вместе должно было наложить на него печать.

Детство, лишённое радостей, рождает робкий или угрюмый нрав, к тому же самодержавная вседозволенность (даже при властном Меншикове). Плюс капризы

переходного возраста! Всё это — не лучший подарок для юного императора, — такое трудно вообразить!

Пётр строен, высок, здоровый румянец на щеках, лицо продолговатое, напоминает несчастного царевича Алексея, а голубыми глазами — мать, принцессу Шарлотту. Его можно назвать и красивым, кабы не хмурое, насупленное выражение.

Всё в его жизни определялось тяжким крестом рождения. Постоянно слышал он назойливые голоса — высокие и низкие, хриплые и певучие, требовательные и укоризненные, голос мачехи Екатерины, опекуна Меншикова, воспитателя Остермана и Ягужинского, Черкасского и Голицына... Но откуда знать, кто из них истинно думает о его благе? И ещё: постоянно слыша похвалы деду — Великому Петру, император-мальчик казался себе рядом с ним ничтожным... Тем не менее царевичу читали умные книги из греческой и римской истории, и они питали его мечтаниями о том, что может сделать император для своих подданных, и нередко предавался благим порывам. По ночам любил смотреть на небо, и звёзды представлялись ему подданными его, которых он мог осчастливить.

Этими порывами была наполнена первая речь юного царя в Верховном совете. Её можно назвать образцом доброжелательства и готовности сделать страну процветающей. Вот эта речь:

«Богу угодно было призвать меня на престол в юных летах. Моею первою заботою будет приобрести славу доброго государя. Хочу управлять богобоязненно и справедливо. Желаю оказывать покровительство бед-

ным, облегчить всех страждущих, выслушивать невинно преследуемых, когда сии станут прибегать ко мне, и, по примеру римского императора Веспасиана, никого не отпускать от себя с печальным лицом».

Речь свою Пётр II произнёс 21 июня 1727 года на заседании Верховного тайного совета.

Что случилось с царём-отроком после смерти Екатерины? Он вырос, раздался в плечах, несколько огрубел лицом, а ещё изменился его характер: стал раздражителен, порывист, настроение его менялось необъяснимо...

Он был окружён умелыми, переменчивыми, не согласными друг с другом сановниками, но ещё не знал, что высшая ступень государственной лестницы — это место интриг и боевых поединков. Все делали вид, что покорствуют юному императору, но что скрывалось под маской ласкателей и царедворцев?..

Заправляет всем пока ещё Меншиков, но уже выступают вперёд Долгорукие, и на всех смотрит умными глазами Остерман. (Стоит взглянуть на его портрет, написанный Таннауэром, который писал Петра I на смертном одре. Как лукаво, чуть прищурившись обводит он всех глазами — и ничто не ускользнёт от его глаз!)

В июне 1727 года в Петергофе был устроен бал. Солдаты, гвардейцы маршировали под музыку, стреляли из пушек, пускали фейерверки, а вечером — ассамблея по петровским заветам: бал и танцы...

Красочное, необычайное зрелище представляла зала с танцующими парами! Длинные и пышные наряды делали дам высокими, крупными, мужчины же в коротких камзолах казались мелковаты, но зато столь ярки их

одежды! Не было и не будет, должно, столетия, в которое бы мужчины ходили в костюмах, столь щедро расшитых диковинными узорами, цветами, колосьями, в белых и розовых чулках, в туфлях, украшенных драгоценными пряжками, в завитых, надушенных париках. Ещё не вышли из употребления чёрные голландские парики, но многие красовались с белыми локонами.

Дамские юбки были подобны великолепным распутившимся цветам, а талии, затянутые в корсеты, — стеблям. Тонкие кружева обрамляли шею и руки; платья натянуты на каркас, или корзину из китового уса, носившую название «панье». А какие затейливые сооружения на головах! Эдакие архитектурные сооружения из кружев, лент, стрекоз и бабочек, и носили они французское название — фонтанж.

Как ценили люди удовольствия! Они словно вырвались из узких теснин Петра I. Одевались со смыслом, ладно двигались, на особый манер снимали шляпу, доставали табакерку.

«Танцует Катерина Долгорукая, ласкаясь к иностранному посланнику Миллюзимо, капризная девица», — думает Остерман. А глядя на Елизавету, дочь почившей императрицы, размышлял: «Славная наследница трону! Соединить бы их с Петром...»

Пётр тоже смотрит на неё, явно любит, кажется, она — единственная, кто вызывает на лице его улыбку. Впрочем, нет, есть ещё одна фигура, способная заразить юнца весёлостью, — это Иван Долгорукий.

Один из сыновей князя Алексея Григорьевича Долгорукого, брат Катерины, член, можно сказать, самого силь-

ного клана, князь Иван сблизился с царевичем, ещё при жизни Екатерины I бросился к нему в ноги и поклялся служить верой и правдой. Они не раз бывали вместе на охотах, и князь даже нёс царевича на руках, когда тот упал с коня и повредил ногу.

...В тот июньский день Пётр II, прихрамывая, подошёл к окну, глянул на дорогу, и нетерпение отразилось на его лице: где он, отчего нейдёт Иван?

С той поры, как появился Иван, от него исходили истинная верность, жизнелюбие, в его присутствии наследник делался улыбчивым и мягким. С ним можно беспричинно веселиться, играть, спорить о том, что надобно России. Была у Ивана ещё удивительная способность появляться в тот именно момент, когда очень нужен.

Отчего, однако, нейдёт он теперь? Есть нужда, поговорить надобно про Меншикова, а его всё нет и нет. Пётр снова подошёл к окну и увидел подъехавшую к крыльцу знакомую карету. Ваня!

И вот они уже сидят обнявшись, и Пётр говорит о самом сокровенном:

— Ваня, как бы желал я сделать нашу страну богатой, а народ — послушным и небедным... Когда меня коронуют — мне же всё доступно, правда? — я всё для того сделаю. Ты что так долго не был?

— Я? — рассеянно, весь в своих мыслях, отвечал князь. — Я был у Шереметевых!

— А-а... Мне понравилось в их Фонтанном доме, славная графинюшка.

Для Ивана тоже теперь дорогим домом стал Фонтанный дворец — счастливый случай помог тому. Отправилась раз Наташа Шереметева одна, не спросясь у брата, на Невскую перспективу, в аптеку, а выходя из аптеки, поскользнулась, упала, — тут её подхватил бравый молодец, брови широкими чёрными дугами, глаза с огнём, — князь Иван. Спросил, где её дом, — и повёз на Фонтанку.

В доме уже поднялась хлопотня — слуги высыпали на крыльцо, бабушка замерла у окна. Спаситель взял её на руки, и, пока нёс к крыльцу, видела она перед собой его весёлые чёрные глаза, а о боли в ноге позабыла. И была как замороженная. Он не отводил взора от её серьёзных серых глаз, ласково улыбался, а потом слегка прижал к себе и коснулся губами пальцев. Она смутилась, заалела, смущённая его смелостью, и вспыхнула.

— Куда нести прикажете сей драгоценный груз? — спросил князь у бабушки.

— На второй этаж, в мою комнату, — велела она.

Как пушинку, взметнул он её в угловую комнату — и, раскланявшись, представившись князем Иваном Долгоруким, удалился.

У бабушки было уютно, всё дышало стариной — сундучки, рундуки боярские, шкатулки, пяльцы, вышиванье на резном столике, парчовые нити... Руки её всегда чем-нибудь заняты. Вынула она тонкий шёлк, пяльцы, иглу и принялась вышивать «воздух» — пелену, вклад свой в Богородицкий монастырь (монастырь этот с давних пор опекали Шереметевы). Внучка лежала на диване кожаного покрытия, а бабушка восседала в кресле с львиными головами. Прежде чем взяться за иголку, достала табакер-

ку, взяла щепоть табаку, нюхнула, с чувством чихнула и, высоко откинув голову, произнесла:

— Отменный молодой князь Иван Долгорукий... Глаза крупные, огненные, только рот мал — как у девицы... А всё ж таки есть в нём что-то от старого знакомого моего Якова Долгорукого.

Наталья ждала, что бабушка скажет что-нибудь о молодом Долгоруком, но у той были свои резоны обращаться к сей фамилии, и резоны тайные.

— Знатный был человек дядя его!.. — говорила она. — Ходил статно, как истинный боярин, но бороду сбрил рано, ещё до повеления царя Петра. Держал себя как гость иноземный, а сколь подвержен придворному этикету! Ручку поцеловать али цветок поднести — это пожалте!.. Ежели кто говорит, никогда не перебыёт... Истинный галант!.. — Лицо Марьи Ивановны посветлело. — А красоту как любил! Помню, приехал к нам в Фили, к зятю моему Льву Кирилловичу Нарышкину, — в аккурат кончили тогда храм строить. Уж как любовался той церковью, как хвалил, даже на колени пред нею опустился и землю поцеловал...

Наталья слушала бабушку, а виднелись ей чёрные ласковые глаза, сухие и горячие руки, и словно чувствовала жар, исходящий от них.

Марья Ивановна перекрестилась:

— Прости меня, Господи!

— Простит, простит тебя Господь! — воскликнула Наталья и понизила голос: — А Иван Алексеевич не похож на дядю своего?

За окном опустились ранние петербургские сумерки, прокрались в комнату.

— Иван-то Алексеевич? — вздохнула бабушка. — Ох, далеко, должно, ему до Якова Федоровича. Одно слово — фаворит. Всё ему дозволено, а сам ещё молод, без понятия... Феофан Прокопович его ругмя ругает. Шалун, охальник! По ночам на коне скачет, людей будит... Впрочем, языки людские злы, откуда сведать правду? Одно говорят, а иное — в деле... От нынешних-то, молодых, я отстала, все они мне хуже наших кажутся... Про Якова-то Фёдоровича, смотри, никому не рассказывай, я только тебе, а ты помалкивай... — Марья Ивановна прикрыла глаза: то ли погрузилась в воспоминания, то ли уснула.

Грезила в тот вечер и Наталья — зелёный мундир, горящие на морозе щёки, брови-полумесяцы, губы на её руке... И, как бы сбрасывая наваждение, встрепенулась, рассердившись на себя. Что она, ума лишилась? Как могла глаз не отвести, руки не отнять? Матушкины заветы позабыла. Обещала фамилию свою высоко держать, а доверилась первому встречному оттого лишь, что он галант... А ну как слух пойдёт, что Шереметева графиня, дочь высокородного господина, честь свою позабыла? Князь на руках её таскал, балясы с ним разводила, а коли до братца сие дойдёт? Ведь Петруша — всему дому господин, дома хозяин...

Не знала она, что происходило в те дни с князем Иваном. Не знала, как сдружился с ним юный император, и как зол за то на него Меншиков, и что началась между ними чуть ли не война.

Давид и Голиаф

Ночи стояли белые, а у Дарьи Михайловны Меньшиковой на душе была чернота — её одолевали дурные предчувствия. Две дочери сидели за пяльцами и шили-вышивали, а молодой княжич, сын, подыгрывал им на скрипке. Голоса были полны печали, песня протяжная:

На той да на долине
Вырастала калина.
На той ли на калине
Кукушка вскуковала.
Ты о чём, моя кукушечка, кукуешь?
Ты об чём, моя горемычная, горюешь?

Пение смолкло, и Дарья Михайловна завела разговор о Петре Великом, как умел он наставить на ум своего фаворита, указать на его излишества-перелишества. А про себя думала: не знает её Алексаша ни в чём меры, вообразил себя королём-императором, принимает посланников, целый рой их по утрам жужжит, словно пчелы, возле дома, и всех готов скрутить в бараний рог; между тем недруги небось расходы его изрядные подсчитывают, сколь домов в Москве, в Петербурге... Помолвка Марьи расстроена, государыня Екатерина скончалась — что станет с ними со всеми? А ну как юный Пётр станет подобен Давиду?

Дарья Михайловна пыталась урезонить мужа:

— Остановись, Данилыч! Постой! Зачем тебе власть безмерная, к чему стремиться наверх? Ближе к трону — ближе к смерти, Алексаша, миленький мой!

Но светлейший и впрямь возомнил о себе: грубил и тем ещё более злил своих недругов.

Кто-то (уж не Остерман ли, учитель?) сказывал, что Меншиков отказал царскому камердинеру. Какое право имел Данилыч отменить указание царя, зачем наказал его камердинера?

Дарья Михайловна непрестанно уговаривала любимого мужа:

— Что нас ждёт всех, а ну как молодой император рассердится...

Только не слушал её дорогой муженёк. Она плачет и рыдает, а он знай своё:

— Не боюсь богатых гроз, а боюсь убогих слёз! — и вон из комнаты.

...Пётр I прорубил окно в Европу, можно сказать, даже двери. Но при открытых дверях возникают сквозняки не только в европейской части России, но и по ту сторону Урала. Демидовы, Строгановы, уральские заводчики, поучившись в Европе, понесли учёные новшества в Сибирь.

При открытых окнах иностранцы тоже валом повалили в загадочную Россию. Кто из любопытства, кто в погоне за длинным рублём. Одни — на время, другие — навсегда. Брали себе русскую фамилию, имя, женились на русских и... оставляли подробные эпистолярные об увиденном. К примеру, француз Вильбоа Франсуа де Гильмот в России стал Никитой Петровичем Вильбовым. Он, видимо, имел склонность к писательству, обожал вести записки по следам разных событий, коим был свидетелем или

слышал рассказы очевидцев. Вот что он писал, в частности, о Меншикове:

«Первое, что сделал Меншиков как искусный политик, было уверение юного царя в важности услуги, ему оказанной, и внушение недоверчивости ко всем; так что царь не мог уже считать себя безопасным, не передавши Меншикову звания правителя государства и генералиссимуса армии... Другое дело Меншикова состояло в немедленном обручении царя со своей дочерью. Церемония совершилась без всякого явного спора со стороны сенаторов и других знатных людей, к ней приглашённых. Они присутствовали, не смея дать ни малейшего внешнего скрываемого ими неудовольствия. Для достижения сего успеха Меншиков удалил от дел и двора многих, не скрывавших отвращения своего от предложенной женитьбы и могших тому воспротивиться, иные были даже сосланы в Сибирь за выдуманные преступления. Или не знал Меншиков нерасположение к нему князей Долгоруких и графа Остермана, или не считал их опасными, но только он не предпринял ничего против них, повелевая ими как властитель, не знавший других законов, кроме своей воли. Неприлично обращался он и с самим царём, который был ещё весьма юн. Меншиков стеснял его в самых невинных удовольствиях... Словом, Меншиков правил вполне Россиею... Он занимался только приготовлениями к свадьбе своей дочери».

Мелкие обиды, недоразумения между Петром II и Меншиковым копились, копились — и разразилась гроза! О последних спорах написал генерал Манштейн:

«Не помню, по какому случаю, цех петербургских каменщиков поднёс императору в подарок девять тысяч

червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру, и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Случилось последнему повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несёт деньги. На ответ придворного Меншиков возразил: “Государь, по молодости лет, не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним”. Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил это приказание. На другое утро царевна Наталья, по обыкновению, пришла навестить брата. Только что она вошла к нему, как государь спросил её: разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царевна отвечала, что не получала ничего. Это рассердило императора. Приказав призвать придворного, он спросил его: куда девались деньги? Придворный извинялся тем, что деньги отнял у него Меншиков. Это тем более раздражило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него: как смел он помешать придворному в исполнении его приказа? Не привыкший к такого рода обращению, князь был поражён как громом. Однако он отвечал, что, по известному недостатку в деньгах в государстве и истощению казны, он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег, и прибавил: “А если вашему величеству угодно, то не только прикажу возвратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из собственной своей казны миллион рублей”. Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногою, он сказал: “Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения”. Затем, отвернувшись, ушёл, Меншиков

пошёл за ним и так упрашивал его, что он на этот раз смягчился, но мир продолжался недолго».

...Сентябрьским днём (в самом начале месяца) 1727 года «полудержавный властелин» почувствовал неладное. Он вошёл в свой богато обставленный кабинет, плотно прикрыл дверь, задвинул тяжёлую гардину и зажёл свечи в шандале, — теперь он был прочно отгорожен от внешнего мира, так ему лучше думалось.

В длинном бархатном кафтане, в мягких сапогах скорым шагом пересёк кабинет, резко повернулся и — назад. Заложив руки за спину, хмуро глядя на роскошный восточный ковёр, прохаживался по кабинету.

Остановился перед зеркалом: лицо его ожесточилось, появились язвительная ухмылка и две глубокие морщины возле рта — не осталось и следа от весельчака, который покорила когда-то Петра Великого. Ямка на подбородке длинного лица углубилась, волосы топорщились, и всем своим обликом напоминал он старого льва.

Было о чём подумать всемогущему властелину! То возвращался мыслью он к Петру Великому — как тяжело тот умирал, как мучила его мысль о том, что все начинания его придут в забвение...

И конечно, терзался собственной судьбой. Зашаталась под ногами у светлейшего земля... Он ли не воспитывал Петрова внука, он ли не держал его в строгости, как приказывал Пётр? Денег лишних — ни-ни, играми тешиться много не давал, о здоровье его заботился более, чем о собственном сыне, в ненастье на прогулку не выпускал.

Помня заветы Петра, хотел вести Россию по европейскому пути, — наши-то ещё и без ножей-вилок за столом обходятся, а как упрямятся!

Меншиков шагал по кабинету, заложив за спину сильные, цепкие руки. Хмурил брови, мягко вышагивая в татарских сапогах. Не было слышно шагов его за закрытой дверью, а походка напоминала поступь зверя, почуявшего опасность...

Вот он остановился возле шандала, загадал: ежели одним дыхом погасит все свечи — быть добру, выдаст дочь за императора, станет властелином, ежели нет, то... Остановился поодаль, набрал воздуха, дунул, но... то ли слишком велико расстояние, то ли волнение овладело — погасли только две свечи.

Меншиков обернулся вкруг себя, словно ища виновника такого казуса и стыдясь за себя. Затем рванул колокольчик, дёрнул штору, она неожиданно оборвалась, обрушилась — и вельможный князь выругался...

Пётр II и в самом деле становился нетерпимым — то горяч и вспыльчив, то ревнив и мрачен. Он понимал, что большинство знатных невзлюбили Меншикова, называют его выскочкой, что это злобит Долгоруких.

А тут случилось ещё одно непредвиденное событие, но весьма значительное... Как пишет генерал Манштейн, Меншиков допустил большую ошибку. Двор уже переехал в Петергоф, а он, воспользовавшись небольшой болезнью, остался в своём имении:

«...Он поехал в Ораниенбаум, загородный дворец свой, в восьми верстах от Петергофа. У него тут строилась

церковь, которую он хотел освятить. На эту церемонию приглашены были император и весь двор. Но как врагам Меншикова недаром грозила месть его в случае примирения его с государем, то они научили последнего отказаться от приглашения под предлогом нездоровья, что он и сделал».

Как унижался светлейший, встретив царя! Как умолял его забыть про худое, вспомнить про великого деда, у которого Александр Данилович был фаворитом!

Но у Петра II ещё не остыла обида за те червонцы для сестры. Тут оказалось, что портреты своих родственников Меншиков велел занести в царский альбом. Когда же император, полный добрых порывов, заговорил о бабушке своей Лопухиной, что он желал бы пригласить её в Петербург, Меншиков возразил. Возможно, светлейший думал о заветах своего мин херца, об опасности возвращения к прежним российским порядкам... Тут Пётр II потребовал, чтобы обсудили сие на Верховном совете. Совет поддерживал императора, и Меншиков принуждён был согласиться, но — было уже поздно!.. Карта князя была бита, крах, который предчувствовала Дарья, случился!

Наконец юный царь показал характер: он просто бежал из дворца светлейшего, а в Верховном совете сказал такую речь, которая разрывала все отношения с Меншиковым:

«Понеже Мы, Всемилостивейший император, намерение взяли от сего времени сами на Верховном тайном совете присутствовать и всем указам отправленными быть за подписанием собственной руки нашей и Верховного тайного совета... того ради повелели, дабы никакие указы и письма, о коих бы делах отныне не были, которые от

князя Меншикова... не слушать и по оным отнюдь не исполнять, под опасением нашего гнева... О сём публиковать всенародно во всём государстве и в войсках...»

Так повторилась ветхозаветная история о молодом Давиде и о Голиафе, великом силаче филистимлян. Давид бросил свою пращу и попал в лоб Голиафу.

На другой день около полудня приехал генерал Салтыков с приказанием взять из дома Меншикова царскую мебель и перенести в летний дворец...

...В сентябре 1727 года во дворце раздался грохот, словно явилась рота солдат. Дарья выбежала, всплеснула руками, говорит: мол, князь хворый, но фельдъегерь подаёт бумагу с печатью.

Данилыч слышит, однако не выходит из комнаты.

Через полчаса Дарья решается заглянуть, и ей предстаёт странная картина: Меншиков не лежит с хворыми, а стоит возле шкафа и держит сундучок со своими орденами и медалями.

— Батюшки! Да что хоть с тобой?

Он невозмутимо:

— Складываю ордена и награды, которые мне великий Пётр дарил. Знаю, что скоро придут за мной и вышлют...

...И вот уже меншиковская кавалькада выезжает с Васильевского острова. Возглавляет её четверка белых коней и карета, в которой сидит светлейший. Он отправляется в изгнание, однако, горделиво поглядывая кругом и улыбаясь, кланяется всем... На нём дорогой кафтан, меховая шапка с красным околышем, парик...

Александр Данилович был уверен, что едет в своё рязанское имение Раненбург. Не зная ещё, что столь простой ссылкой не кончится задуманное против него дело... В толпе стояли и Наташа Шереметева и её подруга Варя Черкасская, они отыскивали глазами бедную Марью Меншикову.

— Не дай Бог никому такого, — шептала Наталья, и в сердце её кольнуло от дурного предзнаменования.

Неподалёку, из окна, наблюдала опальное шествие Катерина Долгорукая. Глядела она зорко, не без злорадства: был ты безродный, Данилыч, безродным и станешь, не знаешь, что место возле трона следует занимать старинным династиям, а ты...

Политика политикой, но амуры амурами, и Катерина крикнула служанке: «Одеваться! Быстро!» Она спешила на свидание к Миллюзимо. Ах, какой это любезник, какой кавалер! Ухаживает, ручки целует, цветы подносит — не то что наши олухи стоеросовые!

Перед отъездом Марье Меншиковой принесли записку от любезного её сердцу человека. Чувствительная сердцем, она вздрогнула: случилось что-то неладное? Молодой император сам отказался от неё, уж не о том ли записка Фёдора Долгорукого?

Нет, князь верен ей, а писал лишь о том, что надо увидаться, что едет он далеко, по морскому делу. Как сие не ко времени! Ведь судьба семейства Меншиковых на тонкой нитке.

Принарядившись, Марья поглядела в зеркальце: головка как ромашка, личико бледное — понравится ли Фёдору?

Влюблённые встретились, но не было у них времени ни для вопросов, ни для уверений. Руки крепкие, лицо загорелое, губы... И сладко, и совестно, и страшно — дух захватило. Он не выпускал её из рук. Времени было мало, оно ушло на поцелуи, а для слов остались только последние минуты: «Люба моя, светик мой! Марьюшка дорогая! Знаешь ли ты, что прощаемся мы с тобой надолго? Меня отправляют далеко-далеко». — «Я тоже еду, а куда — не знаю». — «Не тужи! Всё едино, я найду тебя, любя моя!»

Фёдор Долгорукий уезжал через три дня, а Меншиковы днём позже, так что Фёдор даже не мог помахать Марье рукой.

Зато на Невском, в доме Голицына, собрались князья. И у Долгоруких — тоже. Изгнание Меншикова! Никто не скрывал, что захвачен зрелищем, открывшимся на дороге.

Меншиков ехал, красуясь, как на параде. Князь Алексей Григорьевич усмехался. Василий Лукич улыбался краешком губ. Иван Алексеевич охвачен был двойственным чувством, в котором смешались жалость к светлейшему и смятение перед брэнностью власти. Не случится ли так, что завтра на смену Меншикову вот так же кто-то ещё покинет город?.. Он и осуждал властолюбца, и сожалел о том, что Верховный совет не внял его просьбе, — ведь князь истинно захворал, просил об отставке, хотел повиниться. И ещё смутное чувство собственной вины шевелилось в Иване Долгоруком: Василий Лукич и Остерман пугали государя чрезмерной властью Меншикова и его, фаворита, подбивали на то же...

Из состояния задумчивого смущения князя вывел Голицын, предложив ему бокал. Они чокнулись. Дмитрий Михайлович сказал:

— Неумеренная власть сгубила светлейшего, да ещё жадность к деньгам. Однако не отнимешь у него ума... А в молодые годы — какая счастливая была у него физиономия!

— Зависть его чрезмерно велика... Ежели бы она обратилась в горячку, так мы все бы померли от неё, — засмеялся Василий Лукич.

Но всё же и он тайно омрачён был мыслью о собственной судьбе: кто близок к трону, тот ходит по канату... Неведомо ещё, чем кончится дело Меншикова: ссылкой ли в собственное имение? Или вышлют его в самый дальний край, в Сибирь?..

Да, дело меншиковское раскрутилось. Потеряв всех слуг, ценности и кавалерию в пути, будет он выслан в край вечной мерзлоты, городок Берёзов... Минует ещё три года, и князь Иван Долгорукий, Наташа Шереметева по иронии судьбы и истории тоже окажутся в Берёзове... Мало того: спустя несколько лет туда же попадёт Остерман, умный и деятельный вельможа. А князь Иван будет слушать рассказы берёзовских старожилов про Александра Даниловича и удивляться. Но до той поры ещё целых три года...

Суждены вам благие порывы...

Никто из петербургских обитателей не знал, не ведал, что из одного тёмного окна наблюдал меншиковскую кавалькаду Яков Брюс.

Дом был почти пуст — жену Маргариту и многую часть скарба два месяца назад отправил он в Москву; более в Санкт-Петербурге делать нечего, надо перебираться в подмосковную усадьбу Горенки. Остерман, вездесущий Андрей Иванович, дал ему совет купить у князя Алексея Долгорукого ту усадьбу: мол, бывал там, видел — усадьба понравится Якову Вилимовичу. Он быстро спроворился, съездил, оглядел всё — ландшафт, воды, положение относительно Полярной звезды, ну и недра, конечно, — и сделка состоялась.

А в тот сентябрьский день, как и все знатные люди новой столицы, Брюс засмотрелся, не зажигая свечей, сперва на горделивое шествие меншиковского семейства, на карту звёздного неба, а потом изучал положение светил и как будут определять они будущее Российской империи.

Да, эра светлейшего князя кончилась... Два года руководил он супругой Петра Великого и пять месяцев — внуком его, служил ему, однако — в чужую голову не вложишь умных мыслей. Да и воспитание, малая грамотность с чрезмерным тщеславием сгубили Данилыча. Как говорят в России, «суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано».

Что скажет умное звёздное небо? Чья власть возобладает над несчастным наследником? У Долгоруких — сила в Верховном тайном совете. Хитроумный Остерман вёл себя как друг Данилыча, однако вскоре понял, что сие против желания вельмож. Ох, Андрей Иванович (думал Брюс), долго ты продержишься возле трона, переживёшь ещё пять-шесть монархов и полумонархов! Мне такие

штуки не по характеру, я человек прямой, а ты, друг мой, первым желаешь быть при власти.

Задумал женить Петрушу на его тётке Елизавете — пара хоть куда, оба красавцы, пусть она старше по годам, зато «племянничек» на голову выше, — и план Остермана втайне одобряли многие, вот только церковь всё решила: запрет в Писании на такой брак! Вот и лопнула твоя затея, Остерманчик!

С Долгорукими он тоже в дружбе и согласии — как был, так и останется главным учителем наследника. Славно, конечно, да только неизвестно, в какую сторону у того нравственное развитие пойдёт.

Звёзды, звёзды, вы всемогущи! Весы — славный знак для правителя, да ведь в звёздах ошибаются астрологи. В XVI веке жил Нострадамус, нагадал королю Генриху смерть на турнире, а тот остался жив, и фармацевту-предсказателю чуть не сняли голову... А ведь был великий прорицатель и ясновидящий.

Что такое ясновидение? Брюс, кажется, приближается к сему, даже составил формулу: точное знание объекта (хотя бы на одну треть), плюс познание сердцем, плюс интуиция и — сильное напряжение всего существа. Брюс это делал и по старинным книгам, и по особым картам, разными способами...

Но что, однако, ждёт Россию впереди? Как повлиять на судьбу, да и возможно ли это?

Брюс и тут, кажется, вывел формулу: есть воля ума и логики — и есть воля судьбы и фатума, и нельзя препятствовать ни одному из них. Кто живёт только логикой и умственными планами — схоласт и сухарь. Кто следует

только воле судьбы, не умеет к ней хотя бы чуть приспособиться — тот в проигрыше. Если бы к этой формуле прислушался (или дошёл до понимания её) Пётр-наследник!.. Ах, если бы...

Князь Алексей Долгорукий, похоже, нарисовал логический план действий. А Меншиков жил по второй схеме — творил, что желал его темперамент.

— Однако, — произнёс вслух Брюс, — похоже, что Долгорукий пойдёт тем же путём: попробует женить наследника на одной из своих дочерей... Ага! Но и его ждёт крах на том пути!..

А это чей образ выплывает из-за третьей фазы Луны? Что за старческая, бабья физиономия? И какое окружение! Золото, бриллианты, генеральские мундиры!.. Ба, да это же коронация! И добрый от природы царь-мальчик обнимает старушенцию?.. Да уж не Лопухина ли это Евдокия, первая жена Петра I? Значит, отрок отпустил её из монастыря, дал слуг, пенсион... Опять же вездесущий Остерман говорил Брюсу: мол, читал письма Лопухиной, диктовал ответы. Они полны выпрених слов: «Дражайший внук, державный император... желаю видеть вас, по горячности крови моей, и сестру вашу, внучку, любезную Наталию, прежде кончины моей». Внук под диктовку своего учителя отвечал в том же духе. Только, похоже, особых родственных чувств они не испытывают...

Что показывают звёзды об их будущем? О-о! Да никак старая ведьма переживёт и Петра и Наталию!.. Вот ещё беда! Может быть, звёзды всё же ошиблись?..

Уже было за полночь, когда Брюсу явилось видение, которое заставило его вздрогнуть, — на широком ложе

лежала обнажённая красавица Елизавета и миловала царя-отрока! Неужто интрига Остермана сработала? Горе бедному вьюноше! Славная пара они с принцессой, дочерью Петра, да ведь поиграет и бросит его эта красотка, а у него навсегда заноза в сердце останется. Ой, не пришло бы ему в голову пуститься во все тяжкие... Или — потерять вообще охоту к жизни...

И тут новое видение: в опочивальню входит Иван Долгорукий, Петруша вскакивает в негодовании, чуть ли не бросается на своего фаворита...

Ох, беда, из благих намерений Остермана может выйти большая беда!

Яков Брюс схватился за голову двумя руками и закачал ею из стороны в сторону...

Коронация

Коронация Петра II была назначена на 25 февраля (8 марта) 1728 года. Пока не свершилась церемония, наследник истинный — ещё не царь. Все ждали этого дня, но особенно старая столица Москва. Это событие чрезвычайное, жданное и желанное. Устроители коронаций всегда стремились удивить, покорить народ! Пётр I, когда короновал свою Катеринушку, устроил пир на весь мир. На кремлёвской площади поставили два рундука, на которых уложены были жареные быки колоссальных размеров, начинённые внутри разного рода птицею. Тут же, рядом с уложенными быками, били два искусственных фонтана, извергавшие один — белое, другой — красное вино...

...Близится час коронации! Курьерские тройки мчатся по Тверской. Народ толпится на заснеженных улицах — глазек, ждут царского поезда.

Поют-веселятся в Москве на особинку: такую похвальбу устраивают, такие выкрутасы придумывают, что любо-дорого послушать:

На деревьях — пироги,
На кустах-то пряники!
А у вас — не как у нас:
У нас курицы поют,
Петухам воли не дают!
У вас — петухи поют, спать не дают,
А у нас: ел — не поперхнулся,
Лёг — свернулся, а встал — встряхнулся...

Солнце позолотило купола, заблестали сугробы, снега московские, а солнце так и играет в небе, не менее восьми лучей посылая на землю...

Площадь возле Девичьего поля полна народу. Ждут!

Уже позади Пречистенка, подъезжают к Новодевичьему монастырю... На поляне разбиты палатки, шатры. Лошади стоят, запряжённые и в простые сани, и в сани богатые, украшенные медвежьими да плюшевыми покрытиями.

Юный царь-государь полон благих чувств. Он делает своих подданных счастливыми. Он освободит свою бабушку Евдокию Лопухину и даст ей всё, что она пожелает. Он разрушит преображенскую избу, где сидел его отец, царевич Алексей. Сердце его ширится от добрых мыслей и дел...

Первая жена Петра I, мать царевича Алексея, Евдокия Лопухина — что за женщина?

Много о ней написано, наговорено, много напраслины возведено. Или не всё то напраслины?

Историк Костомаров писал:

«Пётр женился на Евдокии Фёдоровне Лопухиной тогда ещё, когда ему было шестнадцать лет. Он женился так, как женилось тогда множество людей: собственно, не он женился, а его женили. Его женила мать. Несмотря на обычность такого рода женитьбы в русской жизни, брак Петра был не похож на браки предшествовавших царей, его предков, потому что последние, благодаря слагавшимся обстоятельствам своей жизни, выбирали себе жён по собственной воле. Едва ли Пётр выбрал бы ту, которую ему дали, если бы его не женили, а он сам женился. Впрочем, первые года его супружества, насколько нам известно, прошли спокойно; плодами супружеской связи Петра с Евдокией были двое сыновей; из них меньшей, Александр, умер скоро после своего рождения; старший, Алексей, родившийся 18 февраля 1690 года, пережил своего брата себе на горе».

«Царица Евдокия Фёдоровна была простая русская любящая женщина. В её письмах, где она выражает свою грусть в разлуке со своим “лапушкой”, слышится простодушное искреннее чувство.

Историки пытались объяснить, что Евдокия не могла удовлетворить духовных потребностей Петра по своей узкости, закоренелости в предрассудках, приверженности к старине, богомольству, праздности и т. п., что гениальная натура великого преобразователя требовала

чего-то иного, высшего, более развитого, нуждалась в такой женщине, которая бы могла его понимать, на что неспособна была дочь Лопухина... Нам кажется, ларчик проще открывается. Пётр поступил так же, как поступал обыкновенно русский удалой добрый молодец, когда, по выражению песни, зазнобит ему сердце красна девица или “злодеюшка чужа жена” и станет ему “своя жена полынь горькая трава”.

Не чувствовавши влечения к Евдокии при выборе её в жёны, Пётр, может быть, и сжился бы с ней, если бы не приглянулась ему в Немецкой слободе Анна Монс. Пётр не умел сдерживать своих страстей и, как самодержавный царь, не считал нужным себе отказывать в чём-либо.

В Евдокии Лопухиной больно отзывалась эта перемена. В письмах она жаловалась царю, что не видит его; жаловалась и своему отцу, своим родным, а те изъясляли неудовольствие царём. Это длилось около четырёх лет.

Но, будучи за границей, из Амстердама и из Лондона Пётр поручал Льву Нарышкину и Стрешневу уговорить царицу добровольно уйти в монастырь. А возвратившись из-за границы, призвал царицу и сказал ей: “Как смела ты послушаться, когда я приказывал неоднократно письмами отойти в монастырь, и кто тебя научил противиться?” Через три недели после того Евдокию повезли в карете в Суздаль и заключили в Покровском девичьем монастыре...

После царствования Ивана Грозного в семейной жизни московских царей не происходило ничего подобного. Цари Фёдор, Борис, Шуйский жили согласно со своими жёнами. Вступила на престол новая династия, дом

Романовых; первые цари из этого дома, один за другим, отличались безупречной семейной нравственностью. Царская семья в глазах народа показывала образец богобоязненной жизни.

Явился на престоле Пётр — и началась ломка, перестройка государственной, общественной, домашней жизни. Царь — бомбардир, каменщик, плотник, кузнец, лекарь, законодатель, учитель — всему сам даёт почин... Невольно на память приходит Иван IV Грозный...»

Было о чём подумать юному Петру II перед коронацией и во время её. Действительно ли Евдокия Лопухина в Суздали завела любовника Глебова? Бабушка, похоже, с характером, она перечила царю, писала ему укоризненные письма: мол, «от печали по нём она истинно умирает»... Где правда? Как искупить грехи близких? Бабушку, пребывающую теперь в Новодевичьем монастыре, он освободит из заточения, взглянет в её глаза, — может, там он что-нибудь увидит и поймёт? Пётр II въезжал в Новодевичий монастырь, оглядывал толпу на площади...

Кто это? Никак Наталья Шереметева, которую, кажется, полюбил Иван Долгорукий, сказывала она, что в Новодевичьем сидела царевна Софья, ранее — Ирина Годунова, а ещё Елена Шереметева, супруга сына Грозного... Нет, Пётр II не станет столь жестоко обращаться с подданными и никого из женщин не посадит в заключение!..

Так размышлял император, входя в ворота монастыря, в Смоленский собор. Рядом был Иван Долгорукий, вельможи, генералы, сановники, священники...

Помолившись в Смоленском соборе, царь вышел, а навстречу ему идёт бабушка Евдокия Лопухина. Объятия,

поцелуи... слёзы... Лицо у неё бледное, одутловатое, а царь-отрок — на загляденье великодушен, добр, ядрёный цвет на щеках, глаза светлые, радостные.

Наталья Шереметева «углядчива»: заметила, как настороженно глядит «бабушка» на принцессу Елизавету — ведь это дочь её соперницы, мерзкой иноземки... В лице милого царя замечает она не только радость, но и глубоко запрятанную печаль. Бедный! Каково держать скипетр и державу в таком юном возрасте!.. Оба они сироты, ни отца, ни матери, по судьбе — как брат и сестра.

Иное дело — Иван Долгорукий, сидит, как заноза, в её сердце, чернобровый красавец... Ах, не заметил бы, что она глаз с него не спускает! И Наталья спряталась за чью-то спину.

Самые главные часы во всей коронации — служба в Успенском соборе, проповедь священников, моление о благополучии царствования Петра II. Подданным, сановникам и самому царю внушались мысли о неземном происхождении его власти, о богоданном праве его повелевать своими подданными.

Яков Брюс тоже получил приглашение на коронацию, а скептицизм его всегдашний подсказывал: титул свой получил царь рано, ещё не сформировался характер, а уже вседержавный царь!

В душе государь помышлял, должно быть, о том, чтобы скостить недоимки у народа, дать ослабу Малороссии, а ещё... Ещё надобно непременно уничтожить Преображенский приказ, где дед содержал его отца, быть может, пытал...

Князя Долгорукие держатся грудно — клан! И зорко следят за Иваном — дурашлив он, горяч, однако императора истинно полюбил и служит ему славно... На лице отца, князя Алексея Григорьевича, деловитость, забота. Поручил он одному художнику нарисовать Ивана рядом с царём, а ещё запечатлеть свою Катерину. Для чего? Видно, торопится великие свои планы совершить...

Отслужили службу в Смоленском соборе, в Успенском — впереди Троице-Сергиева лавра и старинная вотчина Романовых — Коломенское.

Возвращаясь домой, в Кусково, еле живая Наталья Шереметева шептала: «Господи! Сделай так, чтобы многие твои силы наполняли государя, чтобы сердце его не очерствело с годами. Добрым деяниям его пусть не будет предела, а умным советникам — извода».

...Коронация не прибавляет ума, не убавляет. Разве что величит человека и делает взгляд его более важным, высокомерным.

Это прекрасно знал Андрей Иванович Остерман и не собирался прерывать занятия с 13-летним императором даже в Коломенском. Он давно составил план занятий, своей рукой написал, что следует делать. Главными предметами были древняя и новая история, география, математика и геометрия. «Читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времён, перемены, приращение и умаление разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воследовавшему потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти Ассирийскую,

Персидскую, Греческую и Римскую монархии до самых новых времён... Географию отчасти по глобусу, отчасти по ландкартам показывать, и к тому употреблять краткое описание Гибнерово... Математические операции, арифметика, геометрия и прочие математические части и искусств из механики, оптики и проч.».

Историки дружно и несправедливо пишут, что Пётр II не любил учиться, а любил лишь охоту. В эти годы человека тянет к движению, веселью, охоте. Тем не менее его учил Остерман, а два раза в неделю он появлялся в Верховном тайном совете при Меншикове, выслушивал старческие, ворчливые и скучные речи. Видел, что светлейший, не бывая в совете, подписывал бумаги дома, чем многих настраивал против себя. Пётр II шутки ради тоже научил князя Ивана Долгорукого подписывать бумаги «под его руку». (Это-то и послужит причиной будущих трагедий Долгоруких.)

Он был порывист, как и его дед. В одном донесении Лефорт писал: «Сегодня пополудни захотелось царю верхом поохотиться за волком, посаженным в саду. Волк не умел отмечать любимой собаки Петра, схватил её за уши и так потряс, что царь хотел спрыгнуть с лошади и спасти свою собаку, но его удержали...»

Порывы у царя были добрые, его волновали, к примеру, пожары, которые случались чуть не каждую ночь, — и одним из первых его указов стала борьба с пожарами. Не нравились грабежи в тёмных переулках, грязь по весне и осени, склизкие глубокие колеи. Угнетали донесения с мест огромной России — сколько жестокостей, убийств, даже в дворянских имениях!..

Подписывать смертную казнь виновным Пётр II не любил, оттого иногда Иван подписывал «под его руку». Как-то высокоумная Наталья Шереметева сказала: «Ваня, а ты сделай так: когда указ о смертной казни надобен, ты укуси царя за ухо! Он рассердится, а ты шуткой скажи: видишь, даже уху больно от моего укуса, а каково будет тому несчастному? Может, дать ослабу наказанию?»

Между тем обыватели Москвы безмерно радовались пребыванию царя в Москве, освобождению Евдокии Лопухиной. Говорили, будто называет она себя вдовствующей государыней, а сторонники её кланялись государю и плакали: «Государь-батюшка наш, пожалей Евдокию, отца своего! Разве не погубил её твой дед-антихрист?!.. Слава Богу, ты в Москве пребываешь на общую радость. А в том Петербурге тебе нечего и делать-то!»

Мысли смутные не оставляли Петра II. Преображенскую избу он уничтожил, но что сделал дед, чем провинились отец, бабушка? В Библии сказано, как Авраам принёс в жертву сына своего Исаака, но Бог его спас... А дед, пожертвовавший сыном ради Отечества? И должен ли он, Пётр, продолжить линию Петра I? Или вернуться к отцу и бабушке?

Он будет жить — пока! — в Москве, будет наезжать и в Петербург. Так советует Остерман и так же Долгорукие... Кто из них станет его регентом, как Меншиков, будет управлять его волей?.. И пойдёт ли молва, что Пётр вернул старую столицу?

Между тем армия и флот находились в кризисе: Военная коллегия после ссылки Меншикова осталась без президента, в армии не хватало амуниции, многие способные молодые офицеры были уволены.

Иностранные посланники так сообщали о состоянии дел в России: «Всё в России в страшном расстройстве, царь не занимается делами и не думает заниматься; денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут финансы; каждый ворует, сколько может. Все члены Верховного совета нездоровы и не собираются; другие учреждения также остановили свои дела; жалоб бездна; каждый делает то, что ему придёт на ум».

Саксонский посланник сравнивал Россию с кораблём, который носится по воле ветров, а капитан и экипаж спят: «Непостижимо, как такой обширный механизм может действовать без всякой помощи и усилий со стороны. Всякий стремился только свалить с себя тяжесть, никто не хочет принять на себя ни малейшей ответственности, все жмутся в сторонке... Огромная машина пущена наудачу; никто не думает о будущем; экипаж ждёт, кажется, первого урагана, чтобы поделить между собой добычу после кораблекрушения».

Расслабившись после скачек на охоте, царь-отрок не мог не думать о своей роли, но что он может в 13 лет? Да при таких деспотичных наставниках, как Алексей Григорьевич Долгорукий, и при таком хитреце, как Остерман?

Император терял голову от дум и сомневался... Сомне-вал-ся...

II клане Долгоруких

Представители этого древнего рода славились верным служением Отечеству. Знаменитый князь Яков служил Петру I и был единственным, кто говорил царю правду. Много лет провёл он в шведском плену, а вернувшись, остался верен Петру. Род их был из Рюриковичей, предок Юрий Долгорукий — основатель Москвы, и все отличались яркой внешностью, красотой и храбростью. Фельдмаршал Василий Владимирович — командующий армией, Василий Лукич — самый «умный и злой»; несколько Долгоруких — послы в иностранных государствах.

Алексей Григорьевич — в Верховном совете. Однако, добравшись до верхов и поняв, что его сын Иван любимец императора, князь проявил дьявольскую хитрость. Он мстил Меншикову, он ломал голову над тем, как пробиться к царскому трону (но об этом мы — позднее).

Женой князя Алексея была Прасковья Юрьевна, которая подарила ему семерых наследников. Вот их имена и годы жизни:

Иван (1711—1739) — фаворит императора Петра II, женат на графине Наталье Борисовне Шереметевой;

Екатерина (1712—1747) — невеста императора Петра II, с 1745 года супруга графа Александра Романовича Брюса;

Николай (1713—1790) — женат первым браком на Наталье Сергеевне Голицыной, вторым — на Анне Александровне Бредихиной;

Елена (1715—1799) — замужем за князем Юрием Юрьевичем Долгоруковым;

Анна (ум. в 1758);

Алексей (1716—1792) — женат первым браком на княжне Евдокии Григорьевне Мышецкой;

Александр (1717—1782) — женат на Прасковье Кирилловне Матюшкиной.

Князь Алексей Григорьевич — глава этой многодетной семьи.

В 1700—1706 годах он жил в Варшаве, ездил в Италию. Благодаря дяде Якову Фёдоровичу быстро продвигался по службе: в 1713 году был губернатором в Смоленске, в 1726-м возведён Екатериной I в звание сенатора и назначен вторым воспитателем великого князя Петра Алексеевича, а при Петре II — членом Верховного тайного совета.

Теперь его целью стало подчинить Петра, поощрять страсть к охоте. Зазвав его в своё подмосковное имение Горенки, князь «свёл» 14-летнего императора с одной из своих дочерей, княжной Екатериной. Вместе с тем, когда появится Анна Иоанновна, А.Г. Долгорукий станет единственным членом Верховного тайного совета, подавшим голос против её избрания, так что решительности ему не занимать. За это Анна сослала в дальние края всю семью, чуть ли не весь род Долгоруких.

А после ссылки и смерти отца дети были переведены в разные места: Елена в Томский Успенский монастырь, Анна — в Верхотурский Покровский монастырь, Екатерина — в Томский Христорождественский монастырь, Алексей отослан матросом в Камчатскую экспедицию,

Николай и Александр сначала в Тобольск, затем в Вологду, а в 1740 году — на каторжные работы в Охотск и на Камчатку.

Но не будем опережать события. Пока, осенью 1728 года Пётр II живёт в Москве. Молодой Иван Алексеевич — его обер-камергер, и оба они живут в Лефортовском дворце.

Широкое распространение в XVII веке имели всякого рода «анекдоты» (вернее, короткие народные рассказы), и появился вот такой рассказ:

«Лефорт, любимец Петра I, в церемониальных представлениях заменявший собою лицо государя, не терпевшего никакой пышности, имел в Немецкой слободе, на Яузе, нарочно для того замком построенный и пожалованный дворец, который по смерти его поступил в казну и до днесь называется его именем. Молодой, умный, по привязанности к русским много обещавший император Пётр II по вступлении на престол переехал в Москву на житьё и имел пребывание в сём дворце. Обширные к нему ворота с площади украшены были приличными аллегорическими изображениями, а наверху поставлен был превеликий двуглавый орёл с тяжёлою короною. Молодой государь вознамерился вступить в брак с мяжною Екатериною Алексеевной, дочерью князя Алексея Григорьевича Долгорукого. В назначенный для торжественного обручения день за невестою и её родными отправлены, по воле императора, богатые придворные экипажи. Лишь только в восемь лошадей, запряжённых с шорами на глазах, карета с невестой на двор в ворота проехала, вслед за ней огромный орёл

с короною с великим треском обрушился, так что последующие экипажи принуждены были на некоторое время остановиться. Многочисленная чернь приняла сей случай за дурное предзнаменование и единогласно закричала, что свадьбе не быть...»

Князь Алексей Долгорукий вынашивал тайный план. Он собирал в своём доме сродников, которые вели тайные переговоры, — и в Петербурге, когда правил Меншиков, и в Москве. Там был и родной брат Сергей Григорьевич, который служил по дипломатической части.

Двоюродный брат их Василий Лукич, человек степенный и дельный, выполнял роль пружины в семейном механизме. Его называли умным, но злым, как обезьяна, хотя странно: держался он тихо, даже будто чего-то стеснясь. Именно он да ещё Василий Владимирович Долгорукий озабочены были соблюдением родовых долгоруковских начал и старинных обычаев. Как и все истинные представители древних родов, они следовали законам Киевской Руси, плотно связанной с Европой, и разделяли петровскую тягу к иностранному. Только считали, что ежели догонять Европу (а как не догонять, ежели Русь и есть Европа?), то не галопом, а постепенно, с достоинством.

Однако Алексей Григорьевич Долгорукий более озабочен был днём сегодняшним, собой, — и главной целью было сбросить Меншикова (тут ему помощником был Остерман).

— Куда глядим-поглядываем? — распалял себя в те дни старый князь. — Сколь терпеть станем?..

Ему вторили братья:

— Ещё не тесть Меншиков, а уж чуть ли не царь негласный... Надобно думать, как разделаться с выскочкой...

Молчал лишь Василий Лукич, наиболее дальновидный из всех. Братья то и дело взглядывали на него, но он словно не замечал.

Явился как-то Иван Долгорукий — отец заворчал:

— Чего припозднился? Где тебя носит?.. — Впрочем, скоро сменил тон, речь повёл издали. — Не в тягость ли государю власть Меншикова?..

— Кому она не в тягость, власть-то? — усмехнулся князь Иван.

— Люба ли Мария Петру? — спросил отец.

Иван махнул рукой: какое, мол! Отец торжествующе заметил:

— Вот и я про то сказываю!

А теперь Алексей Григорьевич внушал своим родичам мысль о том, что есть подходящая невеста:

— Наша Катерина — вот на ком надобно женить государя!.. И умна, и в галантерейных науках толк знает, будто родилась царицей.

Иван Долгорукий, услышав про план отца, поперхнулся:

— Батюшка, побойтесь Бога! Катька с австрийским посланником амуруется, с Миллюзимо!

— Ай! — передёрнулся Алексей Долгорукий. — Что ты понимаешь в своей сестре? Не ёрничай! Да она, ежели хочешь знать... ежели ей корона увидится, всё откинет и забудет про своего австрияшку.

— Скажет ли государь спасибо за нашу невесту? — усомнился Сергей Григорьевич.

Взгляды обратились к Василию Лукичу, который всё ещё не подавал голоса. Тут он наконец заговорил, но как бы совершенно о другом:

— Государь Пётр Алексеевич как-то повелел Прозоровскому переплавить государственную казну, а тот взял и не послушался, отдал собственные деньги вместо государевых... И что же? Миновало время, Пётр опомнился: ах, где моё золото-серебро, зачем велел я его перелить? Тут-то и признался во всём Прозоровский... Что, окромя благодарности, мог высказать ему Пётр?

— Да наша-то Катерина вроде не похожа на государственную казну, — усмехнулся князь Иван.

Пётр II победил тогда Голиафа-Меншикова. А теперь он оказался во власти другого Голиафа — Долгоруких.

Но тем не менее историки считают, что именно во времена Меншикова более было принесено пользы России. Читаем:

«Были прощены давние недоимки крепостных, а посланным на каторгу за неуплату налогов была дарована свобода, смягчилось уложение о наказаниях. В частности, императорским указом было запрещено “для устрашения” выставлять на обозрение расчленённые тела казнённых.

Был отменён так называемый “поворотный налог” — то есть подать с каждого прибывшего воза. Объяснением тому была “забота правительства об ограждении подданных от обид, чинимых сборщиками”.

Пошлина на отпускаемые за границу пеньку и пряжу была снижена до 5%, чтобы поднять доходы казны. Сибирь-

ский пушной торг и вовсе был оставлен без пошлинного обложения.

В Верховном тайном совете относительно Малороссии Пётр II объявил: “В Малой России ко удовольствию тамошняго народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину...” Все дела, касавшиеся Украины, были переданы в ведение иностранной коллегии».

Каприз Катерины

Пётр II после коронации надолго остался в Москве — чуть не на два года. Долгорукие жили то у себя на Знаменке, то в усадьбе Горенки. В Горенках гостей встречали два льва у входа. Такие львы — особая гордость знатных семейств: охраняющие, сберегающие, пугающие и при этом улыбающиеся! В них было что-то детское, наивное, домашнее.

Однажды княжна Катерина заявила: «Хочу побывать в нашей старой усадьбе, в Глинках». Уговорила дядю Сергея поехать вместе — благо не столь далеко. Глинки год назад были проданы графу Брюсу, который прежде оглядел местность, изучил строение тамошней земли — воду, растения, травы, ползучих гадов и кое-что ещё, неведомое ни прежним хозяевам, ни окрестным помещикам.

Брюс был рудознатцем, то есть умел по внешним признакам, приметам угадывать залегание полезных и неполезных ископаемых и даже прошедшую историю местности.

А Катерина пожелала посетить Глинки, ибо там проходило её детство.

Лошади въехали в усадьбу, гости глянули вокруг — усадьбу не узнать. На барском доме возвышалась обсерватория, подобная той, что на Сухаревой его башне; новые строения, расширились конюшня, псарня. Брюс славился умением не только приобретать лошадей, но и лечить их, и даже принимать роды. Князь и Катерина с любопытством оглядывали всё.

Весело было в детские годы в Глинках! Ребятишки, княжеские и дворовые, бегали взапуски, играли в прятки, вечерами садились у костра и пели хохлацкие песни, в Масленицу катались на санях, на качелях. Но ничего не было лучшего, чем театральные сценки и французские танцы в барском усадебном доме.

Славилась среди них Палашка, служанка Катерины, — так умела крутиться, такие выкрутасы устраивала, что гости кричали: «Фору! Фору!» Тоненькая как былинка и быстрая как ручеёк.

А потом с ней вышла худая история: влюбилась в конюха Миколу, да так, что вечерами её и не найти — то ли в конюшне, то ли в парке. Княгиня Прасковья сердилась, отсылала её на скотный двор, в дальние покосы.

Догадались, что та беременная, устроитель театра первым заметил что-то неладное. Кто же будет теперь потешать гостей? И приказали одной бабке-знахарке сделать так, чтобы стала девка опять «пустая», могла танцевать. Конюха Миколу куда-то спровадили. Палашка спала с лица, у неё появилась какая-то кривоватая улыбка.

Когда продавали имение, Долгорукий разрешил слугам, кто хочет, оставаться в Глинках, — Палашка пожелала остаться. Брюс и жена его Маргарита приветили её, и Пелагея оказалась не только хорошей танцоркой, но и толковой, сообразительной, на всякое дело годной. Новый хозяин вызывал у неё страх и трепет, но она всему училась: у бабки знахарству и травам, у Брюса в домике его алхимическом подавала склянки. И ничего не забывала: ни кудрявого своего конюха Николая, ни молодой княжны Катерины. Если бы можно было ей отомстить! И за Миколу, и за убитого младенца!..

Брюс показал княжне недостроенный свой дом, наверху — обсерватория. «Приезжайте на будущий год, всё покажу, подивитесь». Они прогуливались по парку, граф увлекал её рассказами о том, что здесь будет через год... Говорил умно, заманчиво, Катерина слушала со вниманием.

И тут вдруг на дорожке возле церкви Катерина увидела её, служанку Палашку. Вот удача! С тех пор у княжны не было такой ловкой служанки — надо забрать, выкупить её у Брюса. Однако Палашка буркнула: «Здоровья желаю, ваше высочество!» — и, не останавливаясь, побежала дальше.

Какая-то странная кривоватая ухмылка мелькнула на её лице. Что делать? Брюс не желал расставаться со служанкой.

— Господин граф, а ежели отец мой обменяет Палашку на лучшего коня своего? — спросила она.

Но он покачал головой и добавил:

— Потом, может быть, потом.

Между тем уже темнело, и князь Сергей Григорьевич торопил племянницу: поглядела — и хватит. «Не капризничай, племянница. Едем!» И Катерина так и осталась со своим капризом.

Только не из тех людей была Катерина, что прощаются со своими желаниями. Миновало два месяца (царский двор жил в Петербурге) — и она снова уговорила дядю ехать в Глиники, а у отца выпросила лучшую лошадь для Брюса.

На этот раз господский дом предстал ей во всей красе. Зеркальный пруд, густые, особенного, синеватого цвета ели... Дом показался выше, чем прежде.

— А-а, — догадалась княжна, — это как на Сухаревке у него, в башне, обсерватория. Для наблюдения за звёздами... Глянь, дядя! Тут пруд — и с той стороны тоже пруд, а домов-то, домов!..

У ворот забежали слуги, торопясь уведомить хозяина о прибытии важных гостей, — одна коляска чего стоит! Верх кожаный, кони в серебряной упряжи, старик в шитом серебром камзоле, а девица — ну что тебе царица.

Яков Вилимович отошёл от государственных дел, хотя знал всё, что происходит у царя. Теперь он любил удивлять соседей, гостей званых и незваных.

Ни дядя, ни Катерина не знали о чудачествах Брюса, и он, похоже поскучив, предложил уставшему князю посетить гостевой домик и отдохнуть там. Князь удалился, а Катерина повела светский разговор, намереваясь, во-первых, вновь прибегнуть к гаданию прорицателя,

во-вторых, выманить у него служанку Пелагею, обменяв на лучшего коня батюшки.

Обходя графский дом, Катерина поразились маскам, украшавшим стены между вторым и третьим этажами. Что это? Чёрт? Козёл? Дьявол? Вдобавок они чередовались с женскими ликами. Хозяин наконец снова разговорился:

— Покинув наши столицы, решил я — для памяти о тамошних нравах — украсить стены этими масками, дабы отпугивать чертей, интриганов и недругов. Видите рога, ослиные уши?.. Старинные европейские маски.

У входа в дом она заметила иные две маски — одна улыбалась, а другая явно насмехалась. Но спросить не решилась: показалось, что это сам Брюс. Ну и кудесник этот граф!.. Про дом сказал ещё, что стоит он так, что над ним горит Полярная звезда. Катерина мало что понимала в астрономии и спросила:

— А отчего в парке деревья повалены, лежат на земле?

— Оттого это, медхен, что деревья задумал я так расставить, чтобы образовали они слово «Brûs». Звёздам чтоб было видно.

Почему-то она заговорила о Меншикове: мол, как мог царь сделать из бывшего сапожника или пирожника героя войны и властителя? Разве не доступно сие лишь аристократическим фамилиям?

— Ах, юнге фрау, простите, фрейлейн! В Меншикове было чутьё — он руками пищу не брал, за столом не сморкался, как другие... Свинства русского не терпел.

— Отчего же уж свинства? — кокетливо повернулась княжна. — Не все такие.

— Да оттого, что так было! Пришлось Петру Алексеевичу на ассамблеях вывешивать объявления, и какие! Приходить на ассамблеи «мыту и бриту старательно, голодну наполовину» и яства употреблять умеренно. А о женском поле было написано: «На прелести дамские взирать не с открытой жадностью, и руками действовать остерегаться... Пьяну быть тоже умеренно». К тому же у Меншикова была удивительно счастливая физиономия, он вселял в царя радость.

Они поднялись на второй этаж. Катерина поддерживала подол своей юбки, а думала об одном: когда предсказатель погадает ей? Должна же она решить: расстаться ли с красавчиком Миллюзимо — или послушать отца и отдаться уму, а не сердцу?

Одна комната являла собой библиотеку, и какую! Множество книг с нерусскими названиями, с дорогими кожаными переплётами покрывали стены. Она прочитала лишь два — Гюйгенс «Происхождение видов и существностей» и народная легенда о Фаусте. На столе стояли глобус и какие-то таинственные приборы.

Брюс повёл гостью в круглую залу. На стене выделялся крупный барельеф на лазурном фоне. Княжна не без труда разглядела в центре птицу с распростёртыми крылами, некую раковину и, кажется, рыбу...

Как сказал граф, сие означает рождение жизни на Земле: в центре птица, вокруг — волны света, внизу — рыба. А от клюва птицы идёт в стену что-то вроде отверстия, но куда оно ведёт?

— Это, Катеринушка, вещая птица. И когда бывают особенные лунные дни, в определённой фазе, вещает та птица умные слова. Как Дельфийский оракул.

— Что такое Дельфийский оракул?

— А это, гуте медхен, в Древней Греции такое место... Город Дельфы... и храм... Туда могли войти только жрецы и жрицы-пифии, которые говорили пророчества приезжавшим отовсюду людям... Оракул... — Тут Брюс остановился, хитро подмигнул княжне и продолжил: — Слов было не разобрать, так как под храмом бурлила вода, подъём случался из-за перепадов в высоте... Быть может, из расщелин поднимались ядовитые испарения... Каждый как хотел — так и понимал пророчества.

Уж не похоже ли это на его, Брюсовы, предсказания? — подумала Катерина.

Яков Вилимович дунул на шандал, оставив лишь одну горящую свечу, а сам удалился. В полутьме обозначился чёрный глобус со светящимися дырочками — то был небесный свод. Неужели княжна услышит оракула? Ей становилось не по себе, однако она умела преодолевать страхи...

Послышался глухой и низкий голос, точно вещала та птица с распростёртыми крылами:

— Отцы владеют детьми... Не знают, что в мире царят страсть и власть... Что выше тех страстей — Ум и Знание. Любовь к знаниям освещает путь. И ещё — негасимая сила любви... Чаша Грааля — источник Знаний. Она же цель опытов и экспериментов... В мире тысячи веществ, только надо найти путь их соединения, что с чем надо связать, чтобы образовать золото...

«Чему отдать предпочтение? — Катерина думала о своём. — Красавчику Миллюзимо или императору?..

Остаться в Горенках или бежать за австрийцем? Что нагадал ей Брюс в прошлый раз там, в Летнем саду?.. Тогда были красивые слова, что-то вроде: ветры небес танцуют меж вами... Меж мной и Миллюзимо?...» Ах, она уже позабыла!

...Полная трепета, спускалась Катерина по лестнице со второго этажа.

Брюс молчал, загадочно глядя на княжну, словно читая её мысли. Показал два соседних домика: в одном он пишет, спит, работает, в другом делает опыты по алхимии, а вон тот, кирпичный, — обитель его супруги Маргариты Мантейфель. Каждый из них живёт в своём доме и своей жизнью.

— Так что же, значит, любовь умерла?

— Разум — альфа и омега, без него мы — насекомые...

Катерина задумалась: значит, не следует ждать Миллюзимо? Батюшка давно твердит: не знаешь ты своего счастья, Катерина, ежели ум есть (а он у тебя есть), судьбу и нашу и свою порешишь.

Теперь можно было завести речь и о Пелагее. С дядиной помощью. Встретились они возле конюшни — у Брюса было не менее двадцати лошадей, конюшня великая. Сделка состоялась: Брюс отдал Пелагею в обмен на самого резвого коня (знала бы княжна, какую мрачную роль в её жизни сыграет эта девка!).

С мрачным лицом шла Пелагея к карете. Что поделаешь? Она не забыла того, что устроила Катерина, как разлучили её с Миколой...

В подмосковных лесах и парках

Никто не мерил по линейке Москву и с помощью циркуля не чертил на ней улицы, она сама по себе росла и ширилась, как блин, как шар, как колобок, что по сусякам скребён и на сметане мешён. Кругами, кольцами строилась Москва. Мало того — и в подмосковных местах образовался круг, в котором цвели и благоухали барские усадьбы. Они лежали кольцом, похожие на драгоценные бусы: усадебные дома, имения, парки, один за другим: Кусково — Горенки — Глинки — Отрадное — Никольское... Голицыны, Шереметевы, Долгорукие, Оболенские...

Наташа Шереметева гуляла по парку в Кускове, вспоминая Ивана Алексеевича, их встречу на Невском, возле Новодевичьего монастыря. Известно, что мысли передаются на расстоянии, ежели двое думают в одном направлении. Так же грезил о своей умной Наталье князь Иван, отправившись в сторону кусковского леса. Благо недалеко от их усадьбы Горенки. Шёл незаметно, хоронясь за деревьями, поглядывая в сторону дворца... «Любамоя, что тебе стоит? Вышла бы погулять...»

С некоторых пор князя будто подменили — не бегал более за юбками, не устраивал пирушек и чувствовал ответственность за молодого царя. «Фаворит — первый человек при царе, — говорила Наташа, — так что помогай Петру Алексеевичу». И князь выходил из-под власти тщеславного своего отца и не раз высказывал недовольство. Понимал, что надо бы в Петербург, довольно уж в Москве они сидели, а дело Великого Петра требует пребывания в Северной столице. От Елизаветы, которая ещё

недавно была ему любя, отстранялся, корил её за то, что очаровала царя, готова сутками с ним быть на охоте.

Но взгляделся в боковую аллею — и узнал Наташу! Сопровождаемый чёрно-белой борзой, остановился как вкопанный. Не объятия, не поцелуи, не любезности выказывали они друг другу, а только глядели и глядели в глаза.

Кто там скачет вдоль Большого пруда? Если брат Наташи, надо скрыться. Свидание получилось короткое, почти без слов, но взгляды сказали многое. Однако, увидев вдали фигуру Петра Шереметева, князь заторопился и исчез за деревьями.

Возвращаясь в Горенки, подумал о том, что Шереметева сходна с сестрой императора, даже имена у них одинаковые. Надо бы навестить Наталию. В Горенках между тем вовсю старался его отец. Старый князь был одержим мыслью, как залучить (заманить. — *Ред.*) к себе государя на долгие охоты. Подновляли мебель, чистили полы и стены, хлопали ковры и шкуры... Иван Алексеевич поглядел на старания отца, помрачнел и решил немедленно ехать в Москву.

...Стояла осень 1729 года. Двенадцатого октября, в день своего рождения — ему исполнилось 14 лет, — Пётр решил навестить свою сестру. Во-первых, она слегка хворала, а во-вторых, в день рождения хочется увидеть самого близкого человека. Он с детства был лишён женской ласки — матери не помнил; няньки да мамки! — дед называл их дурами и прогнал. Марья Меншикова его не полюбила, как и он её, а сестра — отрада.

Наталия лежала на диване, тепло укутанная. Служанка принесла кофию и французских крендельков, и они заговорили об отце, о детстве...

— Каково тебе у Долгоруких? — спросила Наталия.

— Да вот, зовут на охоты в Горенки... Очень зовут. Поеду. — и опустил голову.

Наталия, понимавшая в жизни, в окружении царя более его самого, советовала поостеречься:

— Долгоруких много, а ты один-одинёшенек, Петруша, не потворствуй им.

Сестре было известно кое-что о ссылке Меншикова, и она поведала брату, как, покинув Петербург, князь был уверен, что едет в своё имение Раненбург. Но ждали его суровые испытания и дальняя дорога. Расстояние, отделяющее Раненбург от Северной столицы, Остерману и Долгоруким показалось слишком близким, и послали Меншикова «на край света» — в Берёзовский острог, куда в те времена (в том числе и по указке светлейшего) ссылали самых опасных государственных преступников. В Раненбурге велели Меншикову выйти из кареты, снять с себя княжеские одежды и переодеться в простое платье. Всех пересадили в телеги и повезли за тысячи километров, по бездорожью, через тёмные леса и болотистые равнины...

В Тобольске встретил однополчанина, с которым вместе воевали в Полтаве, и тот не узнал, а в детей Меншикова бросали комья грязи — каково? Приставили в дороге часового. Из столицы прибыли чиновники, прежде благоговевшие перед Меншиковым, — теперь они устраивали допросы с грубой руганью. Князя лишили поваров, портных, забрали золотую и серебряную посуду.

В городке Берёзове за малейшее послабление домашнего ареста требовали крупные взятки.

В пути, не выдержав физических и душевных мук, ослепла и скончалась Дарья Михайловна.

Меншиков станет неузнаваем, резко переменится, смирится с судьбой и будет молиться Богу о прощении грехов.

На многие сотни вёрст простиралась глухая безлюдная тайга, перемежаемая непроходимыми болотами. Зимой в тех краях жуткие морозы, но и летом тяжко: влажный воздух, гнус, болотная лихорадка... И произойдёт чудо: он окрепнет душой и телом. Несмотря на скудное питание и климат, деятельно плотничал, столярничал и построил церковь. Своей терпимостью и трудолюбием завоевал уважение ссыльных и караула.

Пётр слушал рассказ и с каждым словом делался всё мрачнее. Когда узнал, что Марья, порушенная его невеста, чуть душу не отдала Богу, совсем поник. В лице его читались сомнения, разочарование, смутная обида на кого-то, бессилие...

Брат с сестрой забыли о времени, не слышали хлопотни во дворце. Но постучался лекарь и сказал, что лучше бы государю удалиться — болезнь может быть заразной... А к больной никого не пускать.

Как в таких случаях поступал дед Пётр I, так же и поступил Пётр II. Он решил: чтобы не огорчаться, надо всё забыть! Как? Только охота может дать ослабу! И он бросился в Горенки...

...Август, когда охотятся «на овсах за медведем», давно миновал. Сентябрь с вальдшнепами и утками почти

кончился. Только пролётные утки да гуси ещё в небе... Зато псовая охота с борзыми на зайцев да на волков — в любой час! Лосей, кабанов, лис полны леса — езжай куда пожелаешь.

Дичи и зверя в окрестностях Москвы — море! Царь Алексей Михайлович езживал охотиться на реку Ламу, вокруг Яропольца; царь Пётр охоту не любил; теперешние вельможи уважают Ховрино, Сходню, Сетунь... И Пётр малый уже со всем своим великим обозом бывал на охоте. Обоз его растягивался версты на две: шатры, егеря, кухни, повара, оружие, собак свора — и подружейные собаки, и борзые для зайцев, волков и лис — шум и лай стояли в пути невообразимые.

Славно было охотиться с принцессой Елизаветой — азартная, смелая, никому не даёт спуска! А на привалах то веселит песнями хохлацкими, то вдруг печальная делается — и попробуй её утешь... Ивану Долгорукому сие удавалось, а государя она называла мальчиком, братцем своим младшим...

Князь Алексей Григорьевич потирает руки — завтрашний день прибывают! Пётр будет ночевать в Горенках!

Всё своё усердие употребил старый князь, чтобы в лучшем виде обустроить усадьбу: у Рюминых выпросил знатного повара, велел доставить отборных продуктов, наказал всякий день готовить диковинные блюда. Много ломал голову над тем, в каких комнатах расселить гостей, да так, чтобы Катерина опочивальня была близ царской.

Велел привести в порядок конюшню, псарню. С особым тщанием обставил охотничью залу, развесил там семейные портреты, серебряные щиты, доспехи, древние шлемы, оленью и кабанью головы...

В охотничьей зале на диване была расстелена волчья шкура, а на полу — медвежья. На столиках валялись трубки, перья, не переводились тут, конечно, напитки, вина и мёды.

Уезжали охотники ранним утром, возвращались потные, румяные, довольные, бросались на шкуры: царь на диван, на волчью; фаворит — у его ног, на медвежью, а рядом любимые собаки. И — беседы, песни, чтение вслух, питьё и опять беседы...

Свечи догорали, бронзовые шары отбрасывали длинные тени. А разговор всё не иссякал. Хитроумный князь, проживший не один год в Польше, рассказывал о галантных шляхтичах — они подражали рыцарям, сражались на турнирах в честь избранной дамы сердца. И при этом поглядывал на дочь Катерину, подобную красивым и гордым полячкам.

Когда пьянел князь Иван, отец ласково брал его под локоть и уводил в другую комнату. Катерина оставалась наедине с императором.

Однако похоже, что в изящной её головке были совсем иные мысли и планы. То и дело вскочит и объявит: завтрашним днём, мол, ей надобно непременно в Москву. Возьмёт двух казачков, самую резвую лошадку — и ищи её! Похоже, что по-прежнему грезит она о своём Миллюзимо...

Что сотворилось в Горенках

...И снова — Горенки. Уже падает снег, а заяц по первому снегу — это ж радость! Алексей Долгорукий опять вынашивает планы, как придут гости, как он будет рассказывать охотничьи байки. Пётр Алексеевич не просто жалуется Ивану, он любит его — мрачноватому нраву его нужен такой лёгкий товарищ, как Иван.

А Катерина бродила по окрестным полям, не замечая сырости, не видя, как цепляются ветки за опушку мхового подола. Было о чём подумать: и о Брюсе, и о том, что вчера Иван с Петром уехали на охоту, а как вернуться — пир закатят. Отец не отстаёт, всё твердит: мол, пусть они охотятся на зайцев, а у тебя главная охота — на царя!

Князь Алексей разглагольствовал о своём роде:

— Кто в Киеве княжил? Кто Москву основал? Предок наш... Кто Рюриковичи? Мы! Кровь в наших жилах течёт от черниговского князя Михаила до киевского святого Владимира... А кого взял в супруги царь Михаил Фёдорович Романов? Нашу Марью! Так что знатностью, умом, богатством исстари славились Долгорукие... Когда ещё предки наши книги читали! Читали легко, как птицы летали! И языкам обучены были, потому-то их послами в разные заморские страны назначали. Василий Лукич посол в Дании, в Швеции, скор да умён. А прозвище у него было Чёрт, у сына его — Чертёнок...

И всё же князь нервничал: сбудется ли его главное мечтание? Шепчет что-то брату Сергею, потом хлопает в ладоши и кричит:

— Катерина, поди сюда!

— Что скажете?

— Да просто на тебя хочу поглядеть. Что не спишь?

— Я никогда рано не ложусь. Книжку читаю.

— Ну иди, иди, княгинюшка! — Поклонившись, она уходит, а отец цокает вслед языком: — Вот кто царская невеста! Хороша, умна, горделива!

— Да, хороша невеста...

— Только как их сосватать? Непокорен самодержавный отрок... Вот ежели бы Иван помог. А у него тоже характер — ёж!

...Раздался стук в наружную дверь, и прежде, чем её отворил слуга, послышался громкий голос Ивана:

— За ужином честная компания! Всё одно и то же толкуете? Небось сестрицу-лисицу сватаете?.. А Пётр Алексеевич сей миг будут! Охота была — чудо! Поле — как скатерть, зайцев — что пшена рассыпано!

— Ваня, ты выпей с устатку-то, на!

Вошёл Пётр. Иван бросился, снял с него сапоги, ягдташ:

— Ну, с удачной охотой!

Друзья разлеглись на коврах, князь подносит фряжского вина, а они запевают:

Ночь темна, собаки лают,
Едет много егерей...

Хозяин выпроводил брата и опять зовёт Катерину. Вчерашним днём она побывала в Москве, была, должно, у австрийского посольства. Кавалер её Миллюзимо ве-

черами обычно поджидал её, глядя в окно, а тут... Не выбежал навстречу. Всё возмутилось в ней: как так? Как он смел? Возвращалась в Горенки заледеневшая, в ботинки набралось снега, лошадь еле шла... Не вышел навстречу — значит, не любит! Так тому и быть: не сердцем жить, а умом, прав Брюс. Не будет более она перечить отцу.

Опьяневшие император с Иваном, в отличие от Катерины, не думали отдаваться разуму. Они балагурили, разлегшись на коврах, а старый князь подливал и подливал вина. Потом осторожно взял сына под белые рученьки и увёл в опочивальню. Подтолкнул Катерину. Она вошла — с высокой причёской, оголёнными плечами, с веером в руке, хохочущая не в меру, весёлая. Юный царь удивился, но и обрадовался — она ласкова к нему, а он уж и забыл, кто был ласков.

Князь Алексей пробрался на носочках и дунул на свечу.

...Утром ещё не прояснилась голова у царя, как раздался игривый и в то же время властный женский голос:

— Ну, вот всё и свершилось. Я твоя избранница, государь... Но я не какая-нибудь девка, а княжна Долгорукая. Так что в скором времени надобно про нас объявить верховникам... А там и сговор устроим, так?

Неизвестно, каковы были слова княжны, но только и впрямь в один из дней от начала ноября до декабря в Верховном тайном совете Пётр II объявил, что отныне княжна Долгорукая — его невеста.

* * *

Мы уже цитировали иностранных гостей, которые охотно и пространно, удивляясь и спеша запечатлеть необычайную жизнь в России, писали свои «Записки». Немало написала и супруга английского посланника леди Рондо, явно симпатизировавшая царской невесте Долгорукой. Но мы не станем цитировать, а приведём её пересказ событий 1729—1730 годов, как бы она по-своему поведала своей приятельнице, встретившись с ней в Лондоне или Москве.

— ...Из вторых-третьих уст узнала я о том, что сотворилось в доме Долгоруких, а кое-что дорисовало моё богатое воображение. Осенью 1729 года молодой царь будто бы случайно поехал с Иваном в те края на полюбившуюся ему охоту. Но всё было продумано заранее. Очень уж хотелось Алексею Григорьевичу, да и всем Долгоруким, породниться с императором. Этот честолюбивец задумал женить Петра II на своей дочери. Была ли Екатерина склонна к тому, или же это было делом взрослых родителей — не знаю. Но вернувшихся из леса охотников поджидало невиданное пиршество...

Говорили также, что княжна взяла карету и помчалась в Москву и будто возле австрийского посольства виделась со своим возлюбленным Миллюзимо. Дипломаты решили (понимая новые планы), что его следует отправить в Вену, и, видимо, он открылся в том Екатерине. Княжна, отличавшаяся горячим нравом, пожелала ехать с ним вместе. Но молодой красавец был не свободен сам решать свою судьбу, он отказался бежать со своей возлюбленной...

Представь себе, в каком ужасном состоянии вернулась Катрин в Горенки. А тут отец и дядя со своими безумными планами, с этим застольем, где вина лились рекою.

Можешь догадаться, что последовало за этим. Князь Алексей Долгорукий всё подливал и подливал в бокалы. Они, юный Пётр и сын Долгорукого Иван, были уставшие, да царь ещё и простудился, ну и захмелели скоро. Опьяневшего сына уложили в его спальне, а бедного императора посадили рядышком с дочерью. И вот все удалились — и... Воображаю, как Екатерина, опытная в амурных делах, стала обнимать и целовать его! А много ли надо юному отроку? Правда, выглядел он много старше своих 14 лет. Воображаю, как она раздвинула тяжёлый балдахин, загасила свечу и... Только искусителям, изгнанным из рая, было ведомо, как эта Ева соблазняла Адама... Зловещий замысел удался на славу!

Наутро, как и следовало ожидать, будто случайно, в спальню дочери явились отец и мать, всплеснули руками: «Грех-то какой свершился!» А Екатерина, нимало не смутившись, заявила Петру Алексеевичу: «Государь, отныне я ваша супруга... Я княжна, а не какая-нибудь посадская девка. Так что следует вам объявить на Верховном совете про нашу помолвку. Когда свадьба?» Ах, бедный, бедный император! Что он мог поделать? Некому было подсказать ему, некого послушать, да и воспитан он был, видимо, в рыцарских правилах. Голова у него пылала, хмель ещё не прошёл — и... Он поцеловал поднесённую ему икону и дал клятву обручиться...

Что было потом? Не один день пировали в Горенках, возможно, были и славные минуты, быть может, катались

в санях, благо уже выпал снег... Кстати, русские очень любят зиму, и катание в санях на тройках — любимое их занятие. Сани эти, представь, похожи на деревянную колыбель, обиты кожей, — ложишься в эту колыбель, тебя накрывают медвежьей шкурой, звенят бубенчики — кони мчат тебя по дороге... Красота!

Только думаю я, что ни сани, ни охота, ни застолье не утешали горечь отравы, несправедность тех невесёлых празднеств, не приносили счастья ни Петру Алексеевичу, ни княжне-розе. Шипы её уже впивались в молодого царя... Ах, милая! Никогда не живи лишь умом, рассудком. Отчего женщины так непредусмотрительны? Вместо того чтобы жить чувствами, вместо того чтобы любить всем сердцем, они обрекают себя на расчетливые действия! Честолюбие, тщеславие — на одной чаше весов, а любовь, влечение, истинная страсть — на другой. Может быть, Екатерина чувствовала в себе небесный дар владеть людьми, властвовать, сделать страну счастливее? Сомневаюсь. Ей бы стать опорой царю, верным другом, помощницей, но... Она уже видела себя на троне, а судьба готовила ей... цепи.

Что было потом? Потом император, как и поклялся, вынужден был доложить Верховному совету о своей помолвке с княжной Долгорукой... И вот уж настал тот знаменитый день, на котором имела честь присутствовать и я.

Собрались важные персоны государства, сановники, генералы, дипломаты... Входит невеста, её встречает император, подводит к креслу-трону... Сам садится рядом. «Хорошенькая жертва» (так я её воспринимала) в платье из серебристой парчи, с жёстким лифом. Волосы её за-

виты, уложены четырьмя длинными локонами, убраны множеством драгоценных камней. На голове — маленькая корона. Длинный шлейф поддерживают пажы. Лицо горделивое, красивое и спокойное. Однако она бледна, грустна. Пётр подводит её к алтарю и объявляет, что берёт княжну Долгорукую себе в жёны. Они обмениваются кольцами, целуют Библию, архиепископ Новгородский благословляет наречённых жениха и невесту. Затем оба садятся в кресла и принимают многочисленные дары и поздравления.

И вдруг она видит среди поздравителей своего Миллюзимо! Несчастный покинутый обожатель! Впрочем, кто кого покинул — понять трудно... Княжна вырывает свою руку из руки царя и подаёт её для поцелуя австрийцу... На лице её — буря противоречивых чувств, глаза сверкают, она краснеет, как пунцовая роза. Царь тоже вспыхнул, он всё понял и... обратил взор свой к Ивану Долгорукому. И умный фаворит, не желавший принимать участия в этом фарсе, в этом обмане, быстро подошёл к Петру, подал ему руку. Император бросил невесте что-то резкое, стал похож на деда своего в гневе — и демонстративно вышел из залы вместе с князем Иваном, даже не оглянувшись на Екатерину.

Княжна осталась сидеть рядом с опустевшим тронном. В глазах её были слёзы, при всей своей гордости ей не удалось скрыть смятения, даже страха...

Поступок императора, конечно, был опрометчив. Что делать? Он был так молод! Он поступил как мужчина, джентльмен, но всё равно — не воспылала к нему любовь княжна, а он не вынес того, что она поставила его в

унизительное положение. И убежал сгоряча... Да и все его поступки с той минуты, кажется, были опрометчивы... Вот что наделала эта княжна... Ах, май дарлинг! Истинные государи этого мира — женщины, всё от них... А ещё — не может человек сделать и шага вспять, если он у власти. Там всё всем видно — как на сцене шекспировского театра. Великий Уильям прекрасно знал нравы королей, оттого у него столько смертей: близко к трону — близко к смерти...

* * *

Должно быть, хороша была в тот день Катерина, взоры гостей были устремлены на её платье с бриллиантовыми украшениями, на её соболью накидку (а может быть, горностаевую?), на причёску, искусно обрамляющую горделивое лицо. У всех Долгоруких были тёмные, густые, волнистые волосы, а Пелагея, которая умножила своё куафёрское мастерство у Брюса, сотворила на спине её водопад из волос, а в локоны вокруг лица вплела жемчуга.

Но не могла служанка изобразить на лице княжны соответствующее жданному дню помолвки счастливое выражение. Так же, как у царя, было оно холодное, а в некоторые мгновения проскальзывало что-то мрачное и зловещее.

Другая, счастливая помолвка

Это была помолвка князя Ивана Долгорукого и графини Наташи Шереметевой. И не в Лефортове, а на Воздвиженке.

...Дни стояли ясные, морозные, было Рождество. Солнце играло, как на Масленицу, земля укутана сверкающими снегами, пышными, как взбитые сливки. Шереметевский дом на Воздвиженке залит огнями — горели тысячи свечей. Мало того, и сам переулочек освещён смоляными бочками, факелами. Подъезжают экипажи, сани, сотни карет, в переулке близ Кремля тесно...

В дальней комнате девушки наряжают невесту. По старинному обычаю, полагалось ей рвать волосы, плакать, но Наталья весела, и не потому, что Пётр I наложил запрет на сей обычай, а потому, что в радость ей это событие.

Уже встречают в зале гостей. Невеста в белом платье с голубыми отсветами, с жемчугом на шее, в маленьком парике с висячими жемчужинами надо лбом. Жених — в мундире серебряного шитья, в парике, выписанном из Парижа; он бледен, она — как маков цвет...

В кресле с резными орлами на спинке восседает Марья Ивановна, рядом с ней сундучок, в который она складывает подарки. Чего там только нет! Кольца и жемчуга, серьги и бисерные вещицы, футляры для духов, часы, табакерки и даже готовальня — европейское новшество!

Дядя Владимир Петрович по нездоровью своему не присутствует, и за старшего от Шереметевых — Пётр Борисович. Никто не сравнится с ним в любезности и обходительности. «Истинный граф, истинный сын своего отца!» — говорят о нём. Рядом второй брат — Сергей, который старается брать пример со старшего, но это ему плохо удаётся, ибо не может он скрыть грусть от расставания с любимой сестрицей.

В залу вошёл император — ладный, стройный, в мундире золотого шитья, рядом с невестой княжной Долгорукой. Она одаривает всех небрежными кивками, холодными улыбками извилистых губ, не может скрыть удовольствия от общего внимания. Государь же словно на что-то досадует...

Цесаревна Елизавета в сверкающем вечерним небом платье — воплощение доброжелательства, весёлости, русской красоты. Сродница её Анна Леопольдовна, напротив, держится чрезмерно просто, одета небрежно...

Долгорукие, как всегда, вместе. Алексей Григорьевич горделиво оглядывается, более внимания обращая на царскую невесту, свою дочь, чем на новобрачных. Впрочем, он доволен и Иваном — Шереметева умна, хороша собой, с характером, а Ивану, как коню, нужны железные шенкеля и плёточка.

Марья Ивановна еле держится на ногах, однако переходит из комнаты в комнату, не спуская умилённых глаз с жениха и невесты, всё примечает, во всём находит особые знаки, худые или добрые приметы. Архиерей широко перекрестил молодых — это славно. Жених подарил кольцо с жемчугами и гранатами — напрасно, жемчуг к слезам, ещё хуже — что уронил кольцо, и какое кольцо! Подарок фельдмаршала. Мол, пусть жениху подарит, когда вырастет, камень смарагд называется, он счастье приносит...

До глубокой ночи продолжается торжественная церемония на Воздвиженке. В полночь отъезжающие кареты, экипажи, сани, коляски запрудили переулок — ни пройти, ни проехать. В чёрном воздухе вспыхивают фейерверки, горят смоляные бочки, рассыпаются красные брызги —

светло как днём! А с неба льётся слабый свет звёзд, сияние Млечного Пути, столь же таинственное и неведомое, как будущее жениха и невесты...

Князь Иван сдержан, молчалив, бокалы с вином лишь пригубливал, беседы вёл умные, толковые, даже пробовал играть на скрипке. С невестой держался на расстоянии. В мыслях-то, в сердце своём в объятиях её стискивал, ласкал, а в жизни только пальчиков холодных касался...

Свадьбу решили играть 18 января. И не только потому, что за день до того Наталье исполнялось шестнадцать лет, но оттого, что на тот же день назначена государева свадьба, а двойные свадьбы, известно, к счастью.

Три праздничных дня пролетели быстро, и Долгорукий вновь вернулся в Лефортовский дворец. А Наталье пришло время навещать своих сродников. В первую очередь дядю Владимира Петровича, который по нездоровью своему отсутствовал в день помолвки. Отправилась она туда с младшим братом Сергеем.

Дядя был уже на своих ногах, сердечная боль отпустила — и бурно выражал радость. На столе лежала простая еда: холодная говядина, капуста, квас, любимое дядино желе из клюквы. Он потребовал подробного отчета, как прошёл сговор, и Наташа охотно о том поведала (а потом описала в своих «Своеручных записках»):

— Ах, дядя, вправду сказать: редко кому случалось видеть такое знатное собрание! Вся императорская фамилия была на нашем сговоре, все чужестранные министры, все знатные господа, весь генералитет. Столько было гостей, сколько дом наш мог вместить... Ни одной комнаты не

было пустой... А подарков сколько!.. Петруша поднёс Ивану Алексеевичу серебра пудов шесть — старинные великие кубки, фляги золочёные!.. Когда мы выходили — простой народ запрудил улицу, и крики стояли, и славили меня: «Слава Богу! Господина нашего дочь идёт за великого человека! Восславит род свой и возведёт братьев на степень отцову!»

— Вот и славно... — раздумчиво заметил Владимир Петрович. Он подвёл племянницу к шкафу. — Вот. — Взял в руки большую гербовую бумагу с начертанными на ней рисунками, знаками — родословное древо Шереметевых. — Дай Бог тебе внести в сие древо достойных потомков! И помни всегда девиз: «Бог сохраняет всё».

Дядя стар и болен, однако ничуть не утратил энергии и жизнелюбия. К тому же стал изрядно говорлив. Подобно всем петровским дворянам, которые вели суровую походную жизнь, а на старости лет забирались в свои вотчины или московские дома и отлёживались там, любил рассказывать молодым о деяниях предков. Он и сегодня пустился в воспоминания:

— Рохлей али пентюхов в нашем роду не было! Чести искали на полях сражений, и забота их не о себе была, а об России... Борис Петрович, батюшка ваш, будучи окружён турками, помню, приподнялся на лошади и крикнул солдатам: «Аль прорвёмся мы чрез поганых турков, аль не быть нам всем живы!» С умом и строгостью управлял предок ваш войском, однако не хуже того был и в мирной, домашней жизни. Смолоду себя к узде приучал, натягивал вожжи характера своего! Не чета мне, я-то кипуч, горяч... Вы, молодёжь, учитесь с младых ногтей уму-разуму...

А ты, Натальюшка, когда в чужой семье будешь, крепко себя держи. Долгорукие-то вон какое великое семейство, ежели не по-ихнему — загрызут. Ты им с первого дня достоинство своё покажи. Свёкор твой мёдом не мазан, иглы так и топорщатся... однако Иван добрый молодец и собой пригожий... Ежели не ссорно жить, так всё ладно будет...

Сергей, мечтавший о военной службе, попросил:

— А расскажите, дядя, про Василия Борисовича.

— Про Василия Шеремета? О, храбрее его в нашем роду вроде и не было! С охотой вспоминаю его... Да-а... Что самое замечательное в походной жизни его? Как он три дня у Белой Церкви неприятеля теснил! У него тридцать пять тысяч войска, у них семьдесят тысяч — поляки тогда с татарами соединились, у Шеремета половина русских, половина черкесов да калмыков, — как они за русского царя воевали, как кричали и взвизгивали — удержи не было! Шереметев во главе и всеми любим!.. И победил бы он всенепременно, кабы не изменники да не предатели. Тьфу, поганцы сатанинские!

— Как считаешь, как слушаешь, — с наивностью заметил Сергей, — так диву даёшься: история вся — только войны да походы...

— А ещё, — подхватил дядя, — доносы да вероломства... Простой человек, правда, и без вероломства проживёт, а кто близко к трону — тот только того и жди... Уж какой верный слуга Ивану Грозному был наш Иван Васильевич Большой! Казань, Ливонию, Крым воевал, и поди ж ты, тоже стал неугоден... Нашёлся человек лядащий (дурной. — *Ред.*), написал на него донос — и всё, гневу царскому края не

было... Скрылся тот в Белозёрском монастыре, но Грозный и там его настиг, в цепи велел заковать, железа пудов десять навесить на шею да ещё и письма писал поносные. Не приведи Господи!.. Немилость царская, донос да топор вострый — только того и жди!

Наталья подумала о молодом государе: что-то с ним станется?

Владимир Петрович помолчал, однако долго унывать он не умел и не без озорства добавил:

— Да и пусть! Лишь бы сердце своё не отягчить виною перед Отечеством да перед Богом! А цари да слуги на том свете поклонятся нам... Мы, Шереметевы, простые, упорны, позитур разных не ведаем, однако нрав имеем мирный, несклочливый. Ежели кто к царю с глупостями лезет, урезоним. Ежели государь велит на войну идти — готовы... А дела у нас, как молодая брага, играют.

В камине догорало. Вылетали искры, слышались шорохи падающих обгорелых поленьев. Дядя ворошил их.

Владимир Петрович протянул руку племяннику, тот помог ему встать. Поднялся так, что заскрипели диванные пружины, и подвёл гостей к наугольному столу, на котором лежало что-то, завёрнутое в холстину, развернул.

— Хочу передать вам... отцу вашему принадлежавшее... — Приподнял подсвечник, и предстала картина в чёрной раме с тёмным, еле различимым изображением. — Читайте, что тут надписано: «Кортын... Страстотерпец Георгий...» А вот ещё одна. — Он скинул покров со второй картины. — «Кортын... Филист, персона крыласта...» Картины сии старого малевания... Пусть хранятся у вас! — И вручил каждому по «кортыне»...

Под конец беседы с дядей Наташа уже сгорала от нетерпения — как-то там Иван Алексеевич? Как государь-император? Что творится в доме Долгоруких?

Вспомнили, как Брюс рассказывал мифологическую историю про Лаокоона, как хотел тот предупредить Троию о спрятанных в деревянном коне воинах, но змеи подползли к нему и умертвили... А ну как Долгорукие (не Иван, конечно!) принесут горести государю?..

Счастливым тот день помолвки Наташи омрачился такими думами. Вспомнила ещё и гадание Брюсово: про цветок, из которого пчела нектар выпивает, а цветок вянет...

День Богоявления, Крещение Господне

А между тем Россия вступила уже в страшный свой 1730 год. Ещё немного, и скажет своё последнее слово главная повелительница XVIII века — смерть... А пока старая столица веселится по-молодому. Люди живут шумными гостеваниями, на столах красуются запечённые утки, гуси, а в знатных хоромах — фазаны и куропатки, украшенные белыми крыльями.

По причине великих морозов печи топили два-три раза на дню, и из печей таскали пироги. Иной раз к столу подавали до десяти сортов разных пирогов. Гости еле понимались, вздыхали: «Охо-хо-нюшки, накормили меня, яко гуся рождественского!» — отлёживались день-другой, и снова всё сначала. Особенно не по себе делалось от тех гостеваний иноземным людям, важным посланникам, кои уже собирались в Москве, чтоб принять участие в свадебном обряде императора.

Алексей Григорьевич ошалел от счастья: ещё недели две — и он государев тесть!.. Братья его упивались общим почитанием. Василий Владимирович, фельдмаршал, сдерживал своих неразумных сродников, но Василий Лукич не разделял его благоразумия: мол, род ихний истари ценили за деятельный характер, войдут они ныне в великую силу, как и положено. Князь Иван Алексеевич проявлял завидное проворство и сметливость. Княжна же Катерина пребывала в заботах о свадебных нарядах-украшениях, от неё не выходили портнихи и ювелиры, в том числе и Пелагея, без которой она, как взяла её от Брюса, не обходилась.

Единственный человек, с чьего лица не сходила печальная озабоченность, был император. В самый разгар связи его с Катериной расхворалась сестра Наталия, — 11 ноября она скончалась. Он же, еле дождавшись сороковин, под давлением Долгоруких объявил о своей помолвке. Петра мучило раскаяние — уж не оттого ли заболела сестра, что лишилась жизненной силы, увидав забавы его в доме Долгоруких?

Другая мысль, глодавшая его сердце, была участь отца и деда. В один из первых дней января император велел запрячь сани и отправился в Сокольники; случилось проезжать мимо бывшего Преображенского приказа — приказной избы. После коронации велел он уничтожить пыточную избу, а теперь хотел поглядеть, что там... Остановили лошадей, он вышел... Приказная изба была разрушена, но следы сохранились: торчали железные прутья, лежали остатки заиндевевших брёвен. Долго стоял Пётр, думая об отце, об участии августейших особ, и казались

они ему невольниками несчастного Отечества... А потом бросился к саням и велел гнать скорее на Басманную, к Богоявленскому собору... Войдя в церковь, встал не на царское место, а в боковом приделе и долго молился, поминая ушедших предков и прося за них прощение у Бога...

Императора называли мальчиком, а он чувствовал себя старым. В нём видели богатырские задатки, он и в самом деле был находчив, сообразителен, но не уверен в себе. Как в глубине выросшего на худой почве дерева что-то разрушается, гниёт, червоточит, так и юного Петра постоянно омрачала некая мысль. По ночам снились беспокойные сны...

Пятого января 1730 года днём, вернувшись из Нескучного сада, где катался с принцессой Елизаветой, Пётр лёг отдохнуть и заснул. Проспав короткое время, открыл глаза, вскочил, но никак не мог вырваться из удушающего дурмана.

Что ему снилось? Будто дворец его — зверинец... Всюду клетки и звери, а у зверей — человеческие лица, и все к нему тянутся, клацают зубами, царапают когтистыми лапами. У чёрного медведя лицо Меншикова, рыжая лиса сходна с Катериной, а князь Василий Лукич — вылитая обезьяна... Пётр проснулся, но тут же снова повалился на диван, и опять охватило его сновидение. На этот раз явилась женская фигура в белом платье. Сестра, стоя за колонной, укоризненно глядела на него и манила пальцем. Он кинулся, в тот же миг она исчезла, скрывшись за колонной. Он водит руками, а там — никого, только туман... И вдруг — усатая голова, кот, говорит человеческим

голосом: «На тебя я, друг мой, надеялся, а ты... Россия без отца сирота...»

Мечется во сне император, перекатывается с боку на бок, не может проснуться... Так и застал его Долгорукий — сел Пётр на постели, обхватил голову руками и мычит что-то нечленораздельное.

— Просыпайтесь, ваше величество! — бодро воскликнул Иван Алексеевич, только прискакавший от Натальи Шереметевой.

Тот закачался на кровати, застонал:

— Какой сон мне привиделся, Ваня!.. Ох, какой сон... — И стал пересказывать.

Долгорукий, не дослушав, рассудил:

— Сестра приснилась? Так ведь ушла за колонну, не позвала за собой — значит, и ладно, простила...

— Виноват, виноват я перед ней, Ваня... Твои-то сродники насели: объяви да объяви про невесту, а то, что Натальюшка моя в лихорадке, нипочём... А зверинец, зверинец-то к чему, Ваня?

— Ваше величество, всё пустое! Звери и есть звери, что с них взять?.. Наплевать да и забыть сон сей!.. Скажите лучше, Пётр Алексеевич, какие ваши дела-заботы на завтра? Ведь Водосвятие, потом — Крещение.

Не без резона спрашивал о том Долгорукий: назавтра Шереметевы звали их вместе с государем к себе на Воздвиженку.

— Завтра? — переспросил царь рассеянно. — Помнишь, в Евангелии как написано? «И открылось небо, и Святой дух в виде голубя сошёл на Христа, и слышался голос Бога-Отца: “Се сын мой возлюбленный, в нём моё

благоволение”...» К чему спрашиваешь? На Водосвятие на Москве-реке гулянье, где царю место в такой день? Всеконечное дело — где народ, на реке, когда будут воду святить...

А царь всё ещё был во власти сновидения.

— Ваня, а ведь кота-то я видел... Усы у него так и топорщатся, сам сердитый и говорит человеческим голосом: «На тебя я, друг мой, надеюсь, а ты...» Ваня, ведь это он! — Пётр поднял вверх палец. — Он спрашивал, исполняются ли его законы, а у нас законы только те, которые к веселию направлены, со тщанием исполняются. Велел он указы исполнять, к деловой жизни и учёности направленные, дьячкам приказывал учить латынь, прочие науки, а они?.. Нет, неладно живём мы, Ваня...

Мысль о Петре Великом для Петра малого постоянно оборачивалась укором. Но царский любимец потому и царский любимец, что знает, как отвлечь государя от мрачных мыслей: надобно говорить что-нибудь, балагурить. И Долгорукий, немалый мастер почесать языком, продолжал балагуры. Между делом ввернул и про Шереметевых: мол, приснилась ему Наталья Шереметева в обличье царевны-лягушки, что возле церкви была она, а церковь видеть — к свадьбе, вот какой сон, в руку!.. Едем завтра к Шереметевым!

— Запряжём сани да и поедем! — наконец взбодрившись и хлопнув себя по коленям, проговорил молодой государь и поднялся.

Вечером перед праздничным днём, Крещением, Наташа Шереметева молилась. Не за себя, не за жениха — нет,

она молилась о государе: больно холодные дни, а надобно ему быть на Москве-реке, принимать народ, открывать празднование. И читала страницы в Писании о Крещении, об Иоанне Крестителе, молилась:

— «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось царствие небесное. Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои. Увидел же Иоанн идущих к нему креститься, сказал им: “Я крещу вас в воде; но идущий за мною сильнее меня, я не достоин нести и обувь Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнём...” Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан, к Иоанну — креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: “Так надлежит нам исполнять правду”. И тогда Иоанн допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, и се отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него...»

Утром Наталья встала чуть свет, накинула пуховый платок, сунула ноги в белые валеночки и кинулась во двор, к амбарам и погребицам. Сам государь будет у них нынче в гости! Надобно отобрать съестные запасы, наготовить угощений, проследить за всем. Сопровождали её три служанки.

Клетей и подклетей, сараев и амбаров в шереметевском дворе множество, и чего только там нет! В сараях — сёдла

и узды, вожжи и оглобли, епанчи и попоны для лошадей. В амбарах крупы, отруби, мука разных сортов, перины, мешки меховые, холщовые пологи, обмотки, войлок. В клетях и подклетях — бочки, корчаги, фляги великие, горшки с молоком, сыром, сметаной, чаны с квасами да мёдами, ведёрки с лимонами, со сливами, вишни в патоке, красная рыба в рогоже... И везде чистота, и нигде худого воздуха, всякую неделю тут проверяют, не завелась ли плесень; ежели завелась — верх сливают, добавляют свежего рассолу, пускают в дело — ничто не пропадало в шереметевском хозяйстве. Пётр Борисович сам требует отчёта.

Молодая хозяйка впервые сама отбирала продукты и передавала их дворовым девушкам.

— Держи, — она протянула Дуняше бутыль, доверху набитую крохотными рыжиками, — глянь, какие бисерные!.. А вот клюква — государь жалуют клюкву в меду.

Спустившись в ледник, отобрала самых жирных гусей — что за ужин без гуся, запечённого в тесте? Иван Алексеевич не так гуся, как зажаренную корочку уважает.

На кухне кипела работа — топились печи, бурлило варево, потрошилась птица. А Натальино место теперь в гостиной — надо было проследить, как накрывают стол. Оглядев, хороши ли скатерти, какова посуда, побежала она на второй этаж, к бабушке. Вчерашний день нездоровилось ей, а как нынче? Захватив клюквенного морсу, с улыбкой влетела к Марье Ивановне.

В бабушкиной комнате время словно бы останавливалось. Эти старинные сундучки, воздух, домотканые

изделия. Поставив морс, Наташа приобняла бабушку, спросила:

— Каково сердце-то?

— Ай, ничего, внучка, с моим сердцем ничего не станется до самой смерти, — отмахнулась Марья Ивановна. — Сядь-ко да погляди, чего я нашла. Эвон какое полотенце, матушка моя ещё вышивала... — Она развернула чуть тронутое желтизной полотенце с чёрно-красными петухами, вышитое крестом. — Рукодельница она была — страсть какая! В прежние-то годы всякая девка, царских ли кровей али подлого рождения, чуть не с детства приданое себе готовила, ткала, вышивала, шила. А это, матушка моя сказывала, вышивала она, когда невест для Алексея Михайловича выбирали... Знамо ли тебе, каково это делалось?

И хоть недосуг было молодой хозяйке, села она на маленькую скамейку возле кровати бабушкиной и выслушала её рассказ, как по весне и по осени привозили невест со всех краёв российских. В разных покоях рассаживали, они там одевались, готовились. Царь то к одной, то к другой заглянет, ходил неспешно. Но пуще, чем царь, глядели лекари да спальники, обсматривали, ощупывали: ладно ли у девицы плечо скатывается, нет ли худобы, хороша ли, бела ли кожа, блестит ли волос. А ещё — довольно ли в груди, обильна ли в заде невеста...

— Ой, да что это разболталась-то я? — остановила себя бабушка, вспоминая, что день сегодня особенный. — Да и ты, голубушка, сидишь-рассиживаешь. Ну-ка марш в гостиную, да гляди, чтоб ладно всё там было. Знаю я, эти Глашки да Палашки салфетки забудут, ножи не к месту

покладут... Дай-ка им от меня по грошику, — она порылась в широкой своей юбке и высыпала мелочь, — знаю я: как не доглядишь за ними, так и осрамишься. Иди!

— Накапать в чашку камфары? — спросила Наташа.

— Делай, что говорю! — прикрикнула Марья Ивановна. — Ретираду — и марш!

В столовой уже сверкали зажжённые свечи — и в шандалах, и в канделябрах. Жёсткая новая скатерть топорщилась на углах, а середина её была заставлена: мерцала серебряная и золочёная посуда, в высоких штофах переливались вишнёвые, малиновые, лимонные настойки, огурчики пупырились иголочками, красная рыба горела яхонтом, мясные закуски, буженина подёрнуты влагой...

Время шло. Мороз уже изрисовал все окна, а гостей дорогих всё не было...

Не звенят ли колокольцы?

Не хлопнули ли ворота? Но было тихо.

Небо стало тёмно-васильковым, свечи на окнах — будто жёлтые цветки. Серебряные подсвечники синими огнями отражались и меркли в высоких зеркалах в простенках... Часы бьют уже девять раз: бом-м, бом-м... Но и в этот час никто не возвестил о приезде гостей.

Стало совсем темно. Зазвонили в последний раз колокола...

Настала ночь, тревожная и тягостная...

Но так и не появился царь, так и не стукнул никто в ворота...

А на Москве-реке в тот день собралось великое множество людей.

Во льду была проделана большая прорубь, пар от неё поднимался в морозный воздух, а вокруг ходили толпы вслед за священником. Начиналось освящение воды...

Поодаль стояли иноземные гости, наблюдая невиданное зрелище, — все эти дни дивились они московским обычаям, как на Рождество плясали ряженые, как с наговорами да приговорами гадали на Святках, как теперь на Водосвятие торжественно носили хоругви, мальчики славили Христа, и не умолкало «Во Иордане».

Ликование народа на реке достигло предела, когда подъехала шестёрка белых коней. Кони с красными попонами встали, и вышел император в шубе нараспашку, в красном шарфе и собольей шапке с синим околышем. Подняв руки, приветствовал народ, а получив благословение митрополита, присоединился к шествию вокруг проруби...

Хор, сперва нестройный, всё набирал и набирал силу. Зазвонили в колокола, на небе ярко вспыхнуло закатное малиновое солнце и осветило чудное зрелище. На берегу командовал своими гвардейцами Василий Долгорукий. Звучало:

— «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи... явился поклонение... Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя... Являйся, Христе Боже, и мир просвещай, слава Тебе!..»

Не одни священники, но весь люд возносил голоса к небу в искреннем молении.

И вдруг из толпы в каком-то угаре выскочил молодой парень. Чужеземцы не поверили своим глазам, когда он скинул с себя полушубок, кафтан, порты, бросил шапку

на снег, перекрестился: «Крещаюся в Москве-реке за-ради царя нашего батюшки!» — и бросился в прорубь. В воде плавали белые, как сало, льдинки, дул ветер, от мороза сохло горло, трудно дышалось. Выскочил из проруби мужик красный, точно ошпаренный, с выпученными глазами, крикнул: «А ну, кто ещё разболокаться может?»

«Дикая и дивная страна», — качали головами иноземцы. Ещё более удивились они, когда царь с одобрением оглядел смельчака, обнял его и расцеловал. А потом снял с себя шарф и кинул тому на шею.

Народ восторженно шумел, неистовствовал, но...

Но уже ударил роковой час для русского престола: здесь ли, ранее ли царь заразился чёрной оспой... Пришла та зараза через его объятие с мужиком или ветер принёс её из Замоскворечья? Или пролетела комета хвостатая, в которой, доказывают, и обитают те микробы, — неведомо...

Ещё не кончилось гулянье, ещё идут в церквах службы, но царю уже неможется... Долгорукий с тревогой глядит на него:

— Каково, государь, чувствуешь себя? Едем ли к Шереметевым?

Ослабевшим голосом Пётр отвечает:

— Гони, Ваня, к дому.

...А на Воздвиженке мечется, носится по дому молодая графиня Шереметева. Чуть не в полночь явился посыльный с цидулькой от Ивана Алексеевича: так и так, мол, государю нездоровится, не ждите...

— Наталья, еду прикажи, какая портится, раздать дворовым, — сурово говорит Марья Ивановна, — а прочую назад в ледники...

— Да бог с ней, с едой-то!.. А ежели что худое с государем приключилось?

Бабушка не утешила, не разуверила, сухо заметив:

— Ежели мор — за грехи он в наказание нам даётся... А ты береги себя да молись. Вот и весь мой сказ!

Утром Наталья бросилась в домовую церковь Знамения. Там упала на колени перед Казанской иконой Божьей Матери.

— Господи, Ты можешь всё! Убереги государя нашего от напасти!.. Не пожил ещё, не порадовался милостивец наш!.. Сколько раз наставлял Ты нас, Господи, на путь истинный, давал силы, когда сникал подавленный разум, просвети ж и теперь, пошли отблеск лучей Твоих...

* * *

В числе гостей в тот крещенский день на Москве-реке была и знакомая уже нам леди Рондо, написавшая свои «Записки». А своей лондонской приятельнице она рассказывала:

— В те дни начала 1730 года великое веселье шло по России. Рождественские праздники были в полном разгаре. Устраивались торжественные церемонии, которые русские называют Водосвятием; при этом воспроизводят обряд крещения нашего Спасителя...

По обычаю, государь находится во главе войск, которые в этот день выстраиваются на льду. Несчастливая хорошенькая избранница императора должна была в тот день показаться народу. Она проехала мимо моего дома с гвардией и свитой — такой пышной, какую только можно

себе вообразить. Екатерина сидела одна в открытых санных, в дорогой собольей шубе, а отрок-император стоял на облучке позади её саней. Не припомню другого столь холодного дня, и я с ужасом думала, что надобно выйти из дому и ехать на обед ко двору, куда были все приглашены для встречи юного государя и его невесты при возвращении. Представляешь, эти молодые находились на льду, на таком морозе четыре часа!

Едва они вошли в зал, император стал жаловаться, что он замёрз и у него сильно болит голова. Лицо его было красно, воспалено, глаза больные — его отвели в опочивальню. Иван Долгорукий вышел и объявил гостям, что государю очень худо. Тут же призвали докторов. Опечаленная невеста попросила у гостей прощение — и все разъехались.

Полагаю, что большинство москвичей в ту ночь не спали: всё гадали, что же случилось с бедным юношей. Если простудился на Водосвятии — то ничего, молодой организм выдюжит. Однако сведения из дворца поступали с каждым часом печальнее... Прошёл слух, что в городе чёрная оспа...

Между тем на 19 января была назначена свадьба императора. Съезжались иностранные гости, губернаторы, воеводы. Свадьба должна быть двойная — это к счастью! В тот же день должен жениться Иван Долгорукий на Наталье Шереметевой. О них говорили: вот где истинная любовь, должно быть, навеки!

Неожиданно пришло радостное известие: царю лучше, кризис миновал! Все радовались, предвкушая великие празднества. И вдруг — неразумный поступок больного!

Оставшись один в своей опочивальне, будто желая себе смерти, Пётр Алексеевич поднялся с постели и растворил окно: «Дышать нечем!» Все передавали потом его последние слова: «Запрягай, Ваня, сани, еду к сестре своей!» Сестра его Наталия умерла незадолго до того.

И — что бы ты думала, дорогая? Я холодею, когда вспоминаю тот день 19 января! День свадьбы стал днём кончины юного императора...

Царская невеста? Ты спрашиваешь о ней? Судьба её ужасна! Долгорукие затеяли, вернее, продолжили своё чёрное дело. Дядья, братья, особенно князь Алексей Долгорукий — все приложили руку к тому, чтобы на троне оказалась... их дочь! Опутали князя Ивана, заставили подделать царскую подпись... Он плакал ужасно, как ребёнок. Помолвленная, но не обвенчанная с царём Екатерина, наоборот, окаменела. Я видела её мельком: бела как снег, голова горделиво откинута назад — одни шипы, одни колючки, ничего не осталось от розы!..

На похоронах императора её вообще уж было не узнать. Чёрное, злое лицо, взгляд — оторопь брала, губы сжатые. Кто-то обратился к ней: «Княжна...» Она тут же оборвала: «Я не княжна, я ваша государыня!» Вот так-то!

Ах, милая, как порою жестока бывает судьба! Я от души жалела молодого царя, но и Долгорукую я понимала. Моё впечатлительное сердце было обеспокоено судьбой юной бедняжки, которую разлучили с любимым человеком, а теперь она была лишена даже слабой награды — величия. Она переносила это стойчески. Говорила, что скорбит о потере как подданная империи, однако как частное лицо она удовлетворена: кончина императора избавила её от

бóльших мук, чем могли бы выдумать величайший деспот или самая изобретательная жестокость. Что стояло за теми словами — как догадаться? Ей представлялось, что, преодолев свою страсть к австрияку, она может перенести всё: ведь будущее сулило ей награду — российский престол...

Один джентльмен, тогда видевшийся с нею, поведал мне, что нашёл её совершенно покинутой, при ней были только горничная и лакей, которые ходили за нею с детства. Когда он выразил возмущение этим, она сказала: «Сэр, вы не знаете нашей варварской страны».

А вокруг русского престола уже завертелось чёртово колесо борьбы за власть. Явилась из Курляндии дочь Ивана, брата Петра Великого, Анна Иоанновна, 37-летняя дама, любовница графа Бирона, и заявила свои претензии на трон. Верховный тайный совет велел ей подписать «Кондиции» в пользу аристократов. Она подписала, чтобы добиться своего, но, боже мой, что завертелось с этими кондициями!

И сразу же возбудили дело против Долгоруких... Долго не хоронили бедного Петра, лежал он, молодой несчастный красавец, в ледяных погребах... Прошёл тайный слух: мол, оттого царя не хоронят, что помолвленная с ним Екатерина... ждёт наследника!.. Что далее случилось — это тайны мадридского двора, русского двора. Только в скором времени Анна Иоанновна, руководимая интриганом Бироном, со всей силой обрушилась на семейство Долгоруких! Да и Остерману, воспитателю Петра II, тоже досталось...

Леди Рондо была говорлива. Она надолго погрузилась в свои мысли, но продолжила свой рассказ, на этот раз о жизни в российской империи.

— ...Миновали похороны, наступили апрель—май 1730 года. Мы жили в Москве.

Поднималась я в шесть часов — как простолюдинка. Чтобы, осмотревшись и распорядившись по дому, к восьми выйти к завтраку. Покончив с этим, занималась с учителем французским в продолжение часа; затем удалялась в свою комнату и либо рукодельничала, либо читала до двенадцати и одевалась к обеду.

К вечеру мы отправлялись подышать воздухом — в карете или пешком. Окрестности Москвы были прекрасны: леса, река, плодородные нивы ласкали глаз. Поскольку у мужчин гораздо больше дел, чем у женщин, они были, по обыкновению, заняты, так что я часто выезжала одна.

Во время одной из таких бесцельных поездок мы обнаружили усадьбу, принадлежавшую прежде князю Меншикову. Роскошный дом, расположенный на прекрасной поляне, был необитаем. Большой пруд перед фасадом, позади — другой, вокруг густой лес, через который не было проложено ни одной регулярной дорожки...

Вокруг Москвы, на расстоянии трёх, четырёх, пяти миль, было много монастырей. В часовнях монастырей обычно хранились большие богатства. Я как-то раз посетила настоятеля одного из монастырей, который очень любезно угощал нас кофе, чаем, сладостями. Наконец он сказал, что должен попотчевать нас по обычаю своей страны,

и тогда стол устали горохом, бобами, репой, морковью и прочим — всё в сыром виде: у них шёл какой-то пост. Они часто постились. То рождественский, то перед Пасхой, то Петров... Православный игумен оказался славным, добродушным человеком, и мы очень приятно провели день. Милях в трёх оттуда был расположен женский монастырь для высокопоставленных особ, там взаперти находилась вдовствующая императрица, как она себя называла. Я имею в виду первую супругу Петра I Евдокию Лопухину, мать царевича Алексея...

Да, так вот... Ты весьма уважала Петра Великого, и вот ещё одна история о нём, со слов Миниха. Его отец строил канал между Ладожским озером и Невой. Пётр прибыл туда, и отец его постарался именно в тот час сломать плотину и пустить воду. Царь увидел небольшой бот, тут же прыгнул в него. Бот поплыл с огромной скоростью, вода бурлила, а Пётр пришёл в такой восторг, что сорвал свою шляпу и стал кричать: «Ура!» Он прыгал, обнимал окружающих, в общем, темперамент его проявлялся во всём. Помнишь ту историю с Анной Монс? Так же страстно любил он других женщин, особенно супругу Екатерину. И ты, вероятно, знаешь, что когда в последний год жена изменила ему — увы, это тоже оказался немец Монс! — то... казнил его на глазах у жены. Такая это страна, Россия. Впрочем, мало ли жестокостей творилось и в Англии? Казнили Марию Стюарт, короля Карла I... А ещё ранее — Ричард III...

Не могу удержаться, чтобы не рассказать тебе, дорогая, об одном русском, который побывал во Франции и кое-чему научился там. И вот в России попал он в компанию

хорошеньких женщин, сразу четырёх. С каждой танцевал, веселился, похвалялся лёгкими победами. А дамы эти, надо сказать, были замужем, взяли да и рассказали обо всём своим мужьям. Одна из дам пригласила молодого человека к себе на ужин, не сказав, кто там будет ещё. Он летел на крыльях любви и был встречен с любезностью. Но посреди восторгов дама стала выговаривать ему за те речи, что он произносил. Он всё отрицал. Тогда вошли её приятельницы, да ещё со своими мужьями, и мужья произнесли свой приговор: пусть все женщины собственноручно выпорют его ремнём. Кое-кто говорил, что они и впрямь проделали это; другие утверждали, будто дамы приказали сделать это своим горничным; во всяком случае, наказание было исполнено с такой жестокостью, что любвеобильному кавалеру пришлось несколько дней провести в постели. Неясно только, были ли дамы только наблюдательницами или сами производили экзекуцию. Я привела тебе этот пример, чтобы ты могла судить о любовных играх в здешнем северном климате.

Однако... всё же я вернусь к нашей княжне.

Ах, милая, надо долго жить, чтобы понять что-то в людях, в любви, в их отношениях. Ты думаешь, что княжна Долгорукая только и думала о Миллюзимо? Нет, она была волевая женщина и запретила себе о нём говорить и думать, решила, что те её мысли были преступны. Если ненависть может перейти в любовь, то почему любовь не может превратиться в ненависть? Вот и его посчитала она виновником своих несчастий. Однако прежде всего Екатерина была обеспокоена судьбою своей семьи, их будущим,

хотя... хотя, в сущности, ведь это они, её родственники, принесли девушку в жертву своему властолюбию...

Всё семейство Долгоруких, в том числе и бедная «императрица на час», было сослано по приказу Бирона и Анны Иоанновны. И представь, сослали их в то же самое место, в тот же Берёзов, где жили дети Меншикова. Сам светлейший князь умер там за год до этих событий. Так что две эти девицы, которые одна за другою были невестами молодого царя, могли встретиться в той ссылке. Не правда ли, какой потрясающий сюжет для трагедии? Жаль, что нет уже Шекспира.

Кстати, в России ссылали женщин и детей: если подвергался опале глава семьи, вся семья также следовала за ним, имущество, принадлежащее им, отбиралось, и самые знатные становились простолюдинами...

Извини, дорогая, в голове у меня путается... Хочу сказать, что у нас в Москве был небольшой дом за городом, который доставлял мне огромное удовольствие, — здесь можно было отдохнуть от напряжения, всегда сопровождающего пребыванию при дворе. Дом стоял на возвышенности, у подножия — прекрасный луг, спускавшийся к реке. Позади на много миль — лес. Вокруг нет ничего обустроенного или возделанного, ибо ненадёжность погоды в здешних краях сделала бы расходы на это смешными, и насколько дом выглядел сельским снаружи, настолько он был прост и внутри. На столы подавался дельфтский фаянс, постельное бельё — из белого миткаля, плетёные стулья и остальное в том же духе. В одной гостиной книги и карты. Они да ещё мои пальцы для вышивания — это единственное, что отличало наш дом от фермы.

Здесь мы с большой приятностью проводили три дня в неделю.

Быть, моя милая, при королях, императрицах — весьма утомительное занятие. Помню один праздник. В зале было тепло от печей, он был украшен цветущими померанцевыми деревьями и миртами, расставленными рядами вдоль стен. Посреди — место для танцующих. Так вот, эти аллеи по обеим сторонам зала давали возможность каждому посидеть здесь, отдохнуть, укрыться от зорких глаз государыни Анны Иоанновны. Красота, благоухание и тепло этого зимнего сада, тогда как за окнами бушевала метель, давали отраду, казались волшебством и наполняли мою душу приятными мечтаниями. В смежных комнатах обществу предлагали освежающие после танцев напитки и закуски. Когда же мы вернулись в зал, музыка и танцы посредине и прячущиеся в аллеях красавицы и кавалеры в пышных по случаю тезоименитства царицы нарядах дали волю моему воображению — будто бы я нахожусь в сказочной Аркадии или в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Так живописно было это зрелище!..

Однако я вовсе отвлеклась от несчастной княжны Долгорукой...

Она оказалась в страшной Сибири и уже ходила не в парче, а в крестьянском платье. Говорили, правда, будто и там требовала, чтобы называли её не иначе как государыней, и не только чужие люди, но и собственные родители, братья и сёстры. Ах, коли уж родился человек с шипами, он везде так и будет колотиться. С годами, видимо, колючки делались всё злее да острее, а сама роза... роза — увы! — увядает. Если соединить то, что я слышала

о её пребывании в ссылке, то сам собой напрашивается вывод: эта княжна несла с собою несчастье, было в ней что-то роковое...

Соблазнила юного императора — и его не стало. Да и судьба Миллюзимо, изгнанного из России, оставляла желать лучшего. В ссылке тоже заварилась каша. Был там некий офицер, на которого произвели впечатление непомерная гордость и знатное происхождение княжны. Он угождал ей, удовлетворяя её тщеславие. Был он, говорят, хорош собою, делал ей подарки, может быть, даже мантию горностаевую подарил — у русских это признак царской власти. Кстати, рассказывали мне, что по пути в ссылку солдаты потребовали, чтобы она сняла с руки кольцо. То самое, которое надел ей при помолвке покойный царь. И знаешь, что она ответила? «Никогда не сниму сие кольцо. Только с пальцем вместе. Рубите!» Такова она была, обезумевшая от жажды власти Екатерина...

Хочешь, я расскажу тебе ещё одну характерную историю некоей дамы, стойкости которой дивлюсь я ещё и теперь? Польский посол и его супруга были приглашены на обед к графу Ягужинскому, где должно было собраться большое общество. Граф жил по одну сторону Невы, а посланник с женою — по другую. Когда они по льду переезжали реку, лёд треснул, сани её провалились в воду, и она с большим трудом выбралась, вымокнув с головы до ног. Бедняжка вся обледеневшая вернулась домой, а её муж поехал к Ягужинскому, извинился за опоздание и очень спокойно поведал о приключении по дороге. Что меня поразило? Когда подали десерт, появилась и сама

жена посланника. Она переделалась, села в другие сани, переехала через Неву и вовсе не выглядела расстроенной: она танцевала на балу у графа всю ночь. Общество выразило восхищение её отвагой. Я же, должна признаться, посмотрела на это дело с другой точки зрения и увидела в нём явное свидетельство легкомыслия, в котором обвиняют наш пол. Стоило ли подвергаться такому риску ради бала!..

Коль скоро я заговорила об этой даме, должна добавить ещё кое-что. Присутствовали там, у графа, ещё две знатные польские дамы, внешне очень эффектные, хоть далеко и не красавицы. Обе грациозны, веселы, но несколько чопорны и слишком утомительны для более долгого общения. У них великолепные слуги, одежда, но в них столько национальной спеси и воинственности, что утрачивается всякая женственность...

* * *

Что было далее с княжной Долгорукой? Дошли слухи, что стала она женою Брюса. Вышла она то ли за сына его, то ли за брата, думала, вероятно, что в нём заложена часть ума и таланта великого шотландца.

Было в этой женщине нечто дьявольское, роковое, inferнальное; впрочем, в России слова «инфернальное» тогда не знали, а говорили: у-у, дьявольское отродье! Да, Долгорукая притягивала к себе несчастья. И тех, кто был близок к ней: брат ли её Иван Алексеевич, император Пётр Алексеевич и тот офицер в Сибири — всех их не миновал рок. А она... она так и не смогла найти точку опоры.

И на воле её преследовали беды. «Бедной Катрин и тут не везло... И всё-таки, — писала леди Рондо, — мне очень жаль Катрин! Как красиво начиналась её жизнь, которая превратилась в беспрерывные страдания. Нет, не должна женщина выше любви ставить ни славу, ни деньги, ни власть...» Нет ничего, что возвышало бы её так, как настоящая любовь. И доброта. И смирение...

Как странно порою три дочери Зевса и Фемиды прядут нити судьбы! Мойра Лахесис наделяет людей судьбою, мойра же Атропос в назначенный час обрезает жизненную нить... Но что же, стало быть, мы целиком зависим от этих мифологических дев? Разве не сам человек управляет своей жизнью и выбирает себе ту или иную судьбу? Велика ли роль случайности? Или нужно положиться на волю Провидения? Древние греки считали властителем людей рок, фатум. И доверялись мойрам. Гораздо позже трезвомыслящие, наделённые практицизмом англичане придумали правило: «Посеешь привычку — пожнёшь характер, посеешь характер — пожнёшь судьбу». Этого правила, разумеется, не знала, да и не собиралась придерживаться своенравная Екатерина. Она не умела и не хотела учиться «властвовать собою» и смиряться ни с чем не желала...

Тайна смерти императора

Пётр II скончался — и последней его фразой в этой жизни были слова, которые не оставили равнодушными ни одного очевидца, ни одного историка. Глядя на своего

фаворита, он крикнул (или прошептал?): «Запрягай же, Ваня, сани! Еду к сестре моей!»

Фраза эта говорит и о поэтичной натуре Петра, и о чувстве вины перед любимой сестрой, а ещё — о готовности принять смерть.

Одни называли болезнь его холерой, другие чёрной оспой — тогда была эпидемия. Однако болели многие (например, Пётр Шереметев), но умер — царь! Удивительно, что Иван не заразился от царя, хотя находился при нём неотлучно. Почему? Тут спрятаны не одна тайна, целый ряд причин! Перечислим, что думал о том Костомаров.

Первая причина. Быстрота развивавшихся событий:

11 ноября* скончалась (от чахотки) сестра Петра Наталия.

19 ноября в Верховном совете царь объявил, что намерен вступить в брак с Екатериной Долгорукой.

30 ноября — в этот день назначено обручение.

24 декабря — торжественное обручение Ивана Долгорукого и Натальи Шереметевой.

5—6 января — Богоявление и Крещение. Празднование на Москве-реке с купанием в ледяной воде. Болезнь.

На 19 января назначена двойная свадьба Ивана Долгорукого и Натальи Шереметевой, Петра II и Екатерины Долгорукой. Съезд гостей из разных стран.

12 января — кризис болезни императора миновал, ему стало лучше, но... внезапное ухудшение болезни...

* У Костомарова даты приводятся по старому стилю.

В этих стремительно развивающихся событиях было что-то роковое — словно действовал фатум... Или всё было predetermined ходом истории?..

Вторая причина — тайна. Исток её — в реформах Петра I, в настроении народа.

Пётр I действовал как демиург, он создавал новую Россию, проводил реформы, не считаясь с традициями (ибо знал, что может не успеть сделать задуманное). Он перенёс старую столицу Москву к устью Невы, менял русские платья на немецкие — это вызывало недовольство.

Что говорили в народе на коронации Петра II?

— Вот истинный наследник, сын царевича Алексея! Дед его мучил безвинно свою законную жену за её любовь к старине, замучил своего бедного сына. А потакавшие царю бояре по смерти его, возвели на престол немку, которую царь при жизни своей объявил своею царицею незаконно, а того, кто имел право на наследие русских царей, устранили совсем.

Однако Бог не допустил до этого. По Божией святой воле досталось царство русское тому, кому оно принадлежало по рождению. И вот теперь этот законный молодой царь возвращается в свою столицу, в первопрестольную Москву, униженную его дедом. Все любовались царём, когда видели его на коронации. «Ах, какой он молодец! Вот царь так царь! Это будет настоящий русский царь!» Невзлюбил молодой царь новой столицы, построенной на болоте, в чухонской земле, а полюбил Москву православную с её золочёными маковками. Теперь уже не будут неволить русского человека, переселять его на житьё в проклятое болото. Москва опять станет средоточием

русской жизни, как была встарь, с незапамятных времён. Какое счастье, какая радость русским людям! Какая горесть проклятым иноземцам и с ними их любителям!

В дни коронации, посетив Новгород, новый царь произнёс такую речь: «Русский престол берегут Церковь и русский народ. Под охраною их надеемся жить и царствовать спокойно и счастливо. Два сильных покровителя у меня: Бог в небесах и меч при бедре моём!»

Иностранцы и сочувствовавшие им составляли свою партию в окружении Петра II. Из них самым близким был барон Андрей Иванович Остерман, взятый ещё Петром I и высоко им ценимый. Он стал воспитателем наследника при Меншикове, но и с тем и с другим происходили стычки. Остерман очень хорошо изучил русскую жизнь, и его не так-то легко было сбить с пути.

— Мои труды пропадают даром, — говорил Остерман царю, — потому что ваше величество меня не слушаете. Извините меня, государь, за мою смелость, если б я теперь не предостерегал вас, то, пришедши в возраст, вы бы велели мне отрубить голову. Я не хочу быть свидетелем вашего падения и желал бы, если б вы, государь, изволили отставить меня от должности царского воспитателя.

— Не отходите и не оставляйте меня вашими советами, я всегда буду во всём слушать вас, — обещал Пётр и плакал.

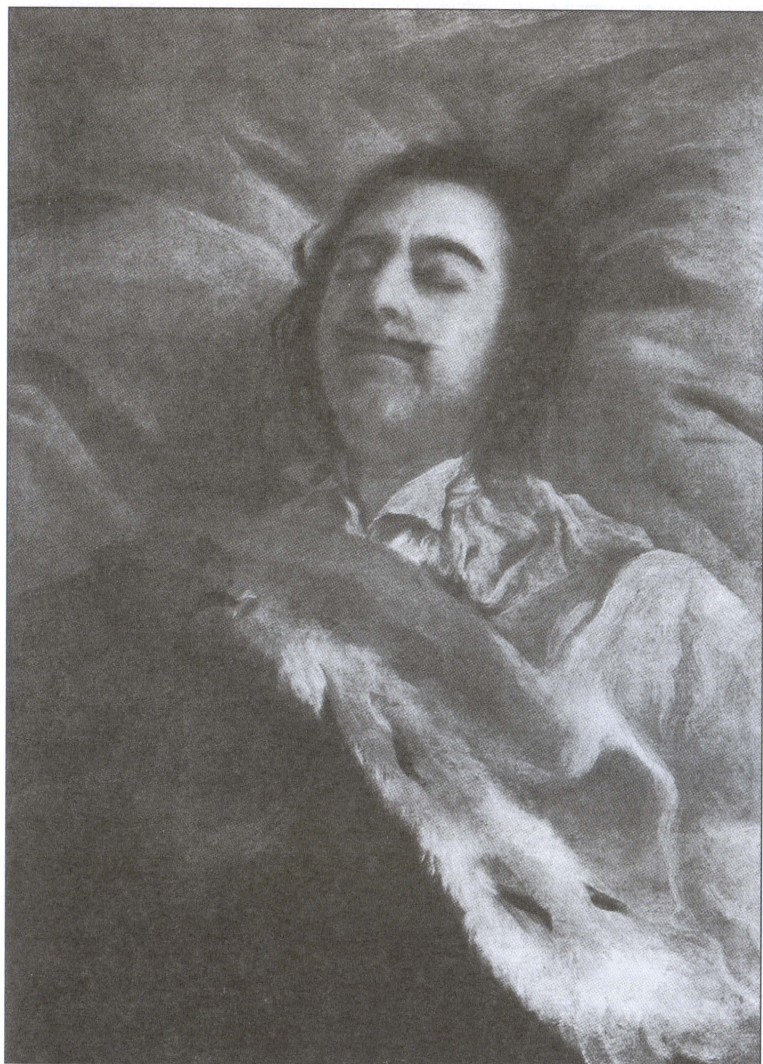
Шёл вопрос о том, какой быть Руси: новой ли, только что, так сказать, рождённой Петром Великим или старой? С новой Русью соединён был новопостроенный Петербург, со старою — Москва, столица древних царей. Сторонники петровского преобразования хотели, чтоб

царь и двор оставались в Петербурге, с ними заодно были и послы иноземные. Противников их, старолюбцев, существовало два вида. Одни допускали, так сказать, некоторый компромисс с Западной Европой и заклятыми врагами иноземного просвещения не были, а другие старые люди не допускали иноземщины. Для них надеждою казалась царская бабка — она, мол, иностранцев не терпит, пророчили, что, как только она войдёт в силу, тогда горе будет всем иноземцам, а Остерман станет первою жертвою. Но не знали мудрые прорицатели, что ловкий Андрей Иванович заручился уже дружбою и покровительством старухи, расположил к себе царицу-бабку, а с русскими вельможами поставил себя так, что даже старолюбцы признавали его полезным человеком.

Из всех сановников того времени не было никого трудолюбивее барона Андрея Ивановича, а из русских вельмож было довольно таких, которые рады, когда за них другой будет работать. Хитёр был Остерман и лжив — в один голос говорили о нём иностранцы. Но даже злейшие враги не могли сказать, чтоб он был корыстолюбив или пролагал себе путь по головам других. Так что, хотя Остермана не любили русские вельможи, но делать ему решительного зла не стали.

Для Петра Великого все иностранцы были помощниками, или друзьями его, или слугами — их покоряли его великий ум и размах. Но никто из наследников этого не имел, а более занят был самим собой и своим семейством.

Что мог сделать юный император между враждующими партиями? И всё же он сперва сбросил самодержавие

*Петр I на смертном одре.
Художник И.Н. Никитин*

*Царевич Алексей Петрович, отец Петра II.
Гравюра XVIII в.*

*Шарлотта-Христина-София, супруга царевича Алексея Петровича,
мать императора Петра II. Гравюра XVIII в.*

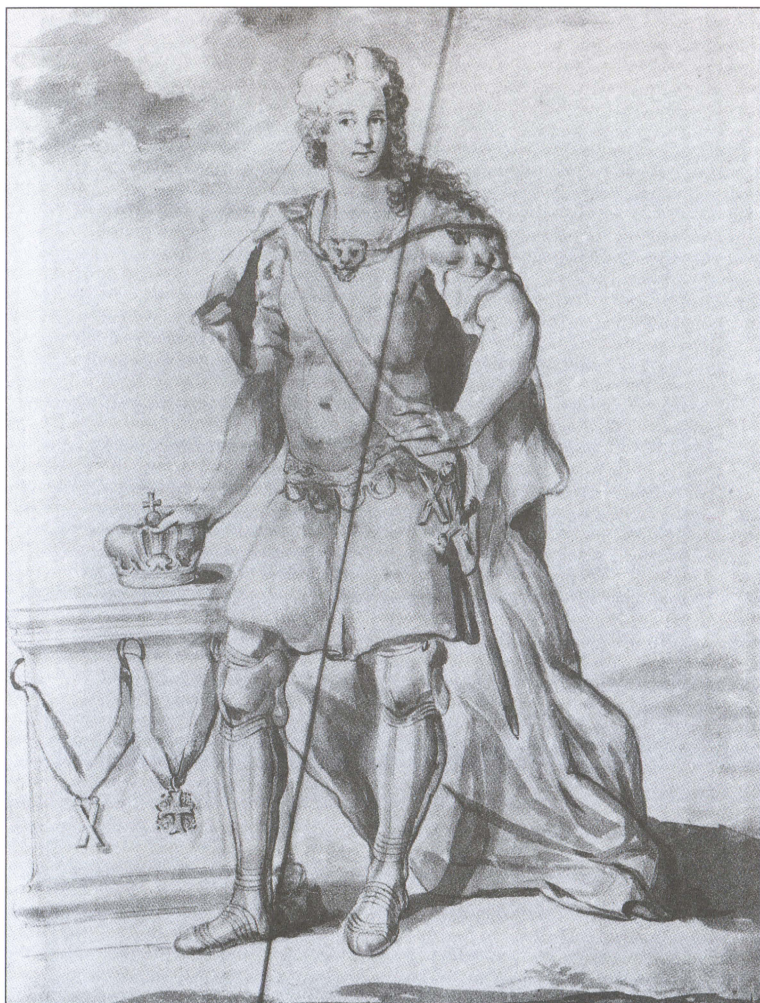
*Внуки Петра I Петр и Наталия в детстве, в образе Аполлона и Дианы.
Художник Л. Каравакк*

*Император Петр II в Петергофе.
Художник А.И. Шарлемань*

*Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I,
бабушка Петра II. Неизвестный художник*

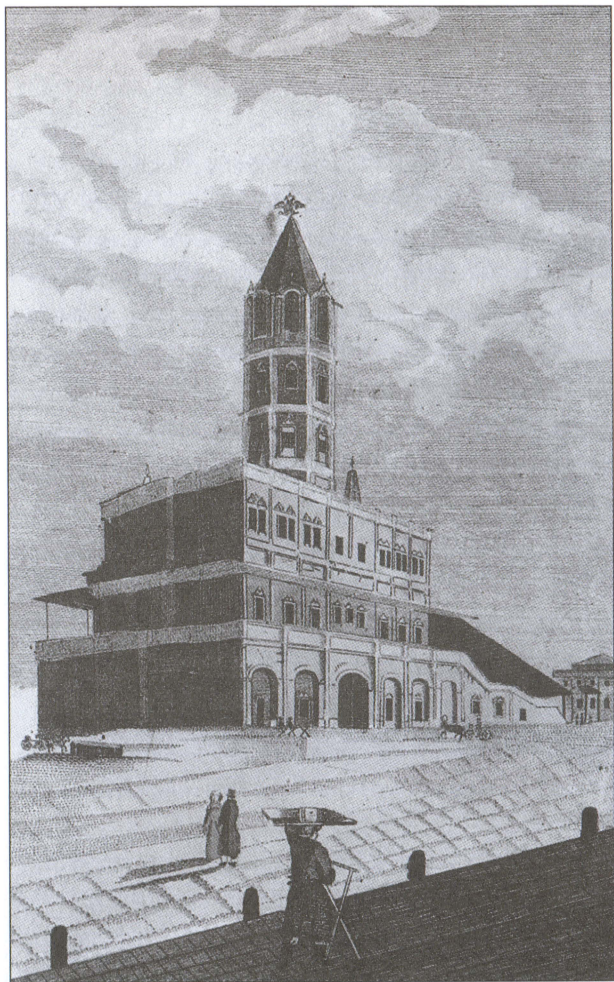
*Петр II. Изображение на Триумфальных воротах
во время коронационных торжеств 1728 г. Гравюра XVIII в.*

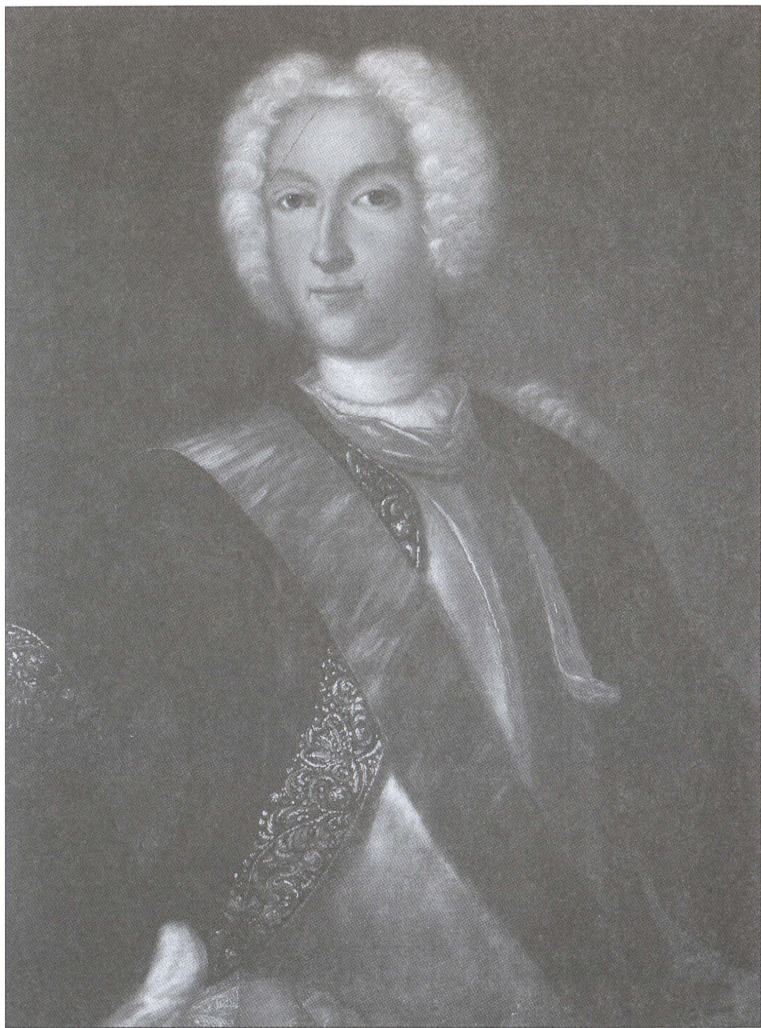
А.Д. Меншиков. Художник Ж. Симон

Я.В. Брюс. Гравюра XVIII в.

Вид Сухаревой башни. Москва. Гравюра XIX в.

Петр II. Художник И. Ведекинд

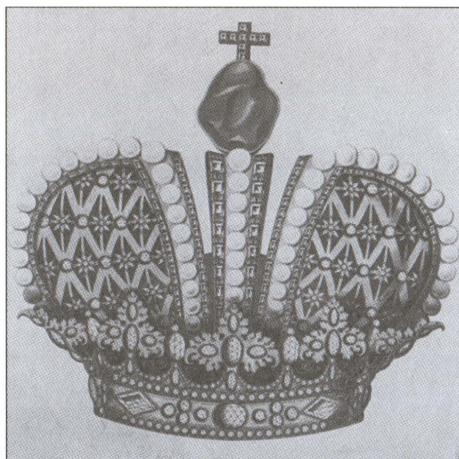
М.А. Менишкова. Гравюра XVIII в.

*Супруги Долгорукие в остроге.
Художник А.П. Рябушкин*

*Менишников в Березове.
Художник В.И. Суриков*

Корона Петра II

*Императрица Анна Иоанновна на троне в окружении придворных.
Гравюра XVIII в.*

Усадьба Горенки. Вид со двора. Незвестный художник

Колоннада главного дома в усадьбе Горенки. Современный вид

Усадьба Горенки. Главный дом. Современный вид

Остров Уединения. Усадьба Горенки. Современный вид

Е.А. Долгорукая. Гравюра XVIII в.

Меншикова, а в конце прозрел, понял планы Долгоруких, но было уже поздно: в силу вступил всемогущий рок.

Причина третья. Сложные семейные отношения с сестрой и тёткой Елизаветой.

Историк Н.И. Костомаров пишет, что на одном из балов находившиеся там иностранные министры заметили с удивлением, что на этом балу не было царской сестры, великой княжны Наталии Алексеевны. Носился слух, что она нездорова и по этой причине не посетила бала, но это показалось для многих сомнительно, потому что перед тем Наталия провела вечер у герцогини Курляндской. Дело объяснялось тем, что великая княжна была тогда недовольна царём; у сестры к брату возникла некоторого рода ревность: великая княжна сердилась на то, что тот слишком много сердечного расположения показывает к своей тётке Елизавете. Царь, не дождавшись сестры, открыл бал без неё и вначале танцевал с тёткою. После трёх контрадансов он ушёл в другую комнату, а цесаревна Елизавета танцевала с царским фаворитом, князем Иваном. Царь из другой комнаты вышел и стал на пороге при входе в большую залу: он следил внимательно за танцующей парой, и замечавшие движение на лице его поняли, что его величество ревнует к тётке. Говорили тогда, будто Остерман разжигает в молодом царе любовь...

С царём ездила тётка Елизавета. Сестра, великая княжна Наталия, уклонялась от этих забав и не сопровождала брата: говорили, что у ней уже открывалась чахотка. С Елизаветою на охоте постоянно находились одна боярыня и две русские служанки. После охоты сходились в палатки, шёл весёлый пир, а по окончании пира

снова всё укладывалось, увязывалось, ехали далее и снова становились там, где нравилось. Это было не столько увеселительная поездка, а скорее кочевание в азиатском вкусе и сообразно старой московской жизни. Даже купцы, думая зашибить копейку, с товарами, и особенно съестными, ехали вслед за двором, отправившимся на охоту: на охотничьих стоянках продавалось всё втридорога.

Там охота шла за волками и лисицами, в другом месте за зайцами, в третьем — за птицами. В охоте за зверями работали егеря и охотники: они были в зелёных кафтанах с золотыми и серебряными перевязями; у каждого на такой перевязи висел блестящий золотом либо серебром рог; шаровары красные, шапки горностаевые, рукавицы лосиные. Сначала пускали, по обычаю, гончих собак спугнуть зверя, а егеря и охотники скакали вслед... На медведя охотились в дремучих лесах, царя не пускали близко. Выбирались охотники крепкие, рослые, сильные; борцы с медведями приобретали славу в охотничьем кругу, как храбрецы в военном. Царя приглашали приблизиться только тогда, когда медведя проколют рогатиною или попадут в него пулей. После охоты за зверем или за птицею наступал обыкновенно пир в палатках...

Князь Иван Алексеевич, сходясь с Остерманом и другими европейскими партиями, говорил, что ему надоедают эти забавы. «Не по сердцу мне, — выражался он, — когда царя заставляют делать дурачества, не терплю наглости, с какою с ним начинают обращаться на охоте».

Князь Алексей Григорьевич ластился к Остерману, а Иван его не любил. Остерман, так сказать, лавировал между ними: слушал со вниманием сына, когда тот жа-

ловался на родителя, но показывал участие к отцу, когда тот говорил о проказах сына.

Сестре Наталии всё это, и особенно Елизавета, было не по душе.

Нелегко было 14-летнему отроку разобраться во всех этих хитросплетениях. У него было чувство вины перед сестрой, к этому добавлялась вина перед Меншиковым и Марией, — в начале 1730 года пришла весть об их кончине.

Причина четвёртая. Отношения с Долгорукими.

Долгорукие спешили взять на удочку царственного юношу и покончить начатое, чтоб не дать ему времени одуматься. На 30 ноября 1729 года назначили обручение.

Царская невеста, объявленная с титулом «её высочества», находилась тогда в Головинском дворце, где помещались Долгорукие. Туда отправился за невестою князь Иван Алексеевич, в звании придворного обер-камергера, в сопровождении императорских камергеров. За ним потянулся целый поезд императорских карет.

Княжна Екатерина, носившая уже звание «государыни-невесты», была окружена княгинями и княжнами. По церемонному приглашению, произнесённому обер-камергером, невеста вышла из дворца и села вместе с матерью и сёстрами в карету, запряжённую цугом, на передней части которой стояли императорские пажы. По обеим сторонам кареты ехали верхом камер-юнкеры, гоф-фурьеры, гренадеры и шли скороходы и гайдуки пешком, как требовал этикет того времени. За этой каретой тянулись кареты с родственниками Долгоруких... По при-

бытии на место обер-камергер вышел из своей кареты и стал на крыльце, чтобы встречать невесту и подать ей руку при выходе из кареты. Заиграл оркестр.

В одной из зал дворца, назначенной для обручального торжества, на шёлковом персидском ковре поставлен был четвероугольный стол, покрытый золотою материею: на нём стояли ковчег с крестом и две золотые тарелочки с обручальными перстнями. По левой стороне от стола, на другом персидском ковре, поставлены были кресла, на которых должны были сидеть бабка государя и невеста и рядом с ними на стульях мекленбургские принцессы и Елизавета, родственники невесты и знатные дамы. По правой стороне от стола на персидском ковре поставлено было кресло для государя.

Обручение совершал новгородский архиепископ Феофан Прокопович. Над высокою четою во время совершения обряда генерал-майоры держали великолепный балдахин, вышитый золотыми узорами по серебряной парче.

Когда обручение окончилось, жених и невеста сели на свои места, и все начали поздравлять их при громе литавр и при пушечной троекратной пальбе. Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий произнёс царской невесте свою знаменательную речь:

«Вчера я был твой дядя, нынче ты мне государыня, а я тебе верный слуга. Даю тебе совет: смотри на своего августейшего супруга не как на супруга только, но как на государя и занимайся только тем, что может быть ему приятно. Твой род многочислен и, слава Богу, очень богат, члены его занимают хорошие места, и если тебя станут просить о милости для кого-нибудь, хлопочи не в пользу

имени, а в пользу заслуг и добродетели. Это будет настоящее средство быть счастливою, чего я тебе желаю».

В то время говорили, что этот фельдмаршал хотя и дядя царской невесты, но противился браку её с государем, потому что не замечал между ними истинной любви и предвидел, что проделка родственников поведёт род Долгоруких не к желаемым целям, а к бедствиям.

В числе приносивших поздравления царской невесте был и Миллюзимо как член имперского посольства. Когда он подошёл целовать ей руку, она, подававшая прежде машинально эту руку поздравителям, теперь сделала движение, которое всем ясно показало её потрясение. Царь покраснел. Друзья Миллюзимо поспешили увести его из залы, посадили в сани и выпроводили со двора (об этом вспоминала и леди Рондо)...

По окончании поздравлений высокая чета удалилась в другие апартаменты; открылись блистательный фейерверк и бал в большой зале дворца. Царская невеста в продолжение всего рокового вечера была чрезвычайно грустна и постоянно держала голову потупивши. Ужина не было, ограничились только закуской. Невесту отвезли в Головинский дворец с тем же церемониальным поездом, с каким привезли для обручения.

Род Долгоруких достиг крайних пределов величия. Всё смотрело им в глаза, всё льстило им в чаянии богатых милостей. Пошли толки, чем кто из Долгоруких будет, какое место займёт на лестнице высших государственных должностей. Твердили, что князю Ивану Алексеевичу быть великим адмиралом; его родитель сделается генералиссимусом, князь Василий Лукич — великим канцлером,

князь Сергей Григорьевич — обер-шталмейстером; сестра Григорьевичей Салтыкова станет обер-гофмейстериною при новой молодой царице...

Между тем дни за днями проходили; при дворе каждый почти день отправлялись празднества; вся Москва носила тогда праздничный вид, ожидая царского брака, но близкие к государю люди замечали, что он и после обручения не показывал никаких знаков сердечности к своей невесте, а становился к ней холоднее. Он не искал, подобно каждому жениху, случая почаще видеть свою невесту и быть с нею вместе, напротив, уклонялся от её общества. Этого и надобно было ожидать.

Царский брак мог совершиться только после праздника Крещения и назначен был на 19 января. Между тем на Новый год царь сделал выходку, которая сильно не понравилась князю Алексею Григорьевичу: не сказав ему, он ночью ездил по городу и заехал в дом к Остерману, у которого, как рассказывает иностранный министр того времени, находились ещё двое членов Верховного тайного совета, и было там при государе какое-то совещание, вероятно, не в пользу Долгоруких: они умышленно были устранены от участия в нём. Тогда же состоялось тайное свидание с Елизаветой. Она жаловалась на скудость, в какой её содержали Долгорукие, захватив в свои руки все дела двора и государства; в её домашнем обиходе чувствовался даже недостаток в соли. «Это не от меня идёт, — объяснил государь, — я уже не раз давал приказания по твоим жалобам, да меня плохо слушают. Я не могу поступать так, как бы мне хотелось, но я скоро найду средство разорвать свои оковы».

* * *

Так изложил причины гибели молодого императора историк Николай Костомаров. Он, конечно, основывался на подлинных исторических документах. Однако все ли документы сохраняют истину и не слишком ли мы доверяемся им? Конечно, историки руководствуются архивами, но разве не несут архивы субъективного взгляда при отборе фактов?

Поступки и воспоминания — ещё не свидетельство о характере и личности героя, и в числе причин кончины последнего потомка Петра Великого есть и одна, главная причина и тайна. Психология Петра III! Он не был готов властвовать, его мучили сомнения, он увяз в хитросплетениях царского окружения. И ещё: его подавляло величие деда!

Известно, что раны победителей заживают быстрее и болезни часто не становятся смертельными. Юный царь не чувствовал себя победителем, не желал сопротивляться болезни — воля его слабела, и болезнь с лёгкостью довершила своё чёрное дело. Это-то и стало (на наш взгляд) истинной причиной кончины Петра II.

Таков взгляд на происходившие события у автора этой книги.

Однако было ещё кое-что действительно тайное, что удалось «высчитать», «выстроить» по числам и некоторым фактам. Это действительно авторская версия. Но к ней мы обратимся позднее, после похорон царя и после появления у русского трона новой императрицы...

А пока заглянем в Сухареву башню Якова Вилимовича Брюса.

В Сухаревой башне

Трудно вообразить, в каком состоянии пребывал царский двор, да и вся Москва, начиная с 6 января 1730 года. Снова смена царств? Перемена власти? Неизвестное будущее?

В такие времена (к тому же был сочельник — пора гаданий) хочется узнать будущее, прибегнуть к гаданию. Конечно, ни Пётр, ни его окружение не решились бы обратиться к «чернокнижнику» и прорицателю Брюсу. И всё же...

Однажды тёмным вечером, в лютый мороз, когда небо усыпано огромными зимними звёздами, а луна сияла, как новый серебряный рубль, один человек выбежал из Лефортовского дворца, вскочил на коня и поскакал неведомо куда. Это был князь Иван Долгорукий, который отличался внезапными порывами и не задерживался с решением, ежели что-то вонзалось в сердце.

...В те дни негасимо горели свечи в Сухаревой башне. О ней ходило множество слухов. Будто когда-то сам Пётр Великий начертил план этой башни и повелел учёному, знатоку навигацкого дела, учить недорослей чертежам и расчётам. Была та башня разновысокая, от неё вниз — куб главного строения, нижний этаж с наклонной крышей — и всё покрашено красным цветом. Конечно, колонны, арки, балясины. Башня была воздвигнута не как военное укрепление, а как памятник: в тревожное время стрелецких бунтов неизменно верным Петру оставался стрелецкий полк Лаврентия Сухарева.

В самом верху были обсерватория, телескоп, библиотека. Позднее Пётр I перевёл навигацкую школу в Петербург, а здесь оставались лишь цифирные классы да обсерватория. Брюс днём спал, а по ночам взбирался наверх и, замерев у телескопа, наблюдал звёзды.

Не только Сухарева башня, но и прочие дома Брюса были окружены легендами и мифами (Мещанская улица, Разгуляй, Мясницкая), а самого его называли колдуном, и будто если соединить его дома, то получится звезда о пяти концах. Говорили, что в башне хранится «Соломонова печать», на которой написано по-латыни: «Господь, дай силу повелевать судьбой». Повернёшь её к себе — невидим будешь, от себя отворишь — будешь видим. А можешь с той печатью власть над сатаной получить.

Много анекдотов породила Сухарева башня. В XIX веке о ней писал Иван Лажечников и приводил то ли придуманные, то ли подлинные письма Остермана. Лажечникова обругали, но заступился Пушкин, написав автору: «...поэзия всегда останется поэзией, и многие страницы Вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык».

Роман Лажечникова основан на якобы имевших место письмах Остермана Брюсу. Отчего бы не вообразить существование тех писем? Приведем отрывок хотя бы из одного письма, написанного в 1727 году:

«Сколько дивных перемен совершилось в глазах наших, почтеннейший друг! Жизнь Петра Великого прошла перед нами — довольно и этого, чтобы сказать: “И мы жили”. Чудное было тогда время. Видели мы много переворотов, но все они имели цель и последствия великие,

все они клонились ко благу и славе России. А ныне что делается?.. Исполин пал; огромное место, которое он занимал в мире, опустело; всякий, кто был ближе к нему, хочет занять это место и играть властителя; другой, третий — туда же, пока настоящий властитель не укрепился летами и рассудком и не спознал своего назначения. И все думают только о своих выгодах, ни у кого в сердце нет Отечества; о завете Петра: “Продолжать им начатое” и помину нет. Господи! Когда будет конец этим часовым, непризнанным повелителям — этим временщикам, как хорошо называют их русские...

На престоле дитя, умное, доброе, подающее великие надежды, но имеющее нужду в испытанном, хорошем советнике; тётка Елисавета — дитя с характером; сестра Наталия хотя и превышает их всех умом и духом, всё ещё не вышла из детского круга... Страшусь не без причины за творения Петра Великого. Ты знаешь отца и дядю маленького фаворита; не великие по душевным качествам, они захватили бразды правления. Можно судить, куда эти возникшие умчат колесницу России... Ох, ох, страшусь за создание великого царя!

Но, любезный друг, мы, которые были первые исполнители гигантских помыслов Петра, мы, которым поверял он, как друзьям, все любимые, задушевные думы, которым завещал, если не докончить, по крайней мере, поддержать его создание и передать, сколько можно, в целости это наследие... Девизом нашим да будут слова Спасителя: “Будьте добры, яко голуби, и мудры, яко змии”.

Пускай нашу партию называют немецкою — она самая просвещённая, самая благонамеренная и пригодная для

России в нынешнее время. Мы, может быть, лучше коренных русских жителей России понимаем пользы её.

В скором времени двор отправляется в древнюю резиденцию царей на коронацию. Ты должен оставить своё уединение и явиться в Москву. Не извиняйся отставкой: для истинных сынов Отечества нет отставки; служение их продолжается до гроба. Не говорю, чтобы ты должен был, в твои лета, принять должность при новом дворе, чтобы ты каждый день напяливал мундир на свои старые плечи и играл роль дневального придворного; нет, эта служба не по тебе. Но ты можешь служить иначе: советом, внушениями, связями, каббалистикой... Твоё таинственное влияние на народ может умы и мнения расположить в нашу пользу, ты можешь и судьбу подговорить в наш заговор. Ты всемогущ не только на земле, но и на небе... Ты должен явиться, или да будет тебе стыдно в будущем мире перед лицом бессмертного царя и нашего отца и благодетеля.

На днях отправляется в Москву мать фаворита с дочерью своей. Ты любим в семействе; ты отец крёстный княжны и брата её, ныне столь могущего... к тебе имеют они большую доверенность и уважение...

Жду с нетерпением минуты, когда и я обниму тебя».

...Разумеется, ничего такого не знал князь Долгорукий, когда мчался от Лефортовского дворца к Сухаревой башне. Не знал он и того, что уже несколько ночей Брюс не отходил от своего телескопа и чертежей с неведомыми линиями.

Ночь чёрная, но чем ночь темней, тем ярче звёзды, и человек в чёрном парике, с бородой, в меховом бобрико-

вом кафтане не отводил глаз от трубы со стеклянным объективом, вдыхал запахи из склянок своих с алхимией.

Он высчитывал времена соединения планет Юпитера и Сатурна, самых важных для определения будущего, смотрел циклы затмений своей повелительницы Луны... Но — увы! — думал и гадал звездочёт не о болезни Петра малого. Он искал знаки Петра Великого, которому и теперь продолжал служить, хотел знать, что будет с Россией и через сто, через двести лет...

На столе лежали Лунный календарь и карта звёздного неба, которую он чертил долгими ночами. Сознание его обострилось, словно переместилось в иное время, изменилось, и сквозь магический кристалл, а может быть, сквозь стеклянный шар, которым он пользовался, отойдя от телескопа, ему стали видны иные времена...

Что это? 1825 год...

Стрельба возле Зимнего... переполох, выстрелы... Не стало прежнего императора, и выходит новый царь, уступающий Петру, однако сильный и властный... К тому же хорош собою...

В библиотеке учёного сотни редких книг, привезённых из Европы, и в них он искал предназначения и знаки грядущих столетий... В том числе в книгах Нострадамуса...

Падёт фанатичная страсть к разрушениям,
Раз вера тверда, словно лучший гранит.
Безбожное слово подвержено тленью,
И злой фанатизм наш храм не сразит.

Как угадать, что видел Нострадамус в славянском мире, в России? Через много лет?..

На смену придёт, как священный оракул,
Схоласт и догматик и ложный пророк...

Стеклянный мерцающий в отблесках свечи шар повернулся, Брюс подтолкнул его — и выплыла цифра: 1925 год.

Что будет спустя двести лет после Петра I?.. Будет ли кто помнить Меншикова, его, Якова Брюса?..

Шар крутился, цветы перебегали с края на край... Ещё, ещё... Будут ли через двести лет живы в Москве Брюсом построенные и купленные дома? Его любимая Сухарева башня?.. Увы, ничего не видно во мраке двух сотен лет!..

А если взглянуть с другой стороны, в толпу, на улицу? Что за люди собрались возле пивной бочки? О чём рассказывают? Неужели ни единого слова о звездочёте Брюсе?.. Отдельные слова всё же долетали до ушей ясновидящего... Он долго прислушивался — и всё-таки расслышал своё имя... О том, как Брюс изобрёл вечные часы, — это хорошо... Про то, как он летал на железном драконе? Это будет, будет!..

Тут внизу послышались лошадиное ржание, конский топот. Не скоро Брюс оторвался от шара... «Кто здесь?» — крикнул он. Но ответа не услышал.

Спустился вниз (слуг по ночам не держал). В красном колпаке, меховой мантии, с длинной тростью, в островерхой шапке, Брюс медленно спускался по лестнице.

Ещё раз задал вопрос — снова молчание. Небось кто-нибудь из Лефортова. Что они хотят? Чтобы сказал, «где пятка у русского Ахиллеса»?.. Теперь там всюду пятки...

Вельможи, временщики, честолюбцы, читали бы вы итальянца Макиавелли. Он-то знал, как управлять государством, только подойдёт ли такое России?

Конь храпит, бьёт копытом по ледяной дороге, но человек молчит... Брюс поглядел на полную и свежую луну — она напомнила девицу, одну из тех, что когда-то подкараулили его в Летнем саду...

Тут конь рванул — и послышался цокот копыт. Крепко выругавшись, Брюс вернулся к любимым занятиям.

Долгорукий всё-таки не решился переступить через порог дурных слухов о хозяине башни.

У постели императора

Вся Москва уже знает о болезни царя, из разных концов города приходят многие сведения о больных моровой оспой.

Дом помечают чёрной краской: сюда не суйся! Вокруг носят горящие поленья, держат зажжёнными смоляные бочки. Окуривают горячей серой...

И поползли слухи разные, какие рождаются в чёрное время, один слух парализовал всех: будто ночью водили по Москве чёрного слона из Персии, от него-то и пошла та чёрная оспа.

В сильном жару лежал император, лекари не отходили от него. Не отходил и князь Долгорукий, отчаяние его было безгранично. Лекари говорили: «Уйди, не играй с огнём, заразишься...», но он не слушал, забыл обо всём и не спускал глаз с государя. Сам прикладывал холод, поил

морсом, протирал тело его уксусом... Рядом неотступно находился Остерман.

Больной покрылся красными пятнами. Они мучительно чесались, не давали спать, потом стали темнеть и превращаться в язвы. Даже язык его был изъязвлён, и вид царя мог бы отпугнуть любого, кто взглянет, но только не Долгорукого.

Ждали кризиса. Кризис наступил, и государю как будто стало лучше. Москва и высокие её гости, прибывшие уже на свадьбу, вздохнули...

В домах гадали, задумывая на царя. Наталья с Дуняшей тоже. Налили в тарелку воду, поставили свечку, и капающий воск образовал в воде странную фигуру: большая голова, лоб — как колокол, а на ней — корона!.. А рядом — телега, похожая на катафалк... Ой, как страшно-то!

Известно, беда одна не приходит, лепятся к ней другие беды, и в шереметевском доме бед уже не перечесть: болезнь государя, сломал ногу дядя Владимир Петрович, у бабушки участились приступы удушья (она теперь даже спала сидя). Но и этого мало: проснувшись как-то поутру, Наташа направилась в комнату брата, а на пороге её остановила мадам Штрауден: «Нельзя!.. Оспа! Не пускать!» В доме воцарилась пугающая тишина...

А через девять дней из лефортовского дворца пришло известие: государь в агонии. Фаворит его в нервной горячке. Да, было такое свойство у князя Долгорукого: в тяжёлую минуту лишаться ума-памяти, отчаиваться и плакать, теряя последние капли бодрости. И ещё: не

понимать в такую минуту того, что происходит вокруг.

А происходили вокруг события необычайные...

Тут автор обязан капитулировать перед вымыслом, ибо не поднимается рука дорисовывать сцены, разыгравшиеся в царском дворце в момент смерти императора. Да и вправе ли он заставлять говорить и действовать своих героев по своему разумению в столь ответственный момент? К тому же воспоминания о тех часах разнятся.

В одной из комнат собрались Долгорукие — у них шёл спор про обручённую, но невенчанную невесту: имеет ли она право на престол? Как сделать её законной царицей? Такой мыслью был одержим Алексей Григорьевич. И он бросил на кон последнюю карту: составить завещание от имени умирающего царя в её пользу. Царь в агонии, подписать не может? Но ведь он ещё жив! Иван не раз подписывал бумаги «под руку государеву», царь доверял ему!.. Ещё и принцесса Елизавета подписала завещание вместо больной своей матери...

Князь Иван смотрел на сродников помутневшим взором, в полубеспамятстве слушал их увещевания о том, что должен поставить пять букв на одном экземпляре завещания — «П-ё-т-р-ъ», а второй дать государю...

Историки Словаря Брокгауза и Эфрона иначе трактуют события тех дней:

«После долгих споров решено было составить два экземпляра духовной, Иван Алексеевич должен был попытаться поднести один из них к подписи императора, а

другой подписать теперь под руку Петра... Оба экземпляра духовной были составлены; и Иван Алексеевич очень сходно подписался под руку Петра. Этим и ограничилось его участие в замысле родичей. Находясь неотлучно у одра умиравшего государя, он не присутствовал на дальнейших совещаниях. Так как Пётр не приходил в сознание, то князю Долгорукому не удалось поднести к его подписи заготовленное завещание. После кончины императора он передал оба экземпляра духовной своему отцу, который впоследствии их сжёг».

С.М. Соловьев освещает эти события по-своему, опираясь на документы:

«Василий Владимирович сказал: “Неслыханное дело вы затеаете, чтоб обручённой невесте быть российского престола наследницею!.. Княжна Катерина не венчалась с государём”. — “Не венчалась, но обручалась!” — спорил князь Алексей. “Ты в Преображенском полку подполковник, а князь Иван майор, и в Семёновском полку спорить о том будет некому”.

“Что вы, ребячье, врётё! — закричал князь Василий Владимирович. — Как тому можно сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют”. После этого князь Василий уехал вместе с братом Михайлою.

Тогда князь Василий Лукич, сев у камина и взяв лист бумаги и чернильницу, начал было писать духовную, но скоро перестал и сказал: “Моей руки письмо худо, кто бы получше написал?” — “Ты, Иван, в шутку писывал за государя, ты и пиши”, — сказали ему. Иван написал, и все нашли, что похоже».

Эта история с подложной подписью станет причиной долгого долгоруковского дела. Князь Иван Алексеевич не придал значения той подписи, ибо знал, что при печальном исходе оба экземпляра будут уничтожены. Тут не могло быть речи о его злодействе, скорее, он сам стал жертвой собственной горячности...

...И снова — в который раз! — поднялся переполох в Российской земле: кто сядет на трон?.. Из колена Петра Великого — младшая дочь Елизавета? Или из колена брата его Ивана — Анна Иоанновна? А может, вдовствующая императрица Лопухина Евдокия?.. Как будет двигаться далее сквозь штормы и бури великий корабль, лишившийся пусть юного, но законного наследника, одним своим существованием означавшего покой и порядок?..

Однако... с кончиной Петра II ещё не закончились тайны Российской империи того времени. История всегда загадочна и не раскрывается до конца, права восточная притча о слоне и учёном: по одной ноге не узнать строение слона.

Молодой император ещё не похоронен, тело его лежит в леднике, а главное — жива и активна Екатерина Долгорукая, называет себя чуть ли не «вдовствующей императрицей».

И потому главная тайна лежит за гранью правления императора-отрока, за гранью его жизни.

А ей, Екатерине, будет посвящена вторая часть книги...

Часть вторая

СУДЬБА

НЕВЕСТЫ-ГОСУДАРЫНИ

Приглашение на трон

Пётр II лежал на возвышении в гробу, обитом золотой парчой. Рядом стоял Иван Долгорукий. Шёл четырнадцатый день после смерти, а похороны всё откладывались — чего-то ждали... Возле гроба поочерёдно дежурили близкие, приближённые. Увы! Ни Екатерина-невеста, ни тётка красавица Елизавета долго не задерживались. Временами звучали скорбные песнопения, священнослужители читали псалтирь.

Отлетело короткое царствование, отшумело, как весенний дождь, не успевший смыть грязь с прошлогодней листвы. И вот уже вместо румяного великана-богатыря — иссохшее подобие его с белым восковым лицом и будто резиновыми руками.

Побелел лицом государь — почернел его фаворит, сидящий возле гроба. Нашло на него отчаяние, род столб-

няка, а мысли теснились в голове столь смутной чередой, что и не отделить одну от другой...

Ах, Пётр Алексеевич, за какие грехи наказание сие нам послано? Зачем отпустил я тебя в лютый мороз? Или на всё воля Божья?.. Звездочёты сказывали: мол, родился ты под знаком Весов, имел склонность к устойчивости, награждён стремлениями к благородным действиям... В младенчестве бывал игрив, капризен, однако уже в отрочестве поселилась забота, мысль упорная. Не наградила природа дедовской твёрдостью — что делать? — однако сумел удалить всесильного Меншикова!

Каково было с детства видеть интриги, хитрости, борьбу вокруг трона? Толстой старается в одну сторону, Голицын — в другую, князь Черкасский — в третью. Вот они стоят рядом с гробом, да только чем более опечалены? Твоей ли смертью или пребывают в растерянности о собственной участи? Вчерась прочно было их положение, а нынче? Кто вознесётся, кто будет сброшен, кто прилепится к новому царю?.. Для него-то, Долгорукого, ясно: умирает государь — умирает и фаворит его... Сродники мои, отец и дядья... Господи, прости их!.. Остерман отчего-то всё с подозрением заглядывает — больной, больной, а стоит в этакую холодину...

Лицо у тебя, Пётр Алексеевич, в покое, будто и впрямь ты со своей сестрицей Наталией свиделся. Сколько пятен на лице было, а тут — стёрлись, исчезли. И какая-то тайная печать на нём...

Пять лет всего, как скончался великий Пётр, менее трёх лет, как почила Екатерина Алексеевна, теперь царь-отрок. Что за горести-напасти на державу Петрову?

Ежели бы всё шло по разумению людскому, как задумано, ежели бы начатое одним царём продолжено было другим... Пётр I чувал: начинания его замрут в неподвижности, и оттого торопился, спешил, Россию перестраивал, как пожар тушил, действовал жестоко. А как иначе, ежели мысль вечна, Россия огромна, а человек смертен?.. И то сказать: злосчастные обстоятельства преследовали великого государя. Заключив Ништадтский мир, как хотел радость свою с народом разделить! Устроил празднество на Неве, а тут на город обрушилось невиданное наводнение, люди гибли, и царь спасал их, не жалея жизни... Когда закончил войну со шведами, решил дать народу послабление, о благе его подумать — и что же? — засуха опустошила всё за несколько лет... Торопился русскую жизнь упорядочить, дать всему направление, чтоб после него скорее развитие шло, однако вмешалась ненавистная старуха с косою — смерть, и конец мечтаниям... А может, кто ещё внёс свою лепту в сию безвременную его кончину? Или опять злой рок выбирал для чёрного дела Россию?..

Так, сидя возле гроба императора Петра II, мрачно глядя перед собой, размышлял князь Иван Долгорукий...

* * *

...А в это время быстрые лошади мчали от Москвы две кареты в сопровождении стражи, через Смоленск, в немецкое княжество, где жила племянница Петра I, дочь его брата Ивана.

В каретах сидели князь Дмитрий Михайлович Голицын и князь Василий Лукич Долгорукий, самые умные и

прогрессивные верховники. Они всё хорошо рассчитали: Анна несведуща в российских делах, молода и будет им «повадна», они дадут ей законы, по которым она станет править с их согласия. Её выдали замуж в Митаву, в маленькое немецкое княжество. Она стала герцогиней Курляндской, хотела зажить полной, тихой жизнью, нарожать детей, но... Но муж её вскоре скончался, детей завести не успели, и с того времени её охватила тоска. Стало невыносимо скучно в немецком княжестве, за стенами охранительной ограды, среди камней и теснин. Тоску она заедала обильной пищей, преимущественно колбасками и жареной свининой — и враз располнела, отяжелела, лицо сделалось неровным, бугристым, а выражение — сердитым. Ни милой улыбки, ни приветливого доброжелательства, словно царица Несмеяна из русской сказки.

«Развеять бы хоть чем тоску-кручину!» — говорила она своим малым подданным. Путь для веселья находила самый примитивный: карлики и карлицы, попугаи и собачки, мартышки, мопсы, дурки...

Был, правда, при ней один барон, умевший так приложиться к руке её, так подластиться, что и сама себе она не казалась такой уж тяжеловесной, а пальцы даже обретали иную форму. Звали того барона Эрнст Бирон.

И вдруг приходит звёздный час! В Митаву являются два именитых князя и...

После светской беседы и пирушки князья раскрывают свой замысел: они приглашают её на трон, ежели она подпишет требования ихние, кондиции. Что следовало из этих кондиций? Что должен делать государь?

1. Управлять государством только с согласия Верховного тайного совета.

2. Объявлять войну, заключать мир, налагать подати и назначать к важным государственным должностям не иначе как с согласия Верховного совета.

3. Не казнить дворян, не избличив их в преступлении по суду, не конфисковывать их вещей.

4. Не раздавать казённых имений частным лицам.

5. Не вступать в супружество и не назначать себе приемника без согласия Совета.

Москва полна была уже слухами об этих кондициях. Всюду шептались, веря и не веря, что Анна согласится, — неужто возможное сие?

Там, в Митаве, она их подписала и, сопровождаемая русскими князьями, отправилась в путь.

Однако во многих домах — у Трубецкого, Толстого, Бярятинского, Черкасского — втайне собирались те, кто не хотел ни кондиций, ни власти верховников. Собирались дворяне средней руки, играли в карты, раскладывали пасьянсы, но думали лишь о будущем правлении...

Анна, несмотря на отсутствие обаяния и грубоватость, оказалась не так глупа. Или действительно почувствовала звёздный час? И подписала кондиции. Правда, втайне посовещалась с Бироном.

История и в самом деле повинуетя законам, сходным с законами природы? На смену бурям приходит тишина. После Петра I страна замерла, всё стихло, царское окружение измельчало, правили теперь регенты да фавориты. Но Пётр всё же успел расшевелить Россию, запустил механизм — и, несмотря на пелену скуки и безделья, продол-

жалась деятельная жизнь: Демидовы выплавляли чугун, добывали железо, серебро, строили заводы; Строгановы, став «именитыми людьми», заполучив многие земли, добывали соль, занимались просвещением. Правда, новые заводчики и начальники рабостроительств, были «ласкателями». Демидов, чтобы получить право на новый завод, пошлёт новой царице кадку с серебряными монетами...

Для одних наступает звёздный час, а другие в это время пребывают в скорби и бьются в истерике: Екатерине, государыне-невесте, не было дела до сравнений Истории и Природы, она грустила и плакала, но... Но не теряла надежды на то, что может всё ещё повернуться в её сторону. У неё есть шанс, о котором только она одна и знает.

Когда стояла она у гроба, сделалась как каменная — ни слезинки, ни жалости. С цесаревной Елизаветой чувствовали они сходно: обе не выносили покойников. Княжна, видя на себе косые взгляды Остермана, Головкина, ещё выше поднимала голову. Знали бы все они то, что ведомо только ей!

...А кареты из немецкой земли уже приближаются к Москве. Множество санок, саней, экипажей, слуг, шутов, зверей, подвод везло нехитрый скарб ошастливленной принцессы Анны. Впрочем, на лице её никто не мог прочитать радости.

При въезде в Москву путники обычно останавливались в селе Всехсвятском: ещё не столица, но уже у цели. Здесь проводили одну-две ночи, молились в местной церкви и после того ступали на древнюю землю.

...Проснувшись ранним утром, Анна Иоанновна одна поднялась наверх. Ей хотелось поглядеть на град Москву при восходе славы своей.

Солнце как раз в тот момент вырвалось из-за туч. Анна усмехнулась: не так же ли и она вырвалась из немецкого заточения?

Вдали слабо розовел Кремль, еле видимый, но ма-нящий. Таинственно блистал шлем Ивана Великого... Неужто отныне станет она, Анна, властительницей сей великой державы? Неужто кончились её горести, в которых пребывала она целых двадцать лет?.. В шестнадцать лет выдали её замуж за курляндского герцога Франца-Вильгельма, а он чуть не сразу возьми да умри, и осталась Анна в чужой стороне одна... Так бы и кончилась жизнь её бесславно, кабы спасительная смерть не прибрала к рукам молодого государя. Явились к ней верховники: мол, езжай, матушка, трон свободен, подпишешь кондиции — корона твоя... Дмитрий Михайлович, Василий Лукич — старые знакомые, мудрые ласкатели, да только и она не глупа...

Морозный рассвет бело-розов, не то что в Митаве, воздух будто сирень свежая, золотые дали, а от колокольного звона дух захватывает... Вон он, Кремль, там предстоит ей короноваться.

Сердце её забилося, однако по лицу — серому, будто ржаная квашня, — никто не догадался бы о её чувствах... В Митаве научилась она владеть собой, ещё научилась упорству, твёрдости да и немецкому вкусу... Они, русские, увидят — хоть и толста, зато вкус имеет отменный. К примеру, закажет себе такую корону, что все будут дивоваться, не ведро какое-нибудь, а крохотную, словно

яблоко, корону — пусть думают, как скромна она в своих притязаниях. Голицын и Долгорукий мыслят, что облагодетельствовали её, однако поглядим, как дело пойдёт.

Анна ещё раз оглядела сиреневую морозную даль и медленно, задыхаясь и переводя дух, стала спускаться...

...А несчастный император всё лежал в холодной комнате.

Наконец, по прибытии Анны и ещё даже позже, траурная процессия двинулась из Лефортова к Кремлю. Лошади, покрытые чёрными епанчами, везли катафалк, на нём — гроб, богато украшенный... Офицеры Преображенского, Семёновского полков... Сановники, вельможи, генералы, иностранные посланники... За именитыми гостями, приехавшими со всех концов, — простой люд московский, полный искренней печали и недоумения...

Траурная процессия идёт по Никольской улице, мимо хором Шереметева.

В доме все прильнули к окнам: Пётр Борисович хвораёт, но и он подсел к окну.

Наталья в комнате у бабушки замерла на подоконнике: увидит ли командуемого солдатами Ивана Алексеевича? Как он?

Идёт! Едет!.. Черкасский, Остерман, Юсупов, Голицыны... Елизавета... Иван Алексеевич... — плечи опущены, лицо чёрное. «Взгляни сюда, друг сердешный!» — молит Наталья. И, словно услышав её зов, Долгорукий поднял голову — глаза их встретились всего на миг, но как много они сказали!

Процессия шествует далее, в Кремль.

Там, в Архангельском соборе, с правой стороны в третьем ряду приготовлено место для императора Петра II.

«Веселите меня!»

Собрались сановники, генералы, вельможи. Верховники держались вместе и не скрывали торжества, переглядывались. Голицын в благородстве своём уже помышлял, как Россия, подобно Европе, станет голосованием решать дела. Помягчело злое лицо князя Василия Лукича, с ним перемигивался Ягужинский. Ещё бы! Анна подписала кондиции.

— Коли умы наиглавнейшие, наимудрейшие желают сего — я подписуюсь... — сказала и вывела четыре буквы своего имени.

В лиловом платье с белыми кружевами, из-под юбки видны носки больших серебристых туфель, чёрные, распущенные волосы широким потоком стекают по спине и плечам, а лицо — будто шторкой завешено...

Следом за ней прибыл и фаворит её, Бирон, со своей семьёй.

Несмотря на полноту и высокий рост, Анна постоянно в движении, то входит, то выходит в соседние комнаты, то исчезает на длительное время.

В одной из комнат заседают Черкасский, Трубецкой, Бярятинский, Татищев, Кантемир... Это другая группа: только что они подали государыне челобитную, в которой настаивали на том, чтобы она не отдавала самодержавную власть.

Анна вновь выходит, переговаривается с этой группой, загадочно улыбается и — снова возвращается в залу. Стоит возле родственницы своей Анны Леопольдовны...

Она не торопится, выжидает, более того — вечером устроила праздник. Были даны распоряжения: поставить водомёт, чтобы фонтан лился в полную силу, чтобы у входа бродили два медведя, то ли переодетые слуги, то ли настоящие. Салюты, пушки, бочки с рейнским вином и много ещё всякого.

В дворцовых комнатах холодно, неуютно, ветер выдувает тепло, которое дают кафельные печи. Тем не менее трепещущие перед встречей с Анной дамы сбрасывают в вестибюле шубы и остаются в лёгких накидках.

Наталья Шереметева, сняв беличью шубку, остановилась возле узкого высокого зеркала. Наклонившись, минуту рассматривала своё похудевшее лицо, ставшие огромными глаза; коснулась кольца на руке, подарок жениха, на секунду замерла, поднесла его к губам, прошептала: «Как-то ты, друг мой сердешный?»

Как и все, она робела. Чем можно угодить новой государыне, чем разгневать? Кто она — скромная изгнанница или грозная повелительница? Чувство страха, умноженное на дворцовый холод, вызывало нервный озноб.

Первое, на что обратила внимание Наталья, — собачки, обезьянка, карлица с попугаем. Карлица то и дело повторяла попугаю: «Загт ду, Мак-си! Мак-си!»

— Господа, не угодно ли музыкальных пауз?

Недоумение воцарилось в зале: как, сейчас, в этот день? Музыка — и танцы? Гости переглядывались. Кто-то

льстиво заметил, что государыня большая музыкантша и любительница зрелищ.

— Желаю глядеть я, как наши знатные дамы танцуют! — Анна хлопнула в ладоши, и музыканты, которых она привезла с собой, заиграли. — Танцен! Русише танцен!..

Карлица начала приплясывать, держа на пальце попуга.

Анна обернулась к дамам-аристократкам. Те смешались. Шереметева даже вспыхнула — в последнее время она чувствовала вокруг себя недоброжелательство: Репнина обещалась прийти, но не явилась; княжна Гагарина не поклонилась — уж не оттого ли, что она невеста бывшего фаворита?

Катерина Долгорукая под пристальным взглядом государыни покрылась красными пятнами. Она уже чувствовала: за ней следят. Не из Тайной ли канцелярии ищейки?

— Ну, шнель! — повысила голос Анна, не сводя тяжёлого взгляда с бывшей государевой невесты. — Умеют ли подданные мои плясать русский танец?

Сколько раз танцевали княжны, графини со своими дворовыми девушками, а тут — как окаменели... На лице Катерины боролись смирение и отчаянная гордыня, к тому же её тошнило. Надо что-то делать! Наталья заметила подбадривающий жест Анны Леопольдовны, которая к ней благоволила, сделала шаг, второй, вынула платочек...

— Нох айн маль! — дала знак музыкантам Анна, и те заиграли.

Взмахнув платочком и согнув тонкий стан, гибкая, словно ива, Наталья поплыла по кругу. За ней последовали Черкасская, Ягужинская, Головина... Сама Анна была весьма искусна в танцах и оттого придирчиво оглядывала княжон и фрейлин. Но Катерина так и не сдвинулась с места. Выждав ещё несколько минут, императрица подошла к Ягужинской — и ударила по щеке! Зала замерла. Попугай у карлицы истошно закричал: «Мак-си, Мак-си!» Танцующие остановились, но Анна крикнула: «Вайтер! Дальше!» — и музыканты с новой силой заиграли. Всё смешалось, танцующие, потеряв ритм, нелепо топтались на месте...

Неведомо что могло бы ещё прийти в голову Анне, но тут кто-то заглянул в залу, сделал знак, и она, шествуя важно, пересекла залу и скрылась за дверью.

Гости пребывали в растерянности. Музыканты играли весёлый немецкий мотивчик.

Анна долго не появлялась. Долгорукие и Голицыны не могли скрыть тревогу: неужто всё рушится? Кто виновник сего злого произволения? Тянулись мучительные минуты, часы...

Хитрая Анна объявила, что в завтрашний день опять будет пир.

Два дня продолжались веселье и... неизвестность по поводу кондиций. Княжнам и графиням, которые «не умеют как надо плясать», Анна велела привести с собой лучших дворовых танцорок и явиться завтра в костюмах и масках, — она желала глядеть русские танцы! «Веселите меня!»

Катерина Долгорукая бросала на «самозванку» ненавидящие взгляды и не могла скрыть горя-досады. Снова выкаблучиваться перед Анной она не собиралась и решила взять с собой танцорку Палашку. Пусть уложит её прекрасные долгоруковские волны на голове так, чтобы выглядели они будто корона, да и пляшет.

Узнав о маскараде и о том, что надобно плясать в присутствии царицы, Пелагея ничуть не смутилась, напротив, пришла в нескрываемое воодушевление. Нашла пышную юбку, сафьяновые черевички, показала княжне маску:

— Ваше сиятельство, эвон что у меня есть!

— Я тебе не сиятельство, а ваше величество! — огрызнулась Катерина. — Откуда сие у тебя?

То была кошачья маска — сероватая, с коричневыми круглыми ушками. Служанка объяснила: мол, Брюсова супруга Маргарита развела целое стадо кошек в Глинках и сделала ту маску...

Во дворце музыканты уже веселили прибывающих гостей. Шествовали неузнаваемые под масками вельможи и дамы. Мелькнула высокая фигура в островерхом колпаке, усеянном то ли бриллиантами, то ли хрустальями, в бархатном камзоле с неведомыми знаками — маска скрывала лицо, торчала только борода. Уж не Брюс ли это? — подумала Катерина, но тот уже скрылся.

Вошла Анна, взмахнула рукой — и оркестр начал новую мелодию. Катерина ущипнула Палашку: иди! Догадливая служанка тут же понеслась по гладкому полу, да так ладно! Оказывается, она ухитрилась сделать из плотного шёлка, похожего на сафьян, черевички, в носки подложить что-то твёрдое — и теперь большими прыжками носилась

по зале, кружась и вертясь на одном большом пальце. Пышная юбка задевала гостей, а весёлая физиономия кошки на лице показалась Анне такой занятой, что та даже выпустила из рук мартышку. Палашка носилась и носилась по кругу... Флейта, тамбурин, лютия игриво звенели, а «кошка», чуя свой звёздный час, продолжала танцевать.

— Вундербар, медхен! — негромко сказала Анна, и кончики её пальцев слегка коснулись друг друга. Бросив выразительный взгляд на Бирона, что-то шепнула ему, а вслух добавила: — Нох айнмаль!

Догадливая Палашка взглянула на княжну и снова бросилась делать круги по залу (как сказали бы в XIX веке, «на пуантах»). Катерина готова была лопнуть от злости, в ярости она отдала бы сейчас весь остаток своей жизни, лишь бы оказаться на месте этой немки, — ох, она бы придумала ей мсть!

Палашка закончила и хотела тут же выбежать, но — что это? — кто-то поманил её пальцем. Она заметила чалму на голове, торчащие из-под неё длинные уши. Длинноухий спросил, у кого она служит, и велел завтра в полдень явиться к воротам...

Был ли тот человек из Тайной канцелярии (хотя Пётр II отменил это фискальное учреждение) или просто ищейка? Лицо Катерины Долгорукой вытянулось: значит, Анна собирает сведения по долгоруковскому делу? Разнеслись слухи о подложном завещании императора, о том, что подписал его князь Иван. Но ведь те бумаги давно сожжены!.. Кинжал царский якобы видели у Ивана, — так тот же был ему подарен. Что ещё?

«Тебе, толстой злыдарихе, неведомо главное! — пронеслась в голове Катерины мстительная мысль. — Зреет у меня под сердцем плод, наследник. Узнают все — тебе несдобровать!»

Между тем Анна Иоанновна продолжала шествовать из залы в одну, другую комнаты. Хоть и толста, а подвижна. Три раза соединила толстые ладошки, вроде как похлопала, — и опять приказала: «Веселите меня, веселите!»

А человек в островерхом колпаке с блёстками исчез невесть куда. Ни у дверей, ни у ворот его не было. Как сквозь землю провалился. Впрочем, не «как», а именно «провалился»... То был Брюс.

Пятое марта, вечер, ночь

Получив «подарок небес», подписав кондиции, ограничивающие права монарха, Анна теперь должна была подтвердить это в присутствии вельмож и сенаторов в кремлёвском зале.

Гости лицезрели диковинные вещицы, немецкие забавки, попугаев и мартышек, карлиц и шутих, а княжнам и графиням приказывала являться в костюмах и масках.

Началось её диковинное и диковатое царствование. Проявившись первую ночь без сна из-за клопов и бессонницы, повелела она позвать Остермана, чтобы вывел он тех злодеев из Кремля, и издала о том указ. Остерман с Яковом Брюсом вволю посмеялись над тем указом; они пристально вглядывались в немецкую принцессу и её окружение: когда же она подтвердит свою подпись?

Человек в островерхом колпаке со звёздами, с которым столкнулась Катерина Долгорукая, то бишь Брюс, так же внезапно исчез, как и появился в тот вечер. Всего несколько минут был он в кремлевском собрании, но мгновенным оком охватил всё. В сторонке — князя Голицын и Долгорукий, те самые, которые ездили в Курляндию. Но — на лицах их заметно было смятение. Отчего-то скрылись Черкасский, Татищев, Кантемир... Худо!

Ещё раз бросив взгляд на повеселевшую Анну, человек в островерхом колпаке проследовал к выходу и обогнул здание. Нащупав в дальнем углу во тьме-тьмущей дверцу, вставил в неё ключ, оглянулся — никого! — и, зажегши факел, спустился по ступенькам в подземелье.

Медленно передвигался он по подземному ходу...

Наконец подземелье осталось позади, человек, уже другим ключом, открыл и закрыл за собой дверцу и оказался в Сухаревой башне.

Взобравшись наверх, в свою обсерваторию, он, однако, не пристроился к телескопу, ибо находился в большой задумчивости. Сел в своём длинном камзоле, с седой бородой, в колпаке, в кресло. Было холодно, но он того словно не замечал. Мысли его витали вокруг новой российской власти. За пять лет — четвёртый император, да к тому же баба... Не стало великого Петра — и покатилась бочка, громыхая, вниз... Что станет теперь?

Брюс был астрологом, наделённым ясновидением, и не просто мистиком, а ещё и физиономистом, психологом. К тому же знал расклад царских лиц, все именитые фамилии, и иногда ему удавалось читать грядущее...

Конечно, постепенно унёсся фантазией в лучшие годы, в петровское правление, когда командовал всей артиллерией, создавал первую Российскую академию, возглавлял Берг- и мануфактурколлегию, работал в лаборатории Ньютона. Он был учёным-энциклопедистом, учил морскому и навигацкому делу недорослей, а нынче — хоть и уговаривал его Остерман — не желал никому помогать. Ценил его Пётр I, очень ценил — и знания, и организаторские усилия, дорожил острым, гибким умом, умением пошутить на ассамблеях, разыграть дурней и неучей...

Теперь его химические и алхимические опыты, астрономические познания, астрология рождали только анекдоты да рассказы...

Вспоминались молодые годы, когда они с Остерманом и Лефортом (тот был молод, красив и умён!) втроём здесь, в башне, образовали Общество Нептунов и собирались тайно по ночам. Их было девять человек, председательствовал Лефорт...

Генрих Иоганн Остерман, сын немецкого пастора, в России ставший Андреем Ивановичем, всегда был видный человек. Нептуново братство распалось, однако Андрей Иванович — умён, хитёр и ловок — переждал и Меншикова, и Долгоруких.

Ныне Брюс в отставке, сам отказался от почестей и должностей, живет в одиночестве, занимается науками. Однако игривости ума не потерял. Как и при Петре I, любит удивить в усадьбе Глинки соседей помещиков, устраивает разные забавы. Игры с часами, к примеру: замуровал в стене часы, но заводит их с другой стороны, а все думают, что часы вечные. Отчего бы не поиграть

и с будущим? Пусть поломают потомки головы над его барельефами в Глинках, ещё кое над чем...

Оставим Брюса наедине с океаном звёзд на небе, с чертежами лунными и астрономическими, с мыслями о том, что будет после него. Что открывалось ему в грядущем — мы не знаем, однако ещё и через сто—двести лет ходили по Москве о нём мифы и легенды.

Будто в доме своём на Мясницкой замуровал в стену часы: приди в любое время, они — тик-тут, тик-тут — ходят!

Раз в Петергофе на ассамблее «сделал потоп»: дамы, господа платья поднимают, видят — вода заливает. Только Пётр I подозвал Брюса и говорит: «Нечто можно такую потеху делать? Гостей осрамил!» — и вода исчезла.

И всё оттого, что Брюс умел «отвод глаз» делать. («Отвод глаз» сегодня мы назвали бы магнетизмом или гипнозом.) Мог целой роте солдат внушить, что ружья у них не стреляют. Будто генерал на Брюса рассердился и отдал приказ Сухареву башню разнести в пух и прах. Привезли пять орудий, генерал скомандовал: «Пли!» — а ни одна пушка не стреляет. Брюс стоит на башне и смеётся: «Дурни! Зарядили пушки песком и думаете, что будут стрелять?» И генерал отступил от волшебника...

А ещё обитатель Сухаревой башни умел «испытание натуры» делать. Скажем, человек напился, как свинья, не шевелит мозгами, Брюс войдёт в его комнату и сделает так, что тому мнится, будто комната полна медведей или «крокодил настоящий» ползет. Купцы нажаловались Петру на Брюса, а тот спокойно объяснил: это, мол, для

«отвода глаз», чтобы торговали честно да от тебя, батюшка, не скрывали свои доходы...

Пошли как-то слухи, что у Брюса в башне живёт женщина цветочная, даже жена его жаловалась. Царь явился — увидел красоты неписаной женщину в цветах. Удивился: значит, права Брюсиха? А Брюс взял да и вынул из неё булавку — она и рассыпалась. «Как ты такого добился?» — спрашивает царь, а тот отвечает: «Наукой». — «Может, волшебством, чернокнижием? Говорят, черти к тебе по ночам приходят... А ещё говорят: слово скажешь — и сильнее пламя изо рта вырывается». А Брюс опять отвечает: «Наукой, только наукой дошёл я до этого».

Кстати, Брюс жил за сто лет до Пушкина, но народная молва объединила эти две персоны. И какие замечательные родились анекдоты! К примеру, вот один: «Пушкин в Москве жил и планы разводил: ведь это он застроил Москву, ведь это он завёл порядок. Ежели бы не Пушкин, была бы не Москва, а чёрт знает что... Ведь у нас как? Ты дом построил, ты сад развёл, только у меня и дом и сад неказист — зависть разбирает. Ночью перелезу через забор, спилю дерево-два — и пойдёт меж нас грызня, и дойдёт дело до драки... А Пушкин это воспрещал. Он завёл порядок. Умнейший был господин, книги писал, чтоб люди жили без свары, по-хорошему. Вы, говорит, живите для радости».

Как тут не вспомнить и об ещё одном факте, уже не «волшебном», а реальном? Пушкин часто бывал на Басманной, а дом Брюса рядом, на Разгуляе. Если перечитать «Гробовщика» из «Повестей Белкина», то невольно возникает образ Брюса: он верил в воскрешение душ. У Пуш-

кина к гробовщику на Разгуляе являются похороненные им мертвецы...

Брюс знал силу Луны — и сделал свой Лунный календарь. Перебирая чертежи со звёздами — Орион, Сатурн, Полярная звезда, — знал, где чей знак, — ломал голову над окружением Анны Иоанновны: неужели эта недалёкая полунемка-полурусская откажется от подписанных в Митаве кондиций?

Увы! Гадание по звёздам не показало ничего хорошего. Вести — того хуже. Брюс знал, что идёт долгоруковский розыск. Князя Ивана обвиняют в подписании ложного завещания в пользу Катерины. Бедная Катрин! Умная, любознательная, однако тщеславная. А старый князь Алексей? Суется, тщеславится, но карты говорят, что он один объявит в лицо самой Анне, что не желает видеть её самодержавной государыней! Ого! То будет достойное княжеского титула слово.

Анна мстительна и не станет делить свою власть, разве что с Бироном...

К такому выводу пришёл Брюс под утро 6 марта.

И почти в ту же минуту внизу послышался громкий стук — три раза. Остерман? Скорее ему навстречу! Невозмутимый Андрей Иванович не мог скрыть своих чувств. Торопясь и захлёбываясь, он рассказал, как Анна вечером вышла из комнаты в сопровождении Черкасского, Головкина и Кантемира... Улыбка её не могла означать ничего, кроме перемены в решении. И заговорила смиренным тоном:

— Видит Бог, послушалась я верховников, подписала ихние кондиции... согласная была... однако неведомо было

мне, что есть и иные силы возле российского престола... Просьбы свои изложили они в челобитной... Читай, Василий Никитич! — кивнула Татищеву.

Верховники замерли. Лицо Василия Лукича передёрнулось. До него с трудом доходил смысл слов, которые читал Татищев:

«Величие и незыблемость монархии... сие есть лучшее устройство общества... Дворяне просят государыню разорвать мерзкие кондиции, составленные верховниками... править единовластно...»

Наслаждаясь произведённым эффектом, Анна взяла бумагу с кондициями, мстительно взглянула в сторону Долгоруких и разорвала бумагу на части, спокойно заметив:

— Могу ли перечить я дворянству российскому?.. Посему распускаю Верховный совет и править стану самодержавно!

Дюковинное и дюковатое начало царствования Анны

Сбылась и другая мечта императрицы: наступил день её коронации!

В центре — светящиеся буквы: «Богом данная, радость Всероссийская...» Светящиеся инициалы Анны, её корона, вокруг крутящиеся колёса, брызжущие огнями, словно фонтаны цветов. Десять струй-фейерверков, подобных султанам и водомётам, светились в ночи над Соборной площадью, и ещё множество огней, подобных виноград-

ным кистям, молниям и вулканам. Диковинное было действо на Соборной площади...

А после — конечно, немецкие музыканты с флейтами и тамбуринами, с пронзительными и глуховатыми звуками, сопровождаемыми литаврами и мощными барабанами.

Приём во дворце — невиданный! Мартышки, попугаи заморские, арабчонки шустрые, собачки под ногами и, уж конечно, карлы и карлицы... И всем подавали кофий, напиток, полюбившийся ещё с петровских времён... Вино опять же лилось рекой — в одной бочке белое, в другой красное.

А между тем всюду орудовала Тайная канцелярия: собирала доносы, не очень-то разбираясь в существе дела. Достаточно было сказать: «Слово и Дело» — и это навело ужас. Не только слово против Анны, но и против Бирона, который стал уже неприкасаемым.

Были указы и «помрачительные» — например, распоряжение о выводе тараканов, адресованное интенданту Кремля: «Извольте ехать сей день к его сиятельству графу Андрею Ивановичу Остерману: его сиятельство покажет вам секрет, как и чем выводить тараканов».

Из Твери пришло сообщение, что там видели белую галку. И что же? Велено «послать повытчиков с тайниками и силками и поймать оную галку». Тверской воевода отвечал, что посланы были солдаты и десятские, «токмо той галки в Твери и в уезде нигде не сыскали». То ли Артемий Волынский (остроумный человек) решил разыграть императрицу тем сообщением, или «белая галка» примерещилась тому, — неизвестно. Известны слова Волынского: «Русским людям хлеб ни к чему, они едят друг друга»...

Хорошо известен исторический роман Лажечникова «Ледяной дом», в котором прекрасно описана свадьба в доме, сооружённом из льда, а также судьба Артемия Волынского.

И далее, после коронации, у Анны не было пределов причудам и диковинным действиям. Вот несколько указов Анны, вызывающих сегодня смех. Боясь попасть в аварию, под лошадь при неосторожной езде, она выпустила один из первых именных указов: «...чтобы извозчикам и прочим всяким чинам, имея лошадей взнузданных, ехать со всяким опасением и осторожностью... Виновные будут биты кошками или кнутом или сосланы на каторгу... Имеющим охоту бегать на резвых лошадях взапуски... такого беганья отнюдь не чинить».

А потом она стала запрещать и ездить на тройках.

Времена, конечно, были беспокойные — свирепствовали разбойники, горели леса, поместья... Появились «смутные люди». Некто Тимофей Труженик выдавал себя за сына Петра I Алексея, а некто Стародубцев — за Петра Петровича (рано умершего сына Петра I)... Оба были казнены, но тут же появились новые «смутные люди» — проповедники грядущих бедствий...

В том же 1730 году в Брянске на площади была «вкопана крестьянская жонка за убийство до смерти мужа». На документе была сделана помета: «Отдать к повыгтю и сообщить к делу, а показанную умершую жонку, выняв из окопа, похоронить...»

Дикостей в русской жизни тогда (как, впрочем, и потом) хватало. Немало было историй и с нетерпимостью к вере. В Екатеринбурге некий Тойгильда обратился

из мусульманской веры в христианскую, а вслед за тем опять «совратился в магометанство», за что был схвачен и казнён.

Кстати, зная о жестокостях Анны, будущая царица Елизавета даст слово: никогда не применять смертную казнь.

Артеми́й Петро́вич Во́лынский начал при Петре I с солдатской службы, в 1719 году стал губернатором Астрахани, затем Казани. При Анне Иоанновне — кабинет-министр. Однако он был против Бирона и жестоко за то поплатился: был обвинён в измене и казнён. Ужасной ночью стащили Артемия Петровича «под неучтивыми ружейными прикладами за волосы с постели... Жена его предана была поруганию солдат, влачивших её по снегу в самой лёгкой ночной одежде...»

Дмитрий Голицын, который, можно сказать, привёл Анну к власти, был сослан и умер в каземате Шлиссельбургской крепости.

Какими горькими словами в духе того времени выражался секретарь Волинского Шаховской! Как защищал своего покровителя — писал челобитные императрице, умолял сжалиться над его господином: «Учреждённый тогда суд над моим благотворителем под надсмотрением и руководство его злодеев и ненавистников производился. Одне за другими были умножаемы суровости... Такие до ушей моих доходящие уведомления, право же я день ото дня примечал, что по моей челобитной, поданной Её Императорскому Величеству, не только резолюции, но и никакого отзыва не было... Граф Остерман и князь Черкасский на прошение моё коротко и холодно отвечали: “определить на армейскую службу”».

Шаховской пишет, что Бирона уже начали титуловать не «его светлость», а «его высочество», и он стал обращаться к подданным по-иному. Усадив секретаря «на креслы, дал кофию и начал благосклонные разговоры». Шаховской имел «незамутнённую совесть» и, когда барон предложил ему взяться за Тайную канцелярию, за жандармерию, отказался — мол, будет он за то ненавидим господами: «Я всю ту долгую ночь не спал, делая в мыслях своих разложения...»

Но не все, кого вызывали в Тайную канцелярию, были такими совестливыми, как Шаховской. Судьба Волынского во многом похожа на судьбу Долгоруких — с ними поступили даже более жестоко. Ни Анна, ни Бирон не забывали, что князь Алексей Долгорукий открыто выступил против её самодержавия.

В Тайную канцелярию летели и летели доносы на Долгоруких.

Между тем из-за кондиций уже разладились отношения между именитыми фамилиями. Князь Черкасский стоял за сохранение самодержавия и не глядел в сторону Долгорукого Василий Лукича, который вёз Анну в Москву.

Дочь Черкасского Варвара, подруга Наташи Шереметевой, услышала молвку про тот кинжал, и с отцом у неё вышел короткий разговор.

— Батюшка, да виданное ли это дело обвинять князя Ивана! Ведь он жених Наташе Шереметевой!

— Жених? — сердито оборвал её отец. — Видали мы таких женихов! Не допустит той свадьбы Пётр Борисович! Довольно, повластвовали Долгорукие! И — молчок о том.

Но Варвара — не будь ленива — побежала к Шереметевым на Ильинку, в дом не входила, так как у Петра ещё не прошла оспа. Получив записку, Наталья, которая в те дни неотлучно сидела возле хворавшей бабушки, выбежала к подруге.

— Натальюшка! — горячо шептала та. — Не знаю я многого, да и сказать не могу, однако ведаю: затевается что-то супротив князя Ивана!

— Что стряслось?

Варвара отчего-то стала уговаривать подругу не принимать ничего близко к сердцу: мол, мало ли что бывает; бывает, что объявляют о помолвке, а Бог по-иному рассудит — значит, такова воля его.

— Что ты говоришь, Варя? Как можно отказаться?.. — побледнела Наталья. — Иван Алексеевич и так, должно, страдает... Его одно время излечит...

— Лечит-то лечит, да только... — вздохнула Варя, — знаешь ведь как при дворе: кто вражду имеет, тому и время не указ, тот только и ждёт, как отомстить кому за старое...

— Не надобно тебе, Варя, сказывать сего мне... Всё одно — люб мне жених мой...

— А... ежели тюрьма?.. Ссылка?..

— Что ты говоришь? Побойся Бога, за что?.. Кончина государя — вот истинное горе, а прочее — пустое, образуется... Батюшка мой не бросал человекa, когда они в беду попадали.

Варя искоса посмотрела на подругу и вздохнула, то ли удивляясь её характеру и завидуя, то ли думая о своём будущем: как отец посмотрит на отношения её с Петром Шереметевым? Ведь жених и невеста они, отец сватает

Кантемира, а ей чуть косящие глазки Петра дороже холодных взглядов Кантемира...

Сестра и брат

Над Долгорукими сгустились тучи. Но если Иван впал в меланхолию, то Екатерина жила какой-то странной надеждой. На что?

Как-то Иван Алексеевич столкнулся с Натальей у Харитония, возле дворца Юсупова, и — надо же! — на встречу им попала Екатерина.

Иван спросил:

— Катька, ты как здесь оказалась? Неужто Юсупов пригласил?

— Это моё дело! — резко ответила она. — Не твоего ума это. Лучше скажи, почему ты ко мне так обращаешься?

— А как я должен обращаться?

— Ты что, ополоумел, братец? Я твоя госпожа... пока ещё. — Щёки её вспыхнули, она готова была испепелить брата своим возмущением.

— Извините, княжна, — попыталась сгладить разговор Наталья.

— Опять «княжна»? Вы что, забыли? Я — государыня!.. Попомните вы у меня такие слова.

— Да какая ты госпожа? Катя, мы проиграли. Всё — в прошлом. — Иван опустил голову.

— Никогда! — выкрикнула сестра и вскочила в карету, что стояла в переулке.

Иван, словно не было рядом любезной его Наташи, почему-то двинулся прочь.

...Есть женщины ровной судьбы, их минуют беды и рытвины на жизненных дорогах, они ловко обходят стороной ямы, умеют подстелить соломку. Наталья Шереметева была женщиной иной, трудной судьбы. Она рано стала приучать себя к «высокоумию», сиречь — к самообладанию и мудрости, жить так, чтобы верной быть своему предназначению. И ещё ей казалось, что душа — вроде как живое существо, её не можно держать в небрежении. Коли откажется человек от того, к чему предназначена душа его, то и саму душу потеряет...

После разговора с братом Петром Наташу охватило мрачное отчаяние. Брату не нужен её брак — ясно: Долгорукие и Черкасские — враги, однако как мог Иван Алексеевич отказаться от слова? Или разум его помутился, или любовь ненастоящая?.. Знать, правду говорили про него: дерзок, нетвёрд душою, умом своим не живёт...

Одевалась теперь Наталья в чёрное, а делала всё механически. Другие в таких обстоятельствах подвержены гневу, слезам, обиде, пускаются в невиданные предприятия, ищут наперсниц для бесед, клеймят возлюбленного. Она ж, напротив, стала тиха, молчалива. Делала всё по дому, никому не перечила, говорила еле слышным голосом, а с лица её не сходила какая-то странная улыбка.

...Уже кончался март. Снежною кашей покрылись улицы Москвы. Много дней не показывалось солнце, будто ушло навсегда. Сквозь плотные облака лишь угадывался его слабый, рассеянный свет.

Как-то, направляясь к обедне в Никитники, Наталья зачерпнула в ботинок снежной воды. Наклонилась, чтобы сбросить со шнурков снег, как вдруг к ней подбежала со-

бака, борзая, серебристой шерсти. Полетка!.. Медленно подняв голову, Наталья увидела перед собой Долгорукого. Лицо растерянное, небритое, взгляд жадно-виноватый, как у голодной собаки, и шепчет:

— Прости меня, графинюшка, не ведал, что писал... Лихо мне, не знаю, как и быть... Не хочешь — не вяжи свою жизнь с моею, а ежели... — И он замолк.

Князь был жизнелюбив, удачлив, никогда не ведал сомнений, а тут горе легко пригнуло его к земле. Он являл собой полное воплощение своего времени — неустоявшийся, противоречивый, чуткий к случайному желанию, невоздержанный.

Он шептал: «Не вяжи свою жизнь с моею», однако весь его вид говорил о другом: «не оставь, без тебя мне погибель!»

Лицо её, тонкое, нежное, источавшее терпеливое спокойствие, действовало на него как бальзам. Они стояли, оба высокие, тонкие, посреди улицы, не замечая людей, не сводя глаз друг с друга. И вот уже смута в княжеской душе утихает, черты лица оживают.

В семье его все перессорились, близкие, родные отворачиваются, грубят, а что говорить о царском дворе? Всего месяц назад приближённые, «ласкатели» искали его расположения, а ныне не замечают. Она, только одна графинюшка, лазоревый цветок, глядела терпеливо, ласково, и князь оправдывался:

— Пётр Борисович велел написать мне ту цидульку... А я-то, я-то... да ежели ты согласная венчаться со мною — счастлив буду!..

Она уткнулась головой ему в грудь. И снова поклялись они друг другу в любви и решили немедленно

венчаться. Как только минует сороковой день кончины Марьи Ивановны.

С того дня юную графиню как подменили. С непонятной, лёгкой улыбкой бродила по дому, всем помогала, всех поддерживала, а по ночам и утрам спала так крепко, что не могли добудиться, — долгие недели, пока ухаживала за бабушкой, почти не отдыхала.

В один из первых дней апреля 1730 года она проснулась, почувствовав на лице свет, когда янтарные солнечные ковры уже легли на пол и стены. Поднялась, помолилась, принарядилась и, довольная, спустилась вниз, к завтраку. Каково же было её удивление, когда увидела она в столовой всех братьев и сестёр, дядю Владимира Петровича и мадам Штрауден...

Откусила кусочек пирожка. Но отчего отвернулся Пётр? И отчего смотрят все выжидающе? Сёстры потупились, не завтракают.

— Отчего не фриштыкаете? — спросила она.

— Дуня, разливайте чай, — приказала гувернантка.

Та дрожащими руками взяла чашку, чашка задребезжала на блюде.

— Что стряслось-случилось? — удивилась Наталья.

И тут все, кроме мрачно молчавшего дяди Владимира, разом заговорили. Не без труда поняла юная графиня, что речь идёт об императрице, что Долгоруким назначен розыск, что следствие ведут Трубецкой, Юсупов, а главный самый — Бирон и не иначе как князя Ивана ждёт ссылка в дальнее имение...

— Натальюшка, сердечушко моё! Невенчанное ведь вы! — заплакала Вера. — Не ходи под венец! Как мы без тебя-то?

Сергей, для которого Наташа была как мать, тоже плакал. Пётр пристально смотрел на всех и молчал.

Мадам Штрауден, строгая и прямая, пододвигала всем чашки. Взгляды обращались к Петру, и он наконец проговорил:

— Герцог и герцогиня курляндские нынче решают всё, от них зависит наша жизнь... Вчерашний день подписала она указ.

— Отчего именно вчерашний, что вчерась сделалось? — в отчаянии металась Наталья.

— Не ведаю, однако 1 апреля что-то стряслось, тайна сие есть... Имена княжеские конфискуют... Государевы предметы, что у Ивана, забрали... И отправят их вон из Москвы. Что станешь делать? Не поедешь же за ним!

— Братушка! Сестрицы!.. Да как же это? Не можно бросать человека в беде!.. Да и свадьба уже решена у нас.

— Что-о? Какая свадьба? — нахмурился Пётр. — Пойдѣшь, не считаясь с нами?.. Ноги моей не будет на той свадьбе!

— Помилосердствуй, братушка!

— Так и знай: ни в церкви, ни на свадьбе!

— Как же я одна-то? Ни батюшки, ни матушки... Ведь ты заместо отца мне, Петруша...

— Отца дочерям слушаться надобно, — отрезал Пётр и вышел из комнаты.

...Ранняя, ранняя весна. Под ногами шуршат прошлогодние листья, в распадах лежит ещё снег... Апрельское солнце осторожно пронизывает оголённый, будто хворый лес.

Графиня с Дуняшей спешат в дальний угол парка. Там назначена встреча с женихом.

Остановились возле красного дуба. Наталья провела рукой по стволу — вид шершавой красноватой коры рождает тревогу... Не послушалась она братьев, сестёр — решилась. Больно ей это, но поступить иначе нельзя.

Огляделись кругом. Лес слабо оживал, звенел птичий гомон. «Вон как хлопчут о птенчиках своих», — говорит Дуня.

Но что это? Будто сами шевелятся в земле ржавые листья, шуршит трава.

Шлёп!.. Шлёп!.. Да это лягуха! Серая лягуха на серых листьях, тяжёлая... С трудом перепрыгнула через ветку и замерла. Ой, ещё одна!.. Ещё!.. А эта плюхнулась в углубление с залежавшимся снегом и села там. Пьёт ледяную воду, отдыхает... Громко вздохнула, вытянулась, приподнялась на задних лапках и сделала ещё прыжок... Господи, да их тут множество: целое войско! И все движутся в одном направлении, ни вправо, ни влево не сворачивают... Плюх, плюх... восемь... десять...

— Дуняша, что это? — Наташа с ужасом глядела на лягушачье шествие.

— Это они пошли икру метать, барыня, — объяснила Дуня. — После зимы ослабели... а кровь-то, всё едино, играет — весна: вот они и идут к пруду, так-то вот каждый год.

— Какая у них кровь, что ты говоришь? Это ж лягухи, они голодные, сонные... Гляди, гляди, перепрыгнула через сучок, посидела — и опять.

— Так Богом устроено. Жизнь, — пояснила Дуня.

«Да, жизнь», — подумала Наташа, вздыхая и оглядываясь вокруг.

В воздухе пахло снегом и свежестью, и лес звенел всё громче, в гнёздах скворчало.

Берёза — старая, каменистая, черноствольная, а за ней — молодые белые деревца, шелестящие сухими тонкими ветвями, похожими на бусы. С треском пролетели сороки...

Земля вокруг дуба усыпана сухими листьями, а сверху сухие, скрюченные ветки будто заломленные в отчаянии руки... Он стоял, должно, здесь не только при отце её, фельдмаршале, но и при деде, прадеде... И всё так же крепок, могуч. Листья пока мертвы, но пройдёт немного дней, солнце даст им силу — и они оживут, заполыхают зелёным пламенем — снова жизни!.. Не так же ли у неё? Минует горе, вернётся радость... Простят её братья и сёстры.

Послышался топот копыт. Вот и он! Стоит во весь рост в коляске, выскакивает к ней, с отчаянной решимостью глядит.

— Друг мой сердешный, ладушка моя! Не раздумала ли? В последний раз сказываю: откажись, не вяжи судьбу свою с моею, ежели не любишь!

— Люблю...

— Не покаешься?

— Не покаюсь! Ни в жизнь не покаюсь!

— Ну тогда — с Богом! — Посадив её рядом, свистнул, и кони помчали к церкви в Горенки.

В Тайной канцелярии, на Лубянке

Попытка России стать демократической страной, подобной Швеции или Англии, — увы! — провалились. Мечта Голицына о европейском правлении лопнула. Князь Дмитрий повторял слова евангелистов: «Много было званых, да мало избранных... Пир был готов, но званые не захотели прийти. Знаю, что головой отвечу, но я стар, жить мне недолго. Те, кто переживут меня, потерпятся вволю».

С властью у русских всегда нелады. Может быть, они не рождены властвовать? Власть опьяняет их хуже наркотиков, крепче вина, сильнее войны и охоты... В самом деле, Анна двадцать лет жила спокойно в немецкой провинции, к чему бы ей власть, но услышала упоительный зов — и помчалась...

Одно дело — самодержавная власть, иное — власть аристократии, лучших её представителей, хранителей нравственности и культуры. Они шли к богатству и славе годы и столетия, соединяя накопление материальных ценностей с духовными. У Шереметевых — неутомимые воинские труды фельдмаршала, и удачная женитьба сына, и неустанная забота внуков о культуре, и радение о сельском хозяйстве, меценатство и забота о церковно-приходских народных школах, и истинное Православие...

Долгорукие основали Москву, прочно сидели в Киеве... А тут? Анна Иоанновна, наслушавшись слухов и клевет, ненавидела Долгоруких, окружавших юного императора в последние месяцы. Недобрыми глазами она смотрела на Ивана, его сестру Катерину, на их отца. Подумать только: Алексей Долгорукий голосовал против неё!.. Она готова была раздавить всё это семейство. Умный её советник Бирон, который, должно быть, прочёл многие-многое книги, говорил про какого-то Макиавелли: мол, государство начинается с того, что уничтожает своих врагов. Долгоруких он сравнивал с мифом о Лаокооне и его сыновьях — они хотели предупредить троянцев о беде, но боги Олимпа послали змей — и Троию захватили спрятанные в деревянном коне солдаты.

Дошла до царицы и молва про наследника, — неужели и вправду Катерина брюхата? И повелела Анна: «Пресечь! Немедля пресечь сие!» И всякий день ждала вестей из Тайной канцелярии — что там с Катериной? Вовсю «работал», ширился долгоруковский розыск, и щупальца его, как змей, распространялись всюду.

В Москве, на Лубянке (той самой знаменитой Лубянке!), находилась Тайная канцелярия, — там же спустя годы поселится знаменитая своей жестокостью помещица Салтычиха, — гиблое место!

Служанку Пелагею, что танцевала на балу, уже привели туда однажды. Шла — дрожала. Возвращалась, ступая то в грязь, то в снег, и на обратном пути совсем заledenела, не так от холода, как от страха. Велено ей там было, чтоб случился у княжны выкидыш! А как сие сделается?..

В расстройстве вернулась в тот день к Долгоруким, а там!.. Дорогая кожаная карета стоит, и выбегает из неё человек нерусской наружности. Подскочил к окну Катерины — видно, знал, где её окно! Только тут из дверей показался старый князь и грубо закричал на незваного гостя: мол, кто тебе разрешил по моей земле ходить?.. Выбежал и Иван Алексеевич, стал урезонивать отца — видно, важный был тот господин. Уж не австриец ли, с которым амурилась княжна? Только горда она — не вышла, даже не выглянула из окошка.

С того дня всего недели две миновало, и опять доставили её на Лубянку. Москву совсем развезло. В ботинках хлюпало, руки Палашки коченели. Проедет тройка или карета — достаются грязные шлепки не токмо по одежде, но и по физиономии. И надобно бы отомстить Катерине — за Миколу, за младенца, которого они загубили, за высокомерие её, да вроде как жалко...

Человек, говоривший с ней, был тот же: длинные уши, серое лицо. Свет от свечи падал снизу вверх, и оттого уши его, тени их длинные прыгали по стене. А Палашке вспоминался Брюсов дом, физиономии на стене — рожки, уши, высунутый язык... Чертяки! Сказывали, будто хозяин налепил тех, чтобы отпугивать злых людей, дурные «ехи», однако...

Глухо стучали по стенам казённого дома слова, которые говорил ушастый:

— Пора, пора, девка! Ты что удумала-то? Аль не желаешь во дворце служить?

Возвращалась Пелагея, понутив черноволосую голову свою, не зная, как быть, что делать... Под ногами

хлюпала вода, и уж полны были боты... Зато к ночи опять так подморозило, что и луж не осталось, всё заледенело. Луна, круглая и нахальная, не спускала с Палашки глаз всю ночь... И думала она про знахарок и ведьм, которые водились в Глинках. Кто-то сказывал, что «опростаться можно с испугу» — привидения и прочие явления бывают возле кладбища. И тут у Палашки созрел план!..

Катерина боится привидений и всяких знаков, а ещё не спится ей в лунные ночи. Как начнёт круглиться луна — по три дня это бывает, — так и глаз не сомкнёт...

А луна в те дни, как по приказу свыше, ширилась и зрела...

Ночью упал на лицо княжны белый мертвенный свет — она вскочила так, словно в комнату прокрался грабитель с ножом.

Долго ворочалась с боку на бок, злясь на себя и на всех, кто терзал её. Наконец под утро, обхватив живот, свернувшись калачиком, заснула...

Что говорить о Палашке? Ей тоже было не до сна — маячили перед глазами «ослиные уши», падали со стен его глухие слова... А ещё почему-то думалось о ласковом и славном князе Иване Алексеевиче: был фаворитом у самого императора, а стал — не узнать его... Ну-ка вдруг заподозрит он Палашку? Правда, похоже, в голове и сердце его царит одна Наталья Шереметева. Сказывают, что днями у них свадьба. Да только не отпустит графинюшку её братец...

На вторую ночь снова светила безумным светом луна, а Палашка уже кое-что придумала, ещё с вечера...

Катерина долго не спала, наконец, согревшись, съевшись, задремала — и тут в дремотном полусне раздался такой шум и треск, что она, озираясь по сторонам, вскочила: «Господи, помилуй!» Крикнула Палашку. Перед ней, напротив, на освещённой луной стене, где висел портрет мужа-императора, предстало пустое место! И Катерина грохнулась об пол.

Весь тот день она валялась в постели сама не своя. Знала, что завтрашним днём у брата Ивана свадьба с этой Наташкой. Вроде умна, да только к чему она? В доме станет тесно, Иван голосистый, семья у них ссорная — благо Наташка тихая...

Наступила новая ночь, и опять в окно палилась луна, белая, полубезумная, серебристая — хоть бы одно облачко! И опять Катерина не могла уснуть, а когда сон сморил её — снова раздался грохот. Неужто муж её «является»? Не желает, чтобы была она покойна и выносила младенца, наследника?..

Утро началось с криков и пощёчин — княжна расходилась так, что её не могла унять даже мать Прасковья Юрьевна. Портрет императора велела вынести в другую комнату, чтоб его тут не было.

Весь день, до возвращения брата с женой из церкви (сама Катерина туда не пошла, сославшись на хворобу), разбирали её досада и злость. Вспоминала Миллюзимо, который — ну-ка подумать! — являлся к ним, только она не показалась в окне, соблюла честь... А ведь могла вернуть любимого, но не позволила! Теперь она вдова и императрица и ждёт наследника...

Нерадостная свадьба

У кого свадьбы многолюдные, шумные, с великими застольями, с песнями-плясками, шутками-таратутами, скоморохами, у кого на венчании — толпа сродников, ждущих молодых из-под аналоя, а тут от невестинной стороны только две старушки, дальние родственницы, ни братьев, ни сестёр... Радость, настоящая на горечи, вино, перемешанное со слезами, вместо мёда полынь — вот что было венчание Шереметевой и князя Долгорукого.

Истинно — Горенки от слова «горе». Здесь прощались перед дальней дорогой в ссылку. А в этот день 8 апреля 1730 года, лишь ступила невеста на крыльцо, выйдя из церкви, старушки, сродницы её, откланялись, и отправилась она одна-одинёшенька к новым родичам в дом. Каково-то встретят? Полюбится ли им, полюбятся ли ей они?..

Встретили, как полагается, хлебом-солью. Рюмки поднесли на пуховых подушках, выпили — и оземь! Усадили за стол, полный яств. Улыбались сёстры, шумно угощались младшие братья — Александр, Николай, Алексей. Но отчего-то над Натальей Борисовной как бы витало невидимое тёмное облако.

Свёкор был рассеянный, о чём-то тихо переговаривался со своей Прасковьей Юрьевной. И отчего-то не было за столом Катерины — она сказала, что больная, не желала никого видеть. Что приключилось, Наталье не рассказывали, а спросить нельзя, не положено. Свекровь глядела на невестку ласково, но угощала за столом всё больше

сына: «Ешь, Купита, любимое яство твоё...» Имя это его домашнее покорило Наталью, но виду она не подала.

Единый ей был свет в окошке теперь — муж Иван Алексеевич. Он сидел в задумчивости, не выпуская её руки из своей. А потом вдруг вскинул голову, живым огнём сверкнули глаза, и проговорил:

— Знайте: спасительница моя единственная — Натальюшка! Прошу любить и жаловать... Дороже её нет никого. — И опять опустил голову. А затем взял гусли и запел-запричитал грустно-весёлое:

Беспечальна мати меня породила,
гребешком кудрецы расчёсывала,
драгими порты меня одеяла,
и отошед под ручку посмотрела:
хорошо ли моё чадо во драгих портах?
А в драгих портах чаду и цены нет!..

Опустилась ночь. Окна занавешены. Перины приготовлены. Молодые вступили в опочивальню. И никто, кроме месяца молодого, народившегося, туда не заглядывал, лишь ему ведомо, как отчаянно ласкал князь жену, как настойчивы были умелые его руки, а поцелуи маленького пухлого рта — как следы лепестков на её теле... Чуть не три дня не выпускал робкую жену из опочивальни...

Катерина так и не явилась к столу.

Палашка не отходила от неё. Тихо сидела в уголке с виноватым лицом, готовая вскочить на голос княжны. Но та молчала, а потом даже прогнала служанку.

Ночью опять во всю мочь вызвездилась луна. Болело и ныло внутри, смятенный сонм чувств разрывал Катерину. К утру стали смежаться её чёрные очи, но тут — что за дьявол? — раздался стук. Четыре раза — тук-тук-тук-тук!.. Словно костяными пальцами кто-то размеренно стучал — в потолок, в дверь, в стену?..

Больная позвала матушку — и!.. Всё и свершилось...

Весть та в скором времени донеслась до Тайной канцелярии — и человек с ослиными ушами явился к Бирону, сообщил, что наследника более нету...

Сказывали, будто у фаворита разговор был с ушастым.

— Что у Долгоруких ещё делается? — спросил вежливый герцог.

— Восьмого венчается Иван Алексеевич с Шереметевой.

— Восьмого?.. Три дня им дать, а после... Одиннадцатого числа подать бумагу царскую... Иди.

А далее события развивались стремительно. Восьмого апреля состоялась печальная свадьба, на которую никто из сродников Наташи не явился, а потом — всех в ссылку...

От лёгкого шереметевского сердца

С третьего дня молодым положено навещать родственников своих, близких и дальних. В первую очередь молодожёны отправились к дяде Сергею Григорьевичу. Надев бледно-зелёное в полосу шёлковое платье, вплетя

в волосы жемчужную нитку, накинув мантилью на беличем меху, вышла Наталья Борисовна в гостиную. Слуга князя едва успел застегнуть все пуговицы на немецком кафтане — было их множество, целых двадцать.

Заложили коляску, сели. Братья и сёстры вышли на крыльцо проводить, даже Катерина появилась — изменившаяся, похудевшая, с тёмными кругами под глазами.

Вдруг на дороге затарахтело — кто и к кому? Не иначе к ним... Старый князь, который был в постоянной тревоге, сразу узнал чиновника из Сената. Пробормотал что-то насчёт ищеек Остермана и обмяк. Прасковья Юрьевна где стояла, там и села.

Чиновник протянул князю пакет, тот расписался, и карета повернула назад. Алексей Григорьевич с ненавистью поглядел вслед чёрному посланнику и разорвал конверт.

Его обступили. Но князь читал молча. Все ждали — он лишь повторил побледневшими губами: «...отправляться в дальние деревни... в ссылку до особого распоряжения...»

Взявшись за балясину крыльца, Прасковья Юрьевна закачала головой, глядя без всякого смысла в пространство.

Наталья не понимала происходящего, однако с молодой горячностью заговорила:

— Батюшка, матушка! Да как же это? Да можно ли ни в чём не повинных людей ссылать? — Она потёрла лоб, не веря в происходящее и стремясь найти выход. Удивляясь собственной смелости, предложила: — Надобно ехать к государыне! Рассказать ей всё как на духу — и смилостивится она!

— Молода ещё, не мыслишь всего, — осадил невестку старый князь. — Милости её нам не дожидаться, верховники ей теперь не указ, всех готова извести.

— А что у дяди Сергея? Надобно ехать к нему! — всполошился Иван Алексеевич.

— Не можно сие так оставлять, надобно с ним совет держать... — подхватила Наталья и первая двинулась к коляске.

Дорога была сухая, и лошади быстро домчали их до Знаменки. Сергей Григорьевич вышел навстречу без парика, всклокоченный. По одному его виду можно было понять, что и тут дела худы. Сразу спросил:

— Был ли у вас секретарь из Сената?

— Был... — бледнея, отвечал Иван.

— И у меня был. Указ — ехать в ссылку...

— Да как же это? Неужели правда?.. — Наталья схватила мужа за рукав. — Сергей Григорьевич, Иван, дозвоьте мне, я поеду к государыне!

— Видала ты, какова эта государыня, милости от неё не жди... — поник князь Иван.

Вошёл слуга с вопросом:

— Чего изволите?

— Пошёл вон! — рассердился князь Сергей. Попыхивая трубкой и сильно дымя, он подбавил поленьев в камин.

— В три дня велено собраться и ехать.

— Как?.. В три дня? — слабея, переспросил Иван.

— Да вот так!

— Какое злодейство! Дак это же как у турков: пришлют для особого знака верёвку — и удавись... — возмутилась

Наталья, полная благородного негодования. Не знала она того, что 1 апреля у Катерины случился выкидыш, ищайки выведали сие, нового наследника можно было более не опасаться, и оттого решили в спешном порядке выслать Долгоруких.

Когда молодые вернулись в Горенки, домашних они застали в полном смятении. Крики, слёзы, беготня! Всё ходило ходуном... Уже собирались в дорогу, перетряхивали сундуки, рундуки, вынимали шубы, хлопали залежавшиеся одеяла, складывали в мешки, мерили сапоги, валенки...

Сёстры и братья суетились, Алексей Григорьевич командовал, жена его следила, как укладывают. Лишь Катерина не принимала ни в чём участия, равнодушно поглядывая вокруг.

«Отчего они тёплые-то вещи берут? Разве до зимы там быть? — удивлялась Наталья. — Драгоценности прячут, бусы, ожерелья, иконы в золотых окладах — к чему?»

— А мы-то что возьмём? — спросила мужа. Он лишь потерянно пожал плечами, и ей пришлось собираться самой.

Ни знания жизни, ни опыта не было, и брала девочка-графиня лишь самую необходимую одежду, да ещё палочки, да нитки (как без вышивания жить в отдалении?), да ещё дорогую ей книгу — «Четьи-Минеи», ну и золотую табакерку, подаренную государем на помолвку, да гусли Ивановы...

А через два дня в Горенках появились солдаты. В грязных сапогах ввалились в дом, а командовавший сержант бесцеремонно заглядывал в комнаты, покрикивал:

— Скорее! Ждать недосуг!

Князь Иван осадил грубияна:

— Куда прёшь, дубина!

— Но-но!.. Велено нам, и не хотим мы оплошки!

— Как разговариваешь с князем? — Долгорукий чуть не с кулаками бросился на сержанта.

Тот промолчал, но взгляд его явственно говорил: мол, был князь, фаворит, а нынче ты не князь мне. Наталья повисла на руке у мужа: «Тише, тишенько, Ванюша...»

Утихли крики, плач, беготня... Телеги нагружены, лошади запряжены, кареты налажены — долгоруковский обоз двинулся.

Было это на пятый день после венчания молодых в Горенках. В первой карете сидели Алексей Григорьевич с Прасковьей Юрьевой, во второй — сёстры Катерина и Елена, в третьей — братья Алексей, Николай, Александр, а в последней — новобрачные. Ещё отдельно ехали слуги и... мадам Штрауден с Дуняшей. Да, узнав о предстоящей печальной участи своей воспитанницы, гувернантка не раздумывая отправилась вслед за нею. Отпустил Пётр Борисович и девку Дуняшу, к великой её радости.

Мужественно, с какой-то отчаянной решимостью даже встретила весть о ссылке юная княгиня Долгорукая. Ни слёз, ни жалоб — на лице подбадривающая улыбка. Ради мужа бросалась она в пучину бедствий, теряя богатство, родных, Москву. Если и грустно ей было, то лишь оттого, что братья и сёстры не пришли проводить. Но она и это прощала — ведь рядом Черкасские, а ему, вице-канцлеру, нет ничего страшнее великосветских сплетен.

Дорогой её братец всё же прислал сестре любезное письмо и деньги. Целую тысячу рублей. Но Наталья рассудила, что ни к чему ей столь большие деньги, и вернула половину назад. Почему она это сделала? По неопытности? Из гордости? От лёгкого шереметевского сердца.

...11 апреля 1730 года отправились Долгорукие в ссылку.

(Эти-то числа, цифры и стали основой авторской версии всей этой истории. Тайна закрыта здесь: 5 марта Анна узнала о вине отца и сына Долгоруких, а при мстительном её нраве она бы тут же подписала указ о ссылке. Но была загвоздка — Екатерина. Анна выжидала. И потому указ Долгорукие получили 8 апреля, а через три дня были отправлены в ссылку.)

Поверженная невеста

Екатерину в те дни было не узнать — и раньше горделива сверх меры, умна, спесива, была по щекам служанок, за собой всегда оставляла последнее слово, любовалась собой в зеркальце (как тут не вспомнить сказку Пушкина?) — ничего не стоило ей разбить зеркальце. А тут...

Три дня провалявшись в постели, шатаясь, поднялась — и услышала про указ «злыдарихи» о высылке их из Москвы. О выкидыше никто не знал, кроме Палашки, а той пригрозила: ежели скажешь кому — тебе не жить.

После всего, что имела, после царского обручения — лишиться всего?! Ни денег в меру, ни власти, ни любви, ни младенца-наследника?! Да ещё ехать куда-то? Да ещё в три дня собраться?

А ведь как была счастлива! Мила, кокетлива, любезна, обучилась европейским манерам, будучи с отцом-посланником в Европе! Её портреты писали лучшие художники. У француза Буше она с розой в руке — и как хороша! Характер тоже виден: благоухает красная роза, однако видны и шипы, — с Катериной никому не станет скучно, уколы мелкие, булавки да шпильки, — и шипы, известные русским и европейским дамам... Разве не сказывали ей комплименты — не только кавалеры, но и супруги посланников.

Жизнь и судьба её — увы! — во власти фатума, рока...

Теперь три дня в доме Долгоруких шла хлопотня — сборы в неведомую дорогу. Что взять — на зиму, на лето? Или скоро они вернутся назад?.. Может, в свою пензенскую усадьбу сошлют, а может — как Меншикова...

Катерина, обладавшая сильным характером, в общих сборах почти не участвовала...

Впереди Катерину Долгорукую, вдовствующую императрицу (как она себя называла), ждали не княжьи имения в Пензе, не короткое гостевание, а — десять лет ссылки и пребывание в том самом месте, куда был сослан Меншиков.

Брюсовы ночи

А Брюс жил верстах в сорока от Москвы, в своей усадьбе Глинки, и в те тревожные лунные ночи совсем не спал: не отходил от телескопа.

У него был ещё стеклянный шар синеватого цвета, подвешенный на шнурке, который вращался под его взглядом в особенные, лунные часы, — и можно было видеть замысловатые картины... Помогали и зеркала, которые он умел полировать до полной кондиции.

Яков Вилимович всматривался в отражения зеркал, и они уводили его далеко-далеко... Вспомнились девицы-отроковицы, что в Летнем саду умоляли когда-то его погадать... Жива ли Марья в холодной своей ссылке? Жив ли смельчак полтавский, храбрец Меншиков? Или расправилась с ними судьба?

В крутящемся цветном шаре Брюсу увиделось небо в сполохах... Северное сияние? И тут же напоззли тучи... Только что малые дети играли под всполохами цветов — и опять заволокло всё, затмило... Склонился человек над землей и роет что-то. Ужели копает могилу? Да и не одну...

Шар закрутился, луна скрылась в облаках — и видение исчезло...

Но вскоре, как только Брюс перенёсся мыслью к Наташе Шереметевой, всё опять завертелось, а в зеркалах явились тени и лики... Как бы анфилада комнат, дворец... Кусковский?.. А где же Наталья?.. Отчего она в чёрном, а лицо — молодое и красивое? Так молоды бывают святые да избранники... Лицо ангельское, чистое и светлое, а сама в чёрном одеянии — уж не монашество ли ждёт её впереди? Ах, фельдмаршал Борис Петрович, как воевали мы с тобой под началом Петра, сколько писали про бомбы, мортиры да снаряды... Называли друг друга уважительно: «Милостивый государь... Любезный товарищ... Дозволь... Свидимся на Страстную седмицу, друг».

Да, из четырёх княжон, которым когда-то учёный предсказывал судьбу, есть ли хоть одна счастливая?

Может быть, Варвара Черкасская? Детская дружба её с Петром Шереметевым длится и длится — ясное дело, власть возымели амуры. Прогулки в парке, катание с гор, балы да маскарады — благодатные времена. Но что потом? Похоже, новая императрица определила её себе во фрейлины, а это значит — никакой свадьбы...

Вглядываясь в крутящийся шар, Брюс сравнивал движение с положением звёзд через год, напрягался, как это делают магнетизёры... Теперь он хотел знать, что станет после смерти Петра II с Катериной Долгорукой. Уйдёт в монастырь, вернётся к Миллюзимо?.. Только сколько ни вглядывался в зеркала, сколько ни вращал взглядом синий шар — ничего не увидал.

Между тем ещё неделю назад Остерман прислал извещение о долгоруковском розыске, касаемом старого князя, сына его Ивана, а более всего — дочери Катерины. Но ни Лунный календарь, ни чертежи и проекции на звёздное небо не помогли...

Брюс спустился вниз. Там его давно ждала супруга Маргарита. И ни с того ни с сего набросилась на мужа. В чём только не обвиняла! И собаки-то, мол, по ночам лают, спать не дают. И лошадей множество, а пользы никакой. Проклинала запахи из алхимической лаборатории, его самого с бредовыми идеями и сидениями в холоде наверху. Вспомнила (в который раз!) о двух дочерях их — мол, скончались они из-за него, проклятого: не жалел ни дочерей, ни её, Маргариту.

Ссоры такие повторялись столь часто, что Маргарита потребовала, чтобы ей был построен отдельный дом, — и муж обещался. Сам же он после таких ссор вскакивал на коня, или в санки, или в карету — и мчался в Москву: не терпел криков, ругани и пререканий. В Москве у него было четыре дома, а неподалёку от дома на Мясницкой — лютеранская кирха. Становился там в тёмном углу и предавался в покое мыслям своим. Но в тот мартовский вечер едва успел свернуть в переулок возле церкви Козьмы и Дамиана, как почувствовал удар в спину — бросили в него камнем, снегом, льдиной? В досаде обернулся, крикнул, но те уже скрылись. Обычные грабители, дерзкие парни — или ненавистники «латинцев», лютеран?..

Мысли, как дятел, колотили в затылок. Церковь, кирха, мечеть — всё имеется, и почти рядом, в сём благодатном месте Москвы. Взгорки, спуски, извивы переулков и тупичков Басманных. Крутой подъем к Иванову монастырю, к церкви Иоанна Предтечи, ещё один — вправо и влево — к кирхе и храму Богоявления... Путаница улиц — не то, что проспекты петровской столицы, и всё же любя Брюсу Москва, изучил он её, знает холмы и пустоты, подземные ходы и залегания. Ещё бы! Брюс из редкого числа рудознатцев, и ведомы ему тайны...

Но — всё же! — кто ударил его в спину? Нетерпимость московская к новизнам царя Петра, нелюбовь к иноземцам, неметчине, к вере иной?.. Не раз Брюс говаривал со священниками, те обвиняли веру его умственную, — мол, сидят лютеране в храме и поют по каким-то книжицам: «Отступники вы от веры христианской!» Это похоже на царевича Алексея — всё же ортодоксально Православие!

Разве не один для всех Бог на небе и разве мало доброго почерпнул царь Пётр на «немецчине»? Истинно свободным, православным сам оставался, ему, Брюсу, позволял быть крёстным для русских, но охотно приглашал к себе умных немцев, шведов, иудеев... «Что за безделица? — говорил. — Ежели то на пользу Отечеству, так и славно...»

В кирхе звучал орган, на смену басам вступали переборы дискантов, аккорды, подобные небесному грому... И опять пронизывали тонкие, чуть хриплые высокие звуки...

Под эти звуки покидал кирху граф Брюс — астролог и астроном, математик и артиллерист, ботаник и минералог, физик и коллекционер редкостей, изобретавший «эликсир бессмертия», получивший от Петра I звание генерала-фельдцейхмейстера.

Однако так и не прочитал он судьбу «невесты-государыни». Их, конечно, вышлют, но куда? И что задумала Катерина?

Если бы кирха дала полное успокоение! Нет, Яков Вилимович вернулся к себе в черноте ночи — и опять в свете свечи стал двигать свой синий шар...

Что там? И сразу опять явилось ему то странное видение: человек на корточках копает землю. Облака приоткрыли луну, его повелительницу, — и Брюсу совершенно ясно предстала могучая фигура копавшего на корточках что-то в мёрзлой земле. Меншиков?! Да кому же он роет могилу, несчастный страдалец? Уж не своей ли любимой дочери Марье?.. Но тёмное облако надвинулось — и луна исчезла...

Высоко взлетать — тяжело падать

Да, сцена, представшая нашему наблюдательному уму, действительно случилась там, в Берёзове.

У Марьи был возлюбленный — Фёдор Долгорукий (и тут эта княжеская фамилия!). Его направили в Персию, а ехать туда — через Сибирь. Можно и по-другому, но он, узнав о месте ссылки Меншиковых, отправился в Тобольск.

Губернатором в Тобольске тогда был его дядя Михаил Долгорукий, и Фёдор уломал того отпустить его ненадолго в городок Берёзов повидаться с дорогим семейством — там милая его сердцу Марья!

Недолго пробыл в Берёзове Фёдор, но встреча была жаркая, со слезами смешанная.

Постелил отец на полатах и ушёл — он строил церковь.

Сам отслужил в недостроенном храме службу — и под тёмным небосводом благословил детей...

Марья, должно быть, шептала ночью слова, которые так долго копила для любимого, молила Бога, чтобы Фёдор подарил ей ребёночка, и стал бы тот ребёночек под чёрными небесами вместо солнышка. «Останься, Феденька, у тебя дядя губернатор, неужто не отпустит?» — «Милушка, дорогая, человек не волен в судьбе своей. Если бы можно — я бы всю жизнь тут с вами переносил долгую ночь», — отвечал он.

Конечно, Фёдор опоздал к сроку вернуться в Тобольск, дядя осердился на него и немедленно, дав пол-охраны, отправил в Персию.

Долго безутешной оставалась Марьюшка, и только мысль о ребёночке поддерживала её. Да и отец не давал расслабиться. «Работать, надо работать!» — говорил он, достраивая церковь. Вечерами они читали Библию, в иные дни Меншиков диктовал свой мемуар...

Марья говорила: «Погадать бы у кого...» Отец возмущался: «Брюса тут нету. А человек сам должен строить свою судьбу, а не гадать». И, набросив полушубок, сунув за пояс топор, уходил.

Каково далее сложилась судьба Фёдора — неизвестно, а Марьюшка... Выносила она под чёрным небом двух малюток. Отец ждал, радовался продолжению рода, да только что за жизнь новорожденным княжичам под таким градусом северной широты?

Скончались малютки, не повидав белого света, а вслед за ними и сама Марья...

Вечная мерзлота! Так вот почему Меншиков чуть ли не зубами грыз мёрзлую землю — понял Брюс...

Сперва высоко взлетел светлейший князь — и упал хуже некуда.

Такое же (если не горше) падение ждало и князей Долгоруких. Их выслали из Москвы, и они, как Меншиков поначалу, утешались мыслью: пересидят в своём пензенском имении — и вернутся...

Но супруга Алексея Григорьевича чувала другое, — она была посильнее жены Меншикова: Дарья Михайловна рыдала всю дорогу и, когда прибыли в Казань, ослепла от слёз и скоро скончалась.

Княгиня Прасковья Долгорукая слёз не лила, детей и мужа утешала. К тому же была мастерица рассказывать сказки, песни, былины — и при случае, когда собирались у костра, пела или рассказывала речитативом о старине. Известно: русская история держится на бабьих сказках да песнях.

— Вот прибудем мы в село своё Селище — и заживём тихо-спокойно, — говорила она. — Там — как в сказе: «На реке-окияне, на острове Буяне стоит бык печёный, в задучеснок толчёный, — с одного боку-то режь, а с другого таскай да ешь!..» Встретят нас слуги дворовые, угостят чего душа пожелает, песни будут петь, пляски плясать...

— Матушка, что говорите? — усмехалась Катерина. — Сумнительно это.

— Не жались, Катеринушка, — отвечала мать. — Не лукавь. Будешь лукавить — так чёрт задавит.

Долгорукие, отъезжая от Москвы великим обозом, сперва выглядели как истинные князья: братья — в петровских париках, тёмных, старый князь — в седом парике, женщины в жемчугах, бархатных шубейках, отороченных мехом.

Катерина ехала в особой карете со служанкой, поглядывала на царский перстень, что у неё на пальце. Позади «невесты-государыни» была карета с молодожёнами, и если попадались Иван с Натальей в поле зрения Катерины на лице её являлась гримаса досады и пренебрежения, за которой она скрывала зависть к влюблённым голубкам.

Много было нелепостей, внезапностей в дороге — от неопытности и горячности Долгоруких. Реки тогда под-

нялись — весна! — и с трудом находили сухое место для ночлега. Добрались до Пензенской губернии, до княжеского села, думали, что тут конец пути. Однако солдаты не отставали, зорко глядели за ними. Прасковья Юрьевна пригорюнилась и пела теперь иное:

Поля там костями посеяны,
Кровями политы,
Воды вознища,
Весть подаваща,
За Волгу, за железные врата,
На дышащее море...
На иные на горы,
На сибирские укрáины...

И добавляла: «Жди горя с моря, а беды от воды...»

Предчувствия княгини оправдались. В усадьбе к охранявшим их солдатам прибыли новые, с указом из Петербурга, от императрицы: ехать Долгоруким далее, в Сибирь, в городок Берёзов. Туда, где содержали Меншикова?..

Редко выпадает историкам такая удача: Наталья Борисовна Шереметева-Долгорукая оставила записки о том путешествии. Приведём несколько отрывков из её книги:

«Пресвятая владычица Богородица, не остави в страшный час смертный!..

Когда соберу в память всю свою из младенческих лет жизнь, удивляюсь сама себе, как я эти все печали снесла, как я все беды пересилила, не умерла, ни ума не лишилась:

всё то милосердием Божиим и Его руководством подкреплена была. С четырёх лет стала сиротою; с 15 невольницею; заключена была в маленьком пустом местечке, где с нуждою иметь можно пропитание. Сколько ж я видела страхов, сколько претерпела нужд!

Будучи в пути, случилось ехать мне горами триста вёрст непрерывно, с горы на гору вёрст по пяти. Эти же горы усыпаны природным диким камнем, а дорожки такие узкие, что в одну лошадь впряжено; а по обе стороны рвы глубокие и лесом обросли, а ехать надобно целый день, с утра до ночи, потому что жилья нет, а через сорок вёрст поставлены маленькие дворики для пристанища и корму лошадей. Я и тогда думала, что меня живую не довезут. Всякий раз, что на камень колесо въедет и съедет, то меня в коляске ударит, что так больно тряхнёт, кажется, будто сердце оторвалось.

Между тем один день случилось, что целый день дождь шёл и так нас вымочил, что как мы вышли из колясок, то с головы до ног с нас текло, как бы мы из реки вышли. Коляски были маленькие, кожи все промокли, закрыться нечем, да и приехавши на квартиры — обсушиться негде, потому что одна только изба, а фамилия наша велика, все хотят покою. Довольно бы и того мне, что я пропала и такую нужду терплю, так, забыв себя, жаль товарища* своего: не могу видеть его в таком безвинном страдании.

* Ивана Долгорукого Наталья Борисовна в своей книге называет то товарищем, то невинным страдальцем, — ни разу мужем.

Рассудилось нашим командирам переменить нам тракт и везти нас водою, или так и надобно было. Я и рада была, думала, мне легче будет. Я и отроду по воде не езжала и больших рек, кроме Москвы-реки, не видала. Первое, когда мы тогда назывались арестанты, это имя уже хуже всего в свете. С пренебрежением, какое случилось, дали нам судно худое, что все доски и из чего сделано оно — рассохлись, потому что оно старое. В него нас и посадили, а караульные господа офицеры для своего спасения набрали лодок и ведут за собою. Я тут такого страху набралась! Как станет ветер судно наше поворачивать, оно и станет скрипеть: все доски станут раздвигаться, а вода и польёт в судно. А меня замертво положат на палубу наверх; безгласна лежу, покудова всё утихнет и перестанет волнами судно качать — тогда меня вниз сведут...

Однажды что случилось: погода жестокая поднялась и бьёт нас жестоко, а знающего никого нет, кто б знал, где глубь, где мель, где пристать; ничего того нет, а так всё мужичьё, плывут куда ветер гонит, а темно; уже ночь становится; не могут нигде пристать. Якорь бросили посреди реки — не держит, оторвало и якорь. Меня тогда уже не пустил мой сострадалец наверх, а положил меня в чулане, который для нас сделан был, дощечками огорожен, на кровать. Я так замертво лежу; слышу я вдруг: нас как дёрнуло, и все стали кричать, шум превеликий стал. Что же это за крик? Все испугались; нечаянно наше судно пригнуло или прибило в залив, и мы стали между берегов, на которых лес и большие берёзы. Вдруг стала эта земля

оседать несколько сажен и с деревьев опускаться в воду, и так ужасно лес зашумит под самое наше судно, и так нас кверху подымет, тотчас нас в тот ущерб втянет. И так было очень долго, и думали, что пропали, и командиры наши были совсем готовы спасать свои животы на лодках, а нас оставлять погибать; наконец уже видно стало, как эту землю всё рвало, что осталось её очень мало, а за нею вода, не видно ни берегу, ни ширины её, а думают, что надобно быть озеру. Когда б ещё этот остаток оторвало, то надобно б нам быть в этом озере. Ветер преужасный. Тогда-то я думала, что свету преставление, не знала, что делать, ни лежать, ни сидеть не могла, только Господь милосердием своим спас наш живот. У работников была икона Николая Чудотворца, которую вынесли на палубу и стали молиться: тот же час стал ветер утихать и землю перестало рвать, и так нас Бог вынес...»

Что за явление наблюдала Наталья в плавании по реке — сказать трудно. Однако из её описаний предстаёт картина суровая, стихия триста лет назад, видимо, бушевала не так, как в XXI веке.

Более шести месяцев длился их путь (с апреля по сентябрь), прежде чем высадили арестованных в остроге: «С трудом довели нас в маленький городок, который сидит на острове». Вскоре пришлось узнать ссыльным, что острог обнесён кольями, забором высоким, кругом вода-вода-вода. Народ там носит олени шкуры, «передние ноги вместо рукавов, едят сырую рыбу, а домики из кедра, с ледяными окнами вместо стекла... Десять месяцев там зима, морозы неслосные и ничего не ро-

дится — ни хлеба, ни капусты... Тогда я плакала, для чего меня реки не утопили».

В начале пути, в верховьях, у Тобольска Наталья ради мужа, который винил себя из-за неё и плакал, утешала его. Когда он поймал рыбу, привязала к жабрам верёвочку и, глядя на невольницу, говорила мужу: «Вот и не одни мы в неволе, рыбка тоже».

Наталье, как всякой женщине, пришлось брать на себя горести, «держаться», чтобы не огорчать впавшего в отчаяние Долгорукого. Впрочем, его подвиг был ещё впереди.

«Не можно всего страдания моего описать и бед, сколько я их перенесла... радость моя была с горестью смешана, он был болен от несносных бед, источники его слёз не пересыхали. Жалость его сердце съедала; видев меня в таком жалком состоянии, молитва его пред Богом была неусыпная; пост и воздержание нелицемерные; милостыня всегдашняя, не отходил от него просящий никогда тощ; правило имел монашеское, приобщался святых тайн и всю свою печаль возверзил на Бога. Злобы ни на кого не имел, никому зла не помнил и всю свою бедственную жизнь препроводил христиански и в заповедях Божиих; и ничего на свете не просил у Бога, как только царствия небесного, в чём и не сомневаюсь.

Я не постыжусь описать его добродетели, потому что я не лгу. Не дай Бог, что написать неправильно. Я сама себя тем утешаю, когда вспомню все его благородные поступки, и счастливою себя считаю, что я его ради себя

потеряла, без принуждения, из своей доброй воли. Я всё в нём имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моём. Он меня учил Богу молиться, учил меня к бедным милостивою быть; принуждал милостыню давать, всегда книги читал, Святое Писание, чтоб я знала слово Божие; всегда твердил о незлобии, чтоб никому зла не помнила. Он — фундатор всему моему благополучию теперешнему, то есть моё благополучие, что я во всё согласуюсь с волей Божией и все текущие беды несусь с благодарением; он положил мне в сердце за всё благодарить Бога. Он рождён был в натуре, ко всякой добродетели склонной, хотя в роскошах жил яко человек, только никому зла не сделал и никого ничем не обидел, разве что нечаянно»*.

...Чем дальше на север, тем всё шире и полноводнее становилась Обь. Оставалась одна ночь пути, когда путешественникам предстало опять необычайное зрелище: по небу запылали синие, зелёные, жёлтые полосы. Будто гигантская люстра свисала с небес, и яркие светлы то возникали, то меркли, внушая страх и трепет. Наталья залюбовалась, золотки схватились за руки, а с Катериной стало твориться что-то невообразимое. Она колотила рукой по деревяшке, рыдала в голос, рвала на себе платье. Охватило ли её воспоминание — или каялась в согрешении? Никому ничего не говорила. А потом выпрямилась, отёрла слёзы и замкнулась в молчании...

* «Своеручные записки княгини Наталии Борисовны Долгоруковой 1767 года».

Утром среди необозримого водного пространства предстал возвышающийся вдали остров... Острог! Множество деревянных домиков, крыши их, обвеянные ветрами, промытые дождём, серебрились. Это был городок Берёзов...

«Становись! — крикнул офицер арестантам. — Мешки, корзины готовы!» И стал подталкивать Долгоруких, при этом коснулся плеча Катерины.

Она пригвоздила офицера огненным взглядом и с ненавистью проговорила: «Холоп! Надобно и во тьме свет видеть!»

Встреча Долгоруких и Меншиковых

В те первые дни в городке Берёзове ещё проживали Меншиковы. Марья с детьми и сам светлейший князь уже скончались, но оставались дочь Александра и сын Александр.

Однажды княжна Меншикова шла по дороге, ведущей от их избы к церкви, заметила она черноволосого человека, выставившего голову в окошко хижины. Она не обратила никакого внимания на него, думала: ну, глядит себе какой-то местный мужик, а может, тоже ссыльный. Был он длиннородый, не поймёшь, какого возраста. Она заметила, однако ж, что мужик, не распознавший её сначала в крестьянской одежде, взглядевшись в её лицо, проявил знаки внимания и даже не скрыл своего изумления.

Возвращаясь из церкви домой, княжна увидела того же мужика в окне, подававшего ей знак. По выражению

его лица и жестам поняла она, что он желает говорить с нею.

— Кто ты и что тебе надобно? — спросила Александра Меншикова, думая, что это какой-то простолюдин.

А то был князь Алексей Григорьевич Долгорукий, узнавший её и полагавший, что и она тоже его узнала, но нарочно хочет свернуть с дороги, чтобы избежать разговора с человеком, ставшим виною несчастий её семьи.

Долгорукий вышел на крыльцо и назвал княжну по имени.

— Ты что же, не признала меня, Александра? Я — князь Долгорукий.

Княжна ахнула, прижала руки к груди и остолбене-
ла:

— Почему вы здесь?

— Я тут по той же причине, что и ты. Всё в руке Божи-
ей... Судьба так повернулась, что вот и мы, как батюшка
твой, подверглись опале. — Князь заплакал, слёзы стыли
на его морщинистых щеках, на седой бороде. — Разве ты
не знаешь, какие беды приключились в Москве после того,
как вы отбыли сюда?

— Вы хотите, чтобы в здешних пустынях, где нет
никакого сообщения с миром, мы знали, что делается в
столицах? — воскликнула в изумлении Саша.

Князь поведал о том, что теперь Русью правит кур-
ляндец Бирон, на престоле племянница Петра I — Анна,
а Долгоруких отправили умирать в здешней пустыне, как
величайших злодеев.

Видя, что Долгорукий весь зашёлся гневом и яростью, казалось, даже позабыв об её присутствии, Саша Меншикова поспешила удалиться. Возвратясь домой, она рассказала брату о неожиданной встрече. Загоревшись огнём мщения к Долгоруким, брат возрадовался вести: вот и заклятые враги покойного батюшки получили по заслугам!..

Саша Меншикова (её было не узнать в оленьей шубе, в валенках, обшитых мехом, в крестьянском платке) уговорила брата не злобиться на приезжих, а скоро она (унаследовавшая терпеливую натуру матушки) поведала Долгоруким (скорее всего, Наталье и Ивану) о судьбе отца и сестры Марьи и возлюбленного её князя Фёдора Долгорукого.

...Удивительной окажется судьба и самой Александры Меншиковой.

С тем же судном, на котором привезли Долгоруких, Меншиковы, брат и сестра, покидали Берёзов.

Саша хорошо усвоила умные советы отца (а он не хотел для детей возврата в Петербург—Москву: мол, только здесь понял он тщету человеческих усилий), привезла в столицы крестьянское платье, в котором ходила в Берёзове, и часто вынимала его из сундука. Зачем? Чтобы ничего не забыть, как завещал отец.

А ещё удивительно, что... она вышла замуж за графа Густава Бирона, младшего брата фаворита Анны Иоанновны.

Сашу застала уже знакомая нам вездесущая леди Рондо и, конечно, написала в своих воспоминаниях. Почитаем их:

«Бедной Саше Меншиковой вовсе не суждено было долго жить в супружестве, вскоре она умерла родами. Я присутствовала на тех пышных похоронах.

Гроб был открыт. Покойница, молодая, красивая, лежала в ночной сорочке из серебряной ткани, подвязанной розовой лентой, на пышных волосах её чепец, отделанный тонкими кружевами, и маленькая корона княжны Римской империи. На лбу православная бумажная лента с молитвою. Подле неё, у левой руки, покоился завёрнутый в серебряную ткань новорожденный, который пережил свою бедную мать лишь на несколько минут. В правой руке был сжат бумажный свиток — свидетельство её духовника Св. Петру. Проститься с Сашей было дозволено и бывшим слугам Александра Даниловича Меншикова. Они вошли гурьбою, целовали Саше руку, целовали ребёнка, крепостные бабы не плакали, а просто дико выли, вопили, рвали на себе волосы. Их всех быстро удалили оттуда. Затем явились дальние родичи, знакомые Меншиковых — те тоже плакали, но уже не так истошно, целовали холодный лоб. Саша лежала безучастная, очень красивая, спокойная. Брат её всё кидался на гроб, рыдал, я уж было подумала, что юноша готов вынуть сестру из гроба и унести с собою. Нет, скорбь, конечно, должна проявляться, но не так громко, не с таким показным отчаянием. Хотя, конечно, было безумно жаль эту юную женщину и младенца, но, может быть, подумала я, там,

на небесах, обретут они покой и уж не сошлют их ни в какие ссылки.

На лице же её милого мужа тоже читалась скорбь, но скорбь молчаливая, истинная. Подойдя к дверям комнаты, где лежала покойница, он остановился и попросил подать ему настойку, приготовляемую из оленьих пантов, для подкрепления выпив её и, казалось, собравшись с силами, граф приблизился ко гробу — и упал в обморок. После того как его вынесли из комнаты и привели в чувство, гроб снесли вниз и поставили на открытую колесницу, за которой последовал длинный поезд карет и гвардейский конвой, ибо Александра была супругой военачальника...»

На похоронах присутствовал и Остерман. О нём леди Рондо написала:

«Граф Остерман, немец, которого совершенно поглотила и покорила Россия, был вице-канцлером империи. Его считали величайшим из нынешних министров в Европе, но поскольку искренность — качество, которое обычно не считается обязательным в этой профессии, граф её ничуть не проявлял. Это была “вещь в себе”, тонкий интриган. Он был любезен, обладал интересной внешностью, а когда снимал с себя маску министра, оказывался даже занимательным собеседником. Родом из Вестфалии, он приехал в Россию в качестве личного секретаря одного голландского адмирала, состоявшего тогда на русской службе. Увидев одну бумагу, переведённую Остерманом на русский язык, Пётр Первый послал за ним и, по свойственной этому монарху гени-

альной проницательности, приблизил его к себе, постепенно возвысил и женил на русской девушке — очень красивой, знатной и богатой, хотя сам граф оставался лютеранином. Он не был алчным, поскольку остался бессребреником, хотя ему были предоставлены широкие возможности».

* * *

...Когда-то четыре девочки, отроковицы, полушутя вздумали угадать своё будущее, и в Летнем саду Яков Брюс им что-то напроорочил. Почти всё забылось, но одну фразу все они запомнили: «Судьбы ваши будут решать отцы да правители». Марья Меншикова по воле отца отправилась в ссылку и теперь лежала в навечно замороженной земле. Там же, в ледяном плену, по любви своей обитала Наталья Шереметева. Катерина Долгорукая — особая судьба.

А что же с Варей Черкасской? Отец её стал услужлив Анне Иоанновне — не возразил, когда Анна пожелала взять её во фрейлины, ведь с детских лет была она равнодушна к соседу — Петру Шереметеву, вместе играли в театральные сценки, выросли.

Пётр Борисович стал щеголеват, выглядел франтом, имел утончённые манеры, любезную улыбку. Пальцы у него были длинные, музыкальные. С ранних лет стремился не столько служить в армии (хотя записан был в Преображенский полк, имел чин камергера, но не обнаружил способностей к военной службе), сколько был увлечён музыкой и театром.

Варвара рядом с ним выглядела простушкой — полная, круглолицая, к тому же имела склонность к веселью. Ей бы только детей рожать да радоваться жизни. Однако и в её судьбе вершителем стал отец. Яков Вилимович отчего-то спрашивал о дне её рождения — она сказала: родилась 11 сентября 1711 года. Звездочёт задумался и ответил: «Хорошие цифры 11 и ещё раз 11. К удаче это, и будет тебе, богатая невеста, привольная да счастливая жизнь. Ты родилась под созвездием Девы — хороший знак...»

Однако пока властвует Анна — не видать Варваре Петрушу своим мужем.

«У горькой беды нет сладкой еды»

Горькое зрелище открылось путникам, когда поднялись они на высокий берег реки Сосвы и вошли в ворота острога.

Городьба из длинных, заострённых вверху брёвен, острые колы, будто копья, отделяли острог от городка Берёзова...

Посредине площади высилось когда-то крепко, но без всякой красоты построенное здание бывшего Воскресенского монастыря. Боковые пристройки, купола сгорели, и остался лишь остов — кубического вида домина, разделённая на комнаты-кельи. Оттуда пахло нежилым мрачным духом...

Ступив за порог трапезной, старый князь Алексей Григорьевич еле удержался на ногах. Братья тоже остол-

бенели, а сёстры завывали в голос. Когда же комендант указал каждому на его помещение-келью, то оказалось, что для молодой семьи — Ивана и Натальи — места не хватает.

— Что делать? У горькой беды нет сладкой еды, — заметил, видимо, посочувствовавший им комендант. — Подмогнём!

...Но вот и год миновал, и два, и три. Одни уже приспособились, другим (Катерине и Ивану) было худо.

Как-то сели на краю обрыва Иван со своей Наташей, и сказал он:

— Жизнь наша — что черепки разбитые.

Наталья вздохнула легко, прислонилась головой к его плечу и ответила:

— Сердечко моё, не надобно горюниться...

Не услышала, как снизу поднялась Катерина Долгорукая. С досадой и завистью смотрела она на обнявшихся:

— Всё милуетесь?

Наташа вскочила:

— Садись, Катеринушка!

— Я вам не Катеринушка!

— Да будет тебе, Катя! Здесь-то чего? — урезонил её брат. — Разве только моржи да гагары поймут царское обращение?

— Замолчи!.. Тьфу, дикий край! Слова сказать не с кем.

— Отчего же? Пойдём с нами к отцу Матвею, у него матушка славная.

Дунул ветер, Катерину передёрнуло, она повела плечом, зло глянула на свой полушубок и, уходя, бросила:

— Продали меня сродники мои. Да поглядим ещё, что станется со всеми, — и стала спешно спускаться вниз.

— Дай Бог и горе терпеть, да с умным человеком! — заметила Наталья, прижимаясь к мужу. — В радости так не узнать человека, как в горести.

Она знала: лишь неустанной заботой, вниманием, шуткой может укрепить его дух. Позднее в своих «Записках» она напишет:

«Истинная его ко мне любовь принудила дух свой стеснить и утаивать эту тоску и перестать плакать; и должна была его ещё подкреплять, чтоб он себя не сокрушал: он всего свету дороже был. Вот любовь до чего довела! Всё оставила: и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним и скитаюсь. Этому причина — всё непорочная любовь, которой я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он в сердце моём был. Мне казалось, что он для меня родился и я для него и нам друг без друга жить нельзя. И по сей час в одном рассуждении и не тужу, что мой век пропал, но благодарю Бога моего, что он мне дал знать такого человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнь свою заплатить, целый век странствовать и великие беды сносить, могу сказать, беспримерные беды».

Жестока русская история, и жертвы её всегда были неисчислимы. Но, быть может, и в самом деле «золото огнём закаляется, а человек — напастями»? Не зря, нет, не зря Гоголь называл лучших представителей русского

дворянства цветом нации, сосудом, в котором заключено нравственное благородство.

А что же Катерина, родовая аристократка? С нею не произошло преобразования, как с Меншиковым и как позднее с её братом Иваном, она не стала терпеливой, как Наталья, нет! Она затаила свои мечты-мысли и... ждала своего часа, и верила в него. Конечно, вероятно, жила воспоминаниями. С детства сродники внушали ей: «Для чего рождён человек? Чтобы возвыситься, сделать достойное дело для Отечества. А потому место его — возле трона, возле царя. Так всегда было в нашем роду — мы Рюриковичи!.. Знаешь, какой был Яков Долгорукий? Самому Петру I противоборство оказывал, воле его перечил, ежели то к пользе народной, ежели интересам государевым резон... Бывало, вокруг Петра одни похвальные вопли стоят, а он, Яков Фёдорович, своё: не можно, мол, такой указ подписывать, да и всё тут! Или просто в молчании пребывает. Русь стояла и стоит на древних обычаях, и в одночасье их не изменишь... Он и в Париже, и в Варшаве живал, а расцветал только в Москве... А сколько наших сложило головы в битвах! Сколько в плену годов провели!.. Княжны и княгини нашего рода самые красивые — эвон, какова ты уже сызмальства! Ищи себе мужа достойного! Найдёшь — оправдаешь род Долгоруких...»

...Не уходили из её памяти дни обручения с юным императором, рауты, балы, встречи с иностранными посланниками, с Миллюзимо... Вряд ли узнает Екатерина, что написала в своих записках любознательная и везде-

сущая леди Рондо. Она рассказывала своим лондонским гостям о пребывании в Москве весьма красочно:

«Ах, впечатления о Москве незабываемы! В какой момент забросила меня туда моя блуждающая звёздочка! Перед свадьбой юного Петра II. Он был совсем молод, юноша лет 14. Однако — высок, строен, хорош собою и выглядел много старше своих лет. Черты лица имел хорошие, кожу очень белую, но было нечто тяжёлое, мрачное в его облике. Словно не по плечам был ему сей груз. Бедные монархи! Над ними с самого рождения повисает дамоклов меч — власть. Ну, как у нас Эдуард VI. В 10 лет стал королём, за него правили регенты, а в 15 он умер. В России я слышала выражение: “Тяжела ты, шапка Мономаха!” Воистину тяжела. Ни воли, ни свободы, ни веселья, а какие страсти кипят в борьбе за власть и благосклонность императора! А он, бедный, не может, не вправе выбрать себе жену по сердцу, не знает, что такое настоящая любовь... Да и рано ему о любви-то думать, у него ещё усы не выросли, а мальчик уж окружён “дельцами любви”, родовитыми и неродовитыми...

В выражении лица княжны Долгорукой было что-то капризное, особенно в надменной гримасе и в холодном взгляде.

Когда я появилась в России, всё ещё было полно воспоминаний о Петре Великом. Ты интересовалась личностью русского царя, называла его героем с большой буквы и просила, чтобы я писала о нём всё, что слышала. Пётр отнюдь не выглядел тем варваром, каким его представляли в Европе. В молодые годы он вспылал страстью

к дочери одного немца — Анне Монс и весьма усердно за ней ухаживал. В конце концов она уступила и стала его любовницей. В течение многих лет (кажется, лет 10) Пётр, уже даже будучи женат, постоянно ездил с ней на окраину Москвы, любил её с редкой нежностью, и многие говорили, что общение с ней облагораживало этого Героя. Ты слушаешь меня, тебе не скучно?.. Благодарю! Ах, сколь играючи обращаются с нами судьба и случай!

Однажды Пётр I поехал осматривать построенную им в море крепость. Его сопровождали иностранные министры. Когда они шли по мосткам, польский министр упал в воду и, представь себе, утонул, несмотря на все попытки спасти его. Когда вытащили тело, император приказал достать из его карманов бумаги и запечатать на виду у всех. Но тут из кармана выпал портрет. Пётр подобрал его. Каково же было его удивление, когда в том портрете узнал он свою возлюбленную! Царя охватил гнев, и он тотчас же приказал вскрыть те бумаги. В них оказалось несколько писем Анны Монс, адресованных покойному, причём с выражением самых горячих чувств. Пётр приказал доставить к нему неверную женщину. Она стала отрицать связь с поляком, тогда царь показал миниатюру с её портретом и письма, сообщил Анне о его смерти. Когда она услышала о гибели своего тайного любовника, то залилась горячими слезами. Гнев Петра был ужасен, казалось, он готов убить Анну. И вдруг... он заплакал. А потом сказал, что всё прощает... Подумай только: он её обожал, а она так обманывала его! Но он понимал, что приказать кого-то любить невозможно, нельзя завоевать сердечную

склонность, и тогда он сказал ей: “Вас я ненавидеть не могу, а себя ненавижу за слабость. Но я заслужил бы совершенного презрения, если бы продолжал жить с вами. Поэтому уйдите с глаз моих, пока я ещё в силах сдержать свой гнев, иначе я за себя не отвечаю... — И добавил уже спокойно: — Вы никогда не будете нуждаться, но я не желаю вас больше видеть”.

Почему я рассказываю тебе эту историю? Мне кажется, что в ней есть что-то общее с историей Петра II. Юный император был совершенно неопытен в любовных делах. Не успев никого полюбить, он сделался игрушкой в чужих руках...

Так вот, я наблюдала Екатерину Долгорукую в салоне супруги министра. Она приезжала туда ненадолго и почему-то спешно удалилась. Остальные гости (в основном русские) стали играть в карты. Я вообще недоумевала, почему знатные люди так много времени тратят на игру, и размышляла о человеческих слабостях. У нас в Лондоне, особенно при королевском дворе, играли редко, а азартными играми совсем не увлекались, как это делали французы, итальянцы, русские.

Я заметила, что княжна Екатерина к картам относилась с пренебрежением, но дело было даже не в пренебрежении, а в том, что её занимало другое: сердце её было преисполнено нежной страстью, и уходила она неспроста: была безумно влюблена в офицера из свиты австрийского посланника — некоего Миллюзимо...

Как-то в Петергофе давали бал, и Екатерина танцевала с этим австрийцем. Боже мой, как цвело, как сияло

её лицо! И вдруг переменялась, рассердилась и стала танцевать с Остерманом! Тот спросил её: отчего она бросила галанта, красавца и танцует с ним, стариком? “Ах, он провинился предо мною!” — капризно ответствовала она. В другой раз я от неё услышала: “Мой нрав очень трудный: когда я вижу солнце, я думаю, что его скоро закроет туча; когда вижу старое дерево — думаю, что оно может на меня упасть. Мне всего мало! И книг (а она много читала), и кавалеров, и власти...”

Такова она была, надменная Екатерина. На том же балу её пригласил юный император, и она вдруг стала так прижиматься к нему, что некоторым стало неловко глядеть на это... Куда подевалось кроткое выражение лица, которым она меня подкупила при первой встрече?»

Екатерина, эта роковая красавица, судя по воспоминаниям ссыльных, притягивала к себе ссоры и неприязности. Она требовала, чтобы к ней обращались «ваше величество». В дороге, когда солдаты потребовали, чтобы она сняла с руки перстень (царский!), она с вызовом бросила: «Только вместе с пальцем!» Когда прислали новых солдат и смазливового офицера, она повелевала им, как во времена Средневековья. Как тут не вспомнить балладу о красавице, которая сказала: «Коли меня, мой рыцарь верный, ты любишь так, как говоришь, ты мне перчатку возвратишь!» — и бросила перчатку в клетку со львами.

Однако, если тот офицер-рыцарь пытался перейти границу, красавица требовала защиты у братьев, и в результате возникали потасовки.

Однажды своенравная женщина услышала за спиной: «Это вторая невеста почившего в бозе императора Петра». Резко обернувшись, она крикнула: «Не вторая, а первая!»

Звали того почитателя княжны капитан Овцын, был он храбр и пригож собою. И в скором времени его забрали в экспедицию, к Витусу Берингу... По воле Бирона или благодаря его храбрости — неизвестно.

И всё же даже таких избалованных гордячек, как Долгорукая, Сибирь заставляет смириться, терпеть, приспособливаться и ждать светлого часа, красоты полярного сияния и — окончания ссылки. Для Екатерины Алексеевны конец наступил осенью 1740 года, спустя десять (!) лет, — уже после смерти «злыдарихи»... Однако Катерину ждала не воля вольная, не Москва, а... женский монастырь.

Быть может, там, в одинокой келье, обрела она смирение? Увы! Княжна и там, под Томском, оставалась сама собой, не смирила нрава.

Она и в монастыре требовала, чтобы обращались к ней не иначе как к «государыне-императрице», а с монахинями и игуменьей разговаривала так, будто это её рабыни. Как-то раз мать игуменьи в сердцах замахнулась на неё чётками — Екатерина повернулась и, с презрением глядя на неё, крикнула: «Надобно и во тьме свет видеть! Я — княжна, ты — холопка». После чего окно в её келье наглухо заколотили.

Мучительно переносила Екатерина то, что её ставили в один ряд с прислужницами. Красивая, честолюбивая,

темпераментная — такой оставалась княжна до конца, до того дня, когда на престол ступила Елизавета Петровна (дочь Петра I).

Наконец пришёл указ об её освобождении.

В путь, в дорогу! Как говорится, в таких условиях «бедному собраться — только подпоясаться». Зато дорога — снова по кочкам да болотам, по глухим и мрачным местам. В последний вечер Екатерина стояла, глядя на жидкий свет заходящего солнца. Небо покрылось пеленой, и опустился туман. Он густел, густел, уже не было видно деревьев на той стороне реки...

Арестантку-монахиню сопровождали солдаты. Глушь проезжих мест её поражала. Как только садилось солнце — всё погружалось во мрак. Тьма египетская! На поставках-ночёвках угнетали княжну дурные запахи, жара, пугали насекомые. Княжна содрогалась, слушая шуршание за печкой...

Молчаливые местные мужики и бабы оглядывали её с любопытством, дети разбегались, если приблизится к ним, — бросались наутёк. Похоже, что здесь ещё пребывали в представлении, что Россией правит Пётр I, настоящий антихрист.

Ямщицкие избы освещались лучиной, и тени чудищами нависали на солдат, на закутанную в лисью шубу Катерину. Спать ей иногда приходилось за шторкой и тощей загородкой, и всю ночь гудели солдатские голоса.

Ночь возвращения

Стражники, конечно, заглядывались на княжну. Но не слышали от неё ни слова, только чувствовали горделиво-презрительные взгляды.

Однажды остановились на ночлег в селении. Она — в отдельной комнате, за тонкой перегородкой. Лежала, сцепив на груди руки, воспоминания теснились в её голове, в сердце...

Но вот до неё донёсся незнакомый бодрый голос. Новый солдат? Или странник?.. Но о чём он говорит! Кого поминает? Яков Брюс! Откуда им известно это имя? И что за московский таратуй явился в этой глуши, откуда? Прислушалась: небылицы сие или правда?

— ...Среди лета, в самую жару это было. Шёл дождь. Стоял я в ту пору у самой Сухаревой башни. И вот выходит Брюс на свою башню и давай разбрасывать направо-налево колдовские свои семена... И веришь-не веришь, дождь перестаёт лить. А потом вроде как и снег сыплется. Народ бежит в панике: что это? А взглянули на башню, увидали его и понимают: Брюсова работа!

Солдат замолчал, товарищи его толкали:

— Ври больше! Давай!

— А вот ещё что он учудил — сделал из цветов девицу. Ходила, убирала, сказывали, только говорить не могла.

— Дак лучше жены и не надо! Мне бы такую! — И комната грохнула от смеха.

Впрочем, скоро стихло, а московский бахарь продолжал:

— Граф один так же рассудил и пристал к Брюсу: отдай да отдай мне сию девицу! «Да ведь она молчит», — говорит тот. «А я любоваться буду и сам ей сказки-анекдоты рассказывать стану». Что с дураком делать? Брюс опять ему объясняет, а граф пристал как банный лист. Тогда Брюс взял и достал из головы девицы шпенёк — она вся и рассыпалась цветами. «Ну его, этого Брюса, он ещё и меня в какого зверя обратит», — и граф убежал.

— Да-а... — потягивались за стенкой и ждали продолжения. Катерина тоже замерла в ожидании.

Избу окутало дымом, запахи стояли — затыкай нос, но она терпела.

В темноте опять слышались два голоса: бодрый молодой и глухой.

— Великого ума человек! Про него много чего врут и привирают, иной пустослов такого напустит, что людей обморочит... И какого только, сказывают, инструмента у Брюса не было! Труба до самых звёзд доставала! А ещё был у него железный дракон, на котором он летал. Летом-то он живёт в имении своём, а там чего только про него не болтали!.. Что является, мол, Брюс в парке в темноте и привидениями командует...

— Так он что, помер?

— В том-то и дело: умер, а живой!

— А как купцов учил!.. Всё постигнуть хотел наукой: что под землёй, что в небе, ведома ему премудрость природы... Так вот про купца. Что-то сказанул ему Брюс, да ещё руками вокруг поводил — и что ты думаешь? На другой день тот купец входит в лавку, а там каркадила! А рядом

свинья. Вот страху-то! Народ сбежался: в чём дело? Смотрят они, а никакого каркадила нету и свиньи нету.

А другой купец кричит: грабят, грабят! Народ бежит, смотрит — никаких грабителей нет. «Ах ты шалопут беспутный! — набросились на купца. — Спать не даёшь, давай плати штраф!» «Да что же это такое?» — жалются купцы. А один умный человек отвечает: «Это Брюс испытание натуры делает. Ищет корень вещества...»

А я слышал про его смерть страсти! Будто когда несли его гроб, впереди шла чёрная фигура, как тень... Фигура была, а человека — нет... Потом крышка от гроба подскочила и врезалась в стену... Это когда из дома его выносили... Ещё слышал, будто похоронили его — а головы-то нету! Куда нечистая её упрятала — никто не знает.

За стенкой послышался умиряющий голос:

— Ну будет, братцы! Страшно. Да и барышня-то наша небось не спит. Эй! Катерина Алексеевна-а-а!

Катя услышала над самым ухом громкий шёпот, но вида не подала.

Московский балагур продолжал:

— Брюс-то, которого Яковом зовут, который Петру Великому товарищем был, неизвестно где — в раю ли, в аду ли, а может, на Луне пребывает... Только есть, братцы, ещё один Брюс, то ли сын его, то ли брат, то ли племянш... Звать Александром. Слышал я, будто он прямо с нечистой силой дело имеет, с чёртом-дьяволом...

— Ну будет, будет! Мне уж черти мерещатся.

Стало тихо. Впрочем, тишину тут же разорвал целый хор храпов. Теперь княжне не спать. В голове толпились

обрывки воспоминаний о Брюсах... Два брата — Яков и Роман — воевали под началом Петра I, младший, кажется, погиб году в двадцатом, погребён в Петербурге... Ходили слухи о его сыне: мол, пригож собой и собирался жениться на Анастасии Долгорукой... Значит, Александр сделался владельцем усадьбы Глинки, ежели скончался Яков Вилимович?! От этой мысли Екатерина выпрямилась на деревянной постели, вскочила и села, уставившись в темноту...

Женщина определённой, ясной, в голове рождённой мысли-идеи, Екатерина Долгорукая теперь знала, какой следовать цели.

На троне — дочь Петра I

Десять лет правила Анна Иоанновна — и десять лет Долгорукие пребывали в ссылке. Читатель, может быть, думает, что на том закончилась пора дворцовых переворотов, начавшаяся после Петра I. Однако ровно через год после внезапной кончины Анны — и опять в ноябре! — история повторилась: на этот раз власть решила взять Елизавета.

Происходило это как в театре, впрочем, театральность была вполне во вкусе XVIII века. Образно описывает это Ключевский:

«Остерман интригами отрёп Миниха от власти, а Анна (Леопольдовна. — А.А.), принцесса совсем дикая, сидевшая в своих комнатах по целым дням не одетой и непричёсанной, была на ножах со своим супругом Антоном-

Ульрихтом Брауншвейгским, генералиссимусом русских войск, в мыслительной силе не желавшим отставать от своей супруги.

Пользуясь слабостью правительства и своей популярностью, особенно в гвардейских казармах, цесаревна Елизавета, дочь Петра I, в ночь на 25 ноября 1741 года с гренадерской ротой Преображенского полка произвела новый переворот с характерными подробностями. Горячо помолвившись Богу и дав обет не подписывать смертных приговоров, Елизавета в кирасе поверх платья, только без шлема, и с крестом в руке вместо копья, без музыки, но со своим старым учителем музыки Шварцем явилась ново-Палладой в казармы Преображенского полка и, показывая крест тоже коленопреклонённым гренадерам, сказала: “Клянусь умереть за вас. Поклянётесь ли вы умереть за меня?” Получив утвердительный ответ, она повела их в Зимний дворец, без сопротивления проникла в спальню правительницы и разбудила её словами: “Пора вставать, сестрица!” — “Как, это вы, сударыня?!” — спросила Анна спресо́нья — и была арестована самой цесаревной, которая, расцеловав низвергаемого ребёнка-императора, отвезла мать в свой дворец».

Право, это был лучший из всех переворотов XVIII века, бескровный и сопровождаемый клятвой не применять впредь смертной казни.

Елизавета родилась в год Полтавской победы, к тому же в день парадного вступления русского войска в Москву. Это было 19 декабря 1709 года. Астрологи предсказывали властное правление (ещё бы — год Стрельца!),

однако правление её оказалось, напротив, благополучным, а царица — весёлой и доброй. Особенного воспитания в детстве она не получила. Приходилась тёткой Петру II, и Остерман много старался об их свадьбе, но противником был Меншиков, и затея не удалась.

Темпераментная принцесса увлекалась верховой ездой, носилась, как настоящая наездница, по охотничьим угодьям, кокетничала то с Петром II, то с Иваном Долгоруким, и называли её Венерой — так была хороша.

Увы! С приходом Анны Иоанновны её удалили из столиц, и ходила она в простом платье из тафты, а общалась с крестьянскими девушками и детьми. (Кстати, не оттого ли после многих лет воздержания в нарядах, став императрицей, завела огромный гардероб?) Елизавета была глубоко верующей, суеверной, ходила по многу вёрст на богомолье и сильно изменилась. Она была полна несбывшихся желаний, надежд и имела небольшой дворец. Когда место на троне заняла Анна Леопольдовна, терпение законной наследницы лопнуло! Прусский посланник писал о том времени:

«Все чрезвычайно восстановлены против узурпатора (Бирона. — А.А.), и гвардейские солдаты открыто говорят, что лучше всего было бы передать власть цесаревне Елизавете ввиду того, что большинство солдат принимает её сторону».

Она вышла в мужском гвардейском платье к солдатам, и они дали клятву служить ей.

Елизавета оказалась умна и окружила себя умными министрами. Она любила Францию, знала языки и немало занималась культурой. При ней был открыт университет, созданы банки, увеличилась торговля, а аристократы получили кредиты и стали заниматься предпринимательством.

Царствование Елизаветы находилось всегда в тени Екатерины II, её обвиняли в беспорядочном хозяйствовании, а Екатерину возвеличивали за войны, за присоединение новых земель.

Между тем при ней благодаря Шувалову была модернизирована и армия. При Елизавете разыгралась одна-единственная война (Семилетняя) с Пруссией и была проведена успешно.

А разве не стоит сказать Елизавете спасибо за то, что «весёлая царица» выбрала себе в невестки, а своему племяннику в жёны молодую Екатерину?

И главное — Елизавета шла по пути, проложенному её отцом, крепила отношения с Европой...

Помня о жестокостях Анны Иоанновны и о ссыльных в Сибири, Елизавета сразу подписала указ об их освобождении.

И вот — осенняя заволока опустилась на землю, точно огромная серая шаль накрыла Москву, не давая вскинуть головы. За окном стучали голые ветки, била по окнам снежная крупа, люди из дому носа не высывали, а на смену гульбищам, гостеваниям с обильными яствами пришёл пост, дни смиренного покаяния и неторопливых чаепитий с баранками...

В глубокой грусти пребывала Наталья Борисовна: она уже узнала о страшной казни своего мужа (колесовании), побывала на его могиле.

В воротах послышался шум, а затем — звонкий грудной голос. Это, конечно, припожаловала Варвара, только она может в такую погоду неожиданно явиться. И — как всегда — с оглушающими петербургскими новостями:

— Подумай, что стряслось, Наталья! Вдругорядь — переворот. Немцы возле трона переругались!.. Государыня думала, раз у них «орднунг», так и у нас сделают они «орднунг», а что вышло? Миних против Бирона пошёл! Власть не поделили.

— Что сделалось, не пойму я тебя, Варя, — спокойно, даже равнодушно заметила Наталья.

— Да то, что Миних год назад уговорил Анну Леопольдовну взять власть... Ты знаешь, она добра и бесхарактерна, уговорить её — самую малость надобно. Уговорил Миних — и стала та правительницей... Взял восемьдесят гвардейцев, адъютанта своего Манштейна и посреди ночи нагрянул в Летний дворец, к Бирону. Руки шарфом ему связали и чуть не голого увезли на гауптвахту — вот каков молодец Миних!.. Бироншу какой-то солдат взял в охапку, понёс, а куда девать — не знает, и бросил на снег!.. А через два дня манифест от имени малолетнего императора: так, мол, и так, объявляю свою мать правительницей, Миниха — первым министром, а Головкина — вице-канцлером.

Наталье Борисовне вроде бы радоваться, но ей не по себе.

— А нынче, подумай-ка, Натальюшка, — опять переворот, только теперь императрицей будет красавица Елизавета! И велено тебе и мне явиться днями в Перово, на приём к императрице. Ой, батюшки, что-то будет? Отпустят меня, наконец, из фрейлин! Ну-ка, десять лет служила Анне да Биронам! И поженимся наконец мы с твоим братцем Петрушей!..

Раут у Елизаветы

Собрание вельмож, сановников и генералов, их важных жён, наряженных в заморские наряды, блеск эполет и золота, бриллиантовых серёжек и жемчугов. Всех затмевает, конечно, императрица. Платье из голубого муарового шёлка, французские кружева обнимают руки и плечи, волосы, белые, пышные — не надо парика, — спускаются длинными локонами. Лучезарно улыбаясь, подошла к Шереметевым:

— Каково здоровье твоё, Пётр Борисович?.. Наталья Борисовна, любезная страданица моя, каково поживаешь, что сыны твои?

Много можно бы рассказать про сыновей, только на светские вопросы всерьёз не отвечают.

— Благодарствую, ваше величество, — кланяется Наталья на модный французский манер.

— Будет, будет тебе церемонии разводить, — остановила её царица. — Я, чаю, ты уже позабыла этикетки дворцовые, а новые — где тебе знать? Не видала, не видала я тебя в Петербурге на балах — ну как, теперь авось в Москве развеселишься?..

Она стояла так близко, насколько позволял широкий кринолин. Перед Натальей были тёмные, с чуть припухшими веками глаза, лицо без единой морщинки, кожа поразительной белизны, сочный румянец и — ласковая улыбка.

Елизавета во всём старалась походить на своего отца, она сама не чинясь подходила к гостям, расспрашивала со вниманием, однако делала всё это по-женски беспечно, уходила иной раз, не дослушав ответ. Как и отец, была весьма подвижна, быстро переходила из комнаты в комнату. В одной стояли столики с шашками и шахматами, в другой — и там было особенно людно — играли в карты, в том числе в новую игру — макау, даже детям выделено место в доме. А главная зала отдана столовой, и там уже накрывали столы. Императрица скрылась из глаз.

К Наташе подошла Черкасская и шёпотом проговорила:

— Прибыла наша гордячка... Екатерина Долгорукая, вернулась. Вон она! — Варя кивнула. — Никак жениха уже себе нашла. Кажись — Брюс.

— Что ты, Варварушка, да он же, наверно, совсем старик. Какой жених?.. Помнишь, как он гадал нам в Летнем саду? А ведь сбылись его гадания...

— Ха-ха-ха! — залилась Варвара. — Ты совсем отстала от столичной жизни. Яков Вилимович, должно, уж лет пять как помер. Ой! И такое про него говорили! — Варя перешла на шёпот. — Будто голова его исчезла после похорон!.. Нет, Наташа, старый Брюс ни при чём, но у него есть племянник, Александр его имя,

красоты великой молодой человек... — Варя присела, помолчала. — Только знаешь что? Красота у него какая-то... зловещая, вроде как у Люцифера... Да и женат он, и знаешь на ком? На Анастасии Долгорукой, сродницею та приходится Катерине. Вот так.

В музыкальной зале группами стояли сиятельные господа, важные сановники, генералы, князья... И князь Голицын. В отличие от своих рослых темноголовых родственников, этот — маленького роста, с белыми волосами и за то носит прозвище Зайчик. Наталья Борисовна невольно услышала разговор его — что-то о побочной дочери Петра I, но виду не подавала. Собеседник его допытывался про подагру и колики в животе. Повернувшись, князь заметил Долгорукую и, изобразив на лице восторг, бросился со словами:

— Ах, сколь много благодарен я судьбе, что свела меня с вами. Вы же, так сказать, одна подобная среди нас... Расскажите про ссылку вашу...

Наталье приходилось играть некую экзотическую роль: ещё бы — была в крае вечной мерзлоты! Редко у кого хватало деликатности не спрашивать о пережитом, и она научилась отвечать немногословно, сдержанно. Так и теперь: слегка улыбнулась Зайчику и отделалась несколькими словами.

А сегодня Елизавета назначила аудиенцию сёстрам Долгоруким — Катерине и Елене.

Елена присела на кончик кресла. Катерина в нетерпении прохаживалась по комнате, оглядывая себя в

зеркала. Лицо её полно торжества, наряд великолепен. Наконец-то она сбросила крестьянские платья, мерзкое монастырское одеяние и вернулась к петербургской жизни!.. Возлюбленная австрийского посланника, невеста государя, дама сердца берёзовских рыцарей, почти монахиня, теперь она всякий вечер в новых гостях!

Вошла и Наталья Борисовна. Катерина понюхала табак, спрятала серебряную табакерку в бисерный кошелёк и, сверкнув огненно-чёрными глазами, заговорила:

— Ведаете ли, какой портрет заказал мой дядя? У ног — негритёнок протягивает вазу с цветами... Ещё там дерево, подобное лиственнице. А в руке дивный цветок! Сие есть аллегория.

Счастье сверкало в её глазах подобно тому, как бриллианты сверкали в ушах. Наталья Борисовна сидела с рассеянной улыбкой на устах.

— Экий молодец Василий Владимирович! — восхитилась Катерина своим дядей. — Голосовал, чтоб Остерману дали колесование, — как они порешили наших сродников, так и им надобно!

— На всё воля Божья, не кори их... — заметила Наталья.

— Ишь какая покорница! — фыркнула та. — О них, а не о муже своём печёшься!

Тут отворилась дверь, и в комнату, шурша шелками, распуская ароматы, улыбаясь, вошла Елизавета. Без церемоний подходила она к одной, другой, третьей гостье, чуть касаясь пухлыми пальчиками их плеч и рук.

— Ваше величество... — растроганно шептали они.

Обнимая Наталью Борисовну, императрица вздохнула:

— Дорогая моя, любезная!.. Вместе с тобою сострадаю я об Иване Алексеевиче, были у нас с ним размолвки, да только всё то — пустое...

Попросила рассказать о ссылке. Катерина не без кокетства и актёрской игры охотно отвечала:

— Ваше величество! Там всюду вода, как есть одна вода... Посредине остров сидит, а на нём люди нечёсанные, дурни дурнями, свету в них никакого... А на острове сём обретается зверь, именуемый олень, — цветом он серый или ореховый, рога — зело велики, ноги крепки, а бегаёт словно конь... — Глаза её расширились, лицо побледнело. — Ночи там длинные, яко... яко тоска смертная, а коли к весне дело идёт, сказывают: «Дня на единый олений шаг прибавилось»...

Императрица спросила про их надобности, ласково обратилась к Наталье Долгорукой:

— Что о себе сказать имеешь?..

— Ваше величество, премного благодарна... брат обо мне заботится.

— Мы счастливы вниманием вашего величества. — Катерина присела в поклоне.

— Счастливы? — с сомнением покачала головой Елизавета и засмеялась. — Э-эх! Когда-то мы счастливы будем... Когда чёрт помрёт, а он ещё и не хворал. Сколь горестей в державе нашей — не счесть. А в старые поры сколько их бывало!.. — Елизавета задумалась, уносясь куда-то мысля-

ми. — Мудрый ваш предок Андрей Боголюбский, лучший из сыновей Юрия Долгорукого, а — убит... Аввакум, раскольник упрямый, скоморохов, яко волков, стрелял... Да и наши князья столько крови пролили? Голицын с Борисом Долгоруким при Годунове дрались, печень грозились вырезать, волосы драли, бороды... А батюшка мой? Добр был, однако — казнил... Что говорить про Анну? Дикие времена... фрейлины немые... Помягчить надобно нравы, да вот беда — как?

— Ах, ваше величество, — пропела Катерина. — Зато при дворе вашей милости, сказывали мне, вкус французский... и будто нигде так славно не танцуют менуэт, как в Санкт-Петербурге.

Елизавета остановила пристальный взгляд на Наталье:

— Вижу печаль твою, княгиня. Сведома она мне. И жалую тебя я отныне милостью своей и желаю видеть тебя на балах и ассамблеях... Отцы наши с тобой знатные были товарищи, и я не желаю оставлять тебя заботами своими... — И, взяв под руку Наталью, удалилась в другую комнату.

Катерина, несколько раздосадованная, скрылась за гардиной, а потом вышла в сад.

Луна бледным светом заливала деревья, кусты, травы. Тёмные тени образовали причудливые, фантастические силуэты. Лицо княжны заливали слёзы, охлаждая пылающие щёки...

Но вот она резким жестом смахнула слёзы, лицо её окаменело в гордости и досаде — и заработала мысль. Она не имеет права плакать и распускать себя, она должна

очистить цель своей жизни и всё подчинить ей! Цель? Их несколько. Во-первых, вернуть долгоруковскую усадьбу Глинки, где прошло её детство. Во-вторых, вернуть свою красоту и величие, а для того найти достойного жениха. В-третьих, изучать труды Якова Брюса — она кое-что усвоила из их встреч, и начать надо с Лунного календаря, а потом... Но главное: она хочет иметь ребёнка! Ей уже 30 лет, и она должна, должна родить наследника...

Она верит в своё кольцо судьбы — и непременно на него вернётся!

Клятву, данную при обручении с императором, она не нарушила, не уронила себя, не отвечала на ухаживания в ссылке — разве пара ей тот пригожий собой храбрец Овцын? Нет, только граф или князь, и непременно умный!.. Ни в Москве, ни в Петербурге пока она не встретила такого...

О ссыльных княжнах, вернувшихся в столицы (всех, кроме Катерины), современники отзывались единодушно: стали они совсем другими. Очевидец писал: «Быв до того годы тщеславны, сделались они чрезвычайно скромны и любезны и даже сожалели о том, что они вне изгнания». Екатерина Долгорукая тоже стала другой: держалась скромно, была молчалива, но — никто не проникнул в её душу.

Катерина — в кольце судьбы

Много домов в Москве принадлежало князьям Долгоруким: на Знаменке, Волхонке, Пречистенке, Моховой...

И всюду — довольство, покой, флигели, конюшни, сады, погреб. Однако те, кто вернулся из ссылки, застали свои дома в обшарпанном виде, мебель обветшалой, диваны потёртыми, комнаты с истлевшими гардинами. Как-то постучала к Долгоруким Наталья Борисовна — встретили её неласково: не прощали мужу её того, что признался в винах и под пытками притянул чуть не всех Долгоруких.

На Большой Никитской в богатейшем подворье жила троюродная сестра Катерины по имени Анастасия. Но каково было её удивление, когда оказалось, что муж её — Александр Брюс! Катерина не замедлила нанести визит сестре.

Полы в доме сверкали жёлтым дубовым блеском, люстры хрустальные освещали залы и комнаты, коридоры и уголки раскинувшегося на две стороны дворца. Богато Долгоруковское подворье*! Да вот беда — хворает молодая княжна Анастасия. То ли пристала чахотка, то ли простудилась...

Катерина, которая за прошедшие годы набралась знахарских способов лечения, стала за ней ухаживать. Заваривала ей травы, сиживала у постели, читала вслух книги римских и греческих авторов. Анастасия, правда, более любила псалмы Давидовы да «Четьи-Минеи».

Муж дома бывал редко: то в Глинках, то в Сухаревой башне, то в лютеранской церкви. Иногда заставлял он

* Здание это прославилось во времени: многие считают, что Толстой отобразил его как дом Ростовых. А в 20-е годы Булгаков запечатлел сатирическую картину обитателей того дома — писателей. Да и теперь в том памятнике русской старины располагается один из писательских союзов.

гостью — порозовевшая, с огненными глазами, она заводила разговор о графе Якове. Катерина всё помнила: детское гадание, посещение обсерватории в Глинках, карты звёздного неба. И с великим вниманием слушала Александра.

А он показывал пытливым гостям портреты Якова Вилимовича — в молодости лицо его отличала решимость, позднее, в кирасе и белом парике, был строг и взыскателен. А на последнем портрете ничуть не похож на себя: худой, с обвисшей кожей, морщинами на лице и взглядом недобрым. Странно!

Александр называл своего дядю великим и всемогущим, сравнивал с Нострадамусом. Оказывается, тот работал над «эликсиром бессмертия», не верил, что умрёт, даже учил племянника искусству оживления из мёртвых. Кунсткамера, то есть «Кабинет курьёзных вещей», в Петербурге — тоже дело его рук. Однажды при осмотре Васильевского острова Пётр I заметил две сосны, сросшиеся так тесно, что не угадать, какие ветки к какому дереву относятся, и он воскликнул: «О, древо-монстр, о, чудище!» И велел на том месте воздвигнуть новую кунсткамеру... Лейбниц советовал царю собирать те редкости, древности — царь загорелся, и стали направлять туда всё, что «зело старо необыкновенно» и что может «наставлять и нравиться». Называли в народе тот музей «бесовской потехой»...

А что касается Москвы (поведал Александр), то старый Брюс видел сквозь землю и определил, что лучшее место для веселья Пресня, для жизни — Кузьминки, а Мо-

ховая благоприятна для учения. О тайне смерти учёного и воскресении его Александр не говорил, однако Катерина, давно подпавшая под обаяние Брюса, исполнялась всё большего интереса к его племяннику.

— Скажите, граф, — спросила Катерина, — а как ваш дядя молился?

— Всенепременно упоминал не токмо Бога, но говорил про надобность учения. Помню, повторял: «Благодарю Тебя, Всемогущий мой и Всемиловитейший творитель, как позволил мне начать и завершить сие дело...» Благодарил Богоматерь и всех святых, а в конце непременно повторял: «Всегда есть Альфа и Омега. Аминь». Верил не просто в божественное творение, но и в силу человеческого знания...

Катерина вспоминала разговоры солдат по пути из ссылки, маски на стенах дворца, алхимическую лабораторию, куда хозяин никого не пускал, телескоп... И она всё чаще стала бывать в том доме, сидела у постели больной Анастасии, рассказывала про ссылку, про своих дядёв и брата, давала настои трав. Рассказы её завораживали Анастасию, а красота вызывала завистливое чувство и... подтачивала слабый организм. Соседи косились на тот особняк, осуждали гостью, а Анастасии делалось всё хуже. В 1745 году, подобно слабой свече, жизнь её догорела.

Слухами полнилась Москва, особенно Поварская и Никитская. Отпевали Анастасию при множестве народа: церковей там вдоволь, так что звонили колокола и слышались молитвенные песнопения. Но ещё более разговоров

пошло на сороковой день. Гневом полнились переулки: ну-ка, граф-вдовец Александр Брюс не просто предложил руку и сердце Екатерине Долгорукой, а, еле дождавшись сорокового дня, там же устроил свадьбу с ней!..

Когда наступили тёплые дни, новобрачные отправились в Глинки. Катерина торжествовала! Ещё бы: цели её достигнуты — стала супругой умнейшего Брюса и вернула себе усадьбу Долгоруких, в которой когда-то цвело беззаботное её детство! Теперь осталось только одно... И тут она замолкала, прикусив губку, и никому не высказывала сокровенного желания...

Однако, подъехав к Брюсову дворцу, чего-то испугалась. Прежде маски не казались такими устрашающими: то смех, то ужас, то насмешка, то высунутый язык — видно, много тут покудесили итальянец со своим хозяином...

Дня три водил её супруг, поддерживая за локоть, услужливо показывал строения, пруды, конюшню, домик для алхимических опытов (значит, племянник продолжает дядины занятия?). И обсерватория, и дельфийский оракул, который некогда напугал Катерину, и библиотека с тёмными корешками книг, Платон и Бэкон — всё на месте.

Они шли по аллеям, а слева и справа выскакивали кошки, и все чёрные, белые или чёрно-белые. Катерина кошек не любила и шарахалась в сторону. Александр проводил супругу в дом бывшей жены Якова Брюса Маргариты, дал ей горничную, а сам удалился по хозяйственным нуждам.

Катерина спросила: почему такое изобилие кошек? Горничная сказала:

— Супруга Якова Вилимовича сильно жаловала кошек, а один кот — совсем чёрный — был её любимцем, и называла она его Яшкой. Да он и теперь бродит где-то тут, возле её дома.

— А разве Маргарита Мантейфель жила не в том же доме, что граф? — спросила молодая жена.

— Маргарита жила в бывшей оранжерее, она не любила... многого. Да и на звёзды не любовалась, а как боялась прорицаний!

Катерина ступила в дом Маргариты. Красные кирпичи ничем не были покрыты, и в доме вообще нечто неуютное, небрежное. Так же и в самом доме — прохладно и одиноко. Горничная поняла, что гостье холодно, и затопила печь. Разжигала огонь и приговаривала:

— Старая-то барыня сильно любила свой дом. Кошки лежали на всех ступенях... Я когда тут ночую, то слышу: вроде как Маргарита бродит по лестнице, дух её обитает, видно, не хочет расставаться... А я, бывало, возьму иконку, подниму — и она уходит... Вы только про то не думайте: кто не думает — к тому они не являются. Вот и иконка тут... Спите-почивайте, графинюшка! Я тут, рядом.

— Я не графиня, а княгиня! — поправила её Катерина.

— Ну и пусть княгиня. Покоя вам, Екатерина Алексеевна.

Ночью у молодой жены (а ей уже шёл 34-й год) поднялась температура, да так, что женщина не могла согреться,

её колотило. Наконец уснула, но не прошло и часа, как кто-то четырежды постучал в стенку. Сердце Катерины забилось, она замерла...

— Эй, как тебя там? Страшно...

— Да что вы, барыня, чего бояться-то? Перекреститесь... Али вам холодно?

— Ещё как холодно! Дай ещё одно одеяло.

Служанка подвинула ближе свою лежанку, подтопила печку. И только тогда уснула вдруг загрустившая Катерина...

Ночью ей снилось что-то детское — маленький театр, украинские песни, буйные пляски Палашки... «Куда она подевалась?» — смутно мелькнул вопрос.

А утром, проснувшись, размышляла: какой она была в детстве? Помнится, всех умиляла сообразительностью, догадливостью, была себе на уме, самолюбива... Но никто не знал, что в ней постоянно гнездились тревожность, сомнения; правда, скоро она научилась скрывать свои чувства под маской гордого княжества...

Ах, скорее бы занять ей ребёночка!.. Тогда всё вернётся на колесо её судьбы...

АВТОР — ТОЖЕ В КОЛЬЦЕ СУДЬБЫ (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Авторы нередко повторяют судьбы своих героев. (Как-то историк и писатель Эйдельман предрёк свой конец в возрасте его любимых героев.) Поиски в архивах и библиотеках ничем не завершились — и вдруг! — случайная встреча, поездка, и открывается тайна кончины Екатерины Долгорукой...

Мне предложили бесплатную путёвку в санаторий под названием «Монино». Я уже побывала в двух санаториях, расположенных в бывших дворянских усадьбах. Встречалась с потомками Шереметевых, Оболенских, Гудовичей, которые жили, чувствуя за спиной взыскательность предков. А «Монино» было домом отдыха лётчиков.

Однако, подойдя к своему корпусу, на красном кирпичном доме я увидела чугунную доску с надписью: «Памятник архитектуры XVIII века». Даже не XIX, а XVIII! Значит, История опять управляет моей судьбой, и мне не вырваться из её кольца? Однако обо всём по порядку.

...Меня поразила встреча с гигантским чёрным котом. Хвост — как чёрный дым из трубы, усы — как у Будённого, а шаровары — гоголевские, и ни единого белого пятнышка! Кот вёл себя как хозяин здешних мест, что-то графское, величественное было в его повадках. А рядом с

ним щеголяла абсолютно белая очаровательная кошечка. Супруги в полной красе!

Чёрный кот, которого, оказывается, кое-кто называл по имени владельца этой усадьбы — Брюс, не вертелся возле столовой в поисках пропитания, обходил стороной армию разноцветных кошек, шмыгавших под ногами. На людей он смотрел хмуро, а на белую киску — милостиво.

Местный краевед А.Н. Филимон немало поведал нам о Брюсе, ну и я, конечно, зачиталась... Выстроились имена: Нострадамус, Яков Брюс, Фауст, Мефистофель, Маргарита, русский доктор Фауст... А ещё — Пушкин и Гёте...

Читаю редкие воспоминания о молодом Пушкине и о старом Гёте. Кто-то из друзей Пушкина (Веневитинов, Жуковский, Кюхельбекер?) привёз в подарок гусиное перо, которым писал Гёте!.. (Скорее всего, Кюхельбекер, ибо его отец учился в гимназии вместе с Гёте.) И в 22 года Пушкин написал стихотворение, которому предпослал строку из «Фауста» — «Gieb meine Jugend mir zurück» («Верни мне молодость»). Фауст тревожил воображение поэта, и он не раз возвращался к этой теме. Уж не тем ли пером Пушкин писал и сцену игры в карты в «Сценах из Фауста»?

- Кто там? — Здорово, господа!
- Зачем пожаловал сюда!
- Привёл я гостя. — Ах, создатель!..
- Вот доктор Фауст, наш приятель. —
- Живой! — Он жив, да наш давно...

А затем — встречу Фауста и Мефистофеля на берегу моря:

...В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч её случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как он... Но ей
Прямое благо: сочетание
Двух душ...

Мефистофель соблазняет стареющего учёного, знакомит с юной Гретхен.

Брюс вызывает в памяти образ народного героя немцев — Фауста. Но русского Фауста-Брюса не соблазняют ни война, ни лёгкая добыча, ни красотки (хотя жена его — Маргарита). Он рад служить великому и умному царю, заниматься наукой, опытами, экспериментами.

Какое соединение имён! Читая Пушкина и думая о Фаусте, невольно вспоминаешь строки о бале у сатаны и, конечно... Михаила Булгакова.

Сегодня бал у сатаны,
На именины мы званы.
Скажи мне: скоро ль будут гости?..

Так вот почему эпиграфом к роману «Мастер и Маргарита» Булгаков взял строки из «Фауста» Гёте!

...так кто ж ты, наконец?
— Я — часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.

И как это похоже на Брюса! Он злился на сановников, наследников Петра, имя его связывали с нечистой силой, он окружил свой дворец устрашающими масками -- но сколько добра он совершил! Командовал артиллерией, подписал Ништадтский мир... Он жаждал блага, делал опыты, опасные для жизни, одолевал барьеры... Был поклонником Лютера, протестантом, а молитвы заканчивал словами «Бог» и — поминанием азов грамоты: «Альфа и Омега»...

Да, я попала в усадьбу Брюса. Но при чём тут «невеста-государыня» Екатерина Долгорукая?

Бродя по парку, наткнулась на разрушенную (но ещё живую) церковь. Пустые глазницы выбитых окон, взорванная часть стены, холодный ветер. Что за могилы возле алтарной части храма?

Какая-то женщина, из соседней деревни, помолившись на икону, встала рядом.

— Чьи это захоронения? — спросила я.

И тут, опустив глаза, увидела того чёрного кота! Он потёрся спиной об остатки памятника, бросил на меня злобный зелёный взгляд — и скрылся...

— Кому этот памятник? — переспросила я.

— Да жене Брюса! — ответила она.

— Якова Вилимовича?

— Нет, другого... Одна жена у него была Румянцева, тут так и написано, а другая — Екатерина Долгорукая... Мало пожила только.

Вот это подарок судьбы! Я стою возле могилы Екатерины Долгорукой? Чудо?! И годы жизни, которые столько раз искала в справочниках и не находила, обозначены: 1712—1747. Значит, в год обручения княжны с Петром II ей было семнадцать лет, а ему — четырнадцать. В ссылке прожила десять лет, потом монастырь — и в Москве оказалась в 1742 или 1743 году? Встретилась с племянником Якова Брюса, стала его женой и поселилась тут, в Глинках, в долгоруковской вотчине... Но почему так скоро умерла? Тайна? Оказывается, умерла она родами...

Эта мистическая женщина не выбирала себе заурядную судьбу: или царь — или сподвижник великого царя, звездочёт, математик, учёный, пусть хотя бы его племянник... Она поднималась в обсерваторию, наблюдала за звёздами и созвездиями в лунные ночи, ждала особых знаков... Парк плотно засажен, тяжёлые ели, густой лес, и витают некие мрачные силы. Не они ли стали причиной смерти Екатерины? Да и двух дочерей Маргариты Брюс, — видно, не лучшее это место для детей...

Так вот где нашла упокоение кипучая душа княжны-красавицы! Не удалось ей сделать последнего шага, чтобы стать настоящей императрицей (а по уму и хватке могла бы!). Пожертвовала любовью ради вла-

«Боярский царевич». Тайна смерти Петра II

сти... Не поняла, что гордым судьба противится, а Бог счастья не даёт...

Вспоминала ли несчастного царевича-отрока Петра II? Каялась ли, винулась ли перед ним — неизвестно. Это стало ещё одной тайной русской истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
У ГРОБА ИМПЕРАТОРА.....	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
СУДЬБА НЕВЕСТЫ-ГОСУДАРЫНИ.....	163
АВТОР – ТОЖЕ В КОЛЬЦЕ СУДЬБЫ (ВМЕСТО ЭПИЛОГА).....	260

Научно-популярное издание

Тайны Российской империи

Алексеева Адель Ивановна

«БОЯРСКОЕ ЦАРСТВО»

ТАЙНА СМЕРТИ ПЕТРА II

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.09.2010. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 1081.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Среди белых пятен русской истории — 1725–1730 годы, когда за пять лет сменилось четыре императора. В их числе был отрок Петр II, при котором завязался тугой узел придворных интриг. Что будет с юным императором, чем кончится схватка Давида с Голиафом, каковы намерения Петра II и их завершение? Чего добивалось окружение царя и что из этого вышло? Обо всем этом пишет историк и писатель Адель Алексеева.

ISBN 978-5-9533-4840-9

9 785953 134840 9

